

Андрей Феликсович Величко

Эра надежд

Терра инкогнита – 3

http://samlib.ru/w/welichko_a_f/em-3.shtmlСамиздат;

Аннотация

Третья, завершающая книга цикла "Терра Инкогнита".

Андрей Величко

Эра надежд

Пролог

Первый лейтенант Небесного Флота Франции виконт Александр де Тасьен повернулся назад и махнул рукой бортмеханику. В принципе можно было и просто выкрикнуть команду в переговорную трубу, но Александр хотел еще раз убедиться, что Пьер готов и будет действовать так, как они договорились.

Тот кивнул и для порядка еще несколько раз качнул рукоятку воздушного насоса, хоть над спиртом и было давление, вполне достаточное для работы горелки на предельном режиме в течение как минимум десяти минут. Потом взялся за ручку водяной помпы и начал качать ее.

Де Тасьен понимал, насколько ему повезло с бортмехаником. Ведь по традиции туда принимали людей из третьего сословия, а требовались на этом месте большая физическая сила, выносливость, сообразительность и немалая отвага. Но Пьер, отобранный лично им, обладал всеми этими качествами. Ну, теперь только бы не струсил в самый ответственный момент...

О том, что в случае взрыва парового котла бортмеханик умрет мгновенно, а ему придется помучиться, но конец все равно будет тем же самым, де Тасьен предпочитал не думать. Он внимательно всматривался вперед, туда, где недавно в разрыве облаков мелькнул серый вытянутый силуэт. По закругленным концам вертикального руля Александр сразу опознал "Шотландию". Дирижабль австралийской сборки второй модификации с турбиной повышенной мощности и улучшенной управляемостью, способный разогнаться до сорока пяти километров в час. Черт побери, ну почему же у Франции нет таких машин?

Да потому, вынужден был признать первый лейтенант, что нами правит его величество Король-Солнце, которому хочется иметь большой небесный флот. И он у него есть – двенадцать воздушных кораблей, в то время как у Вильгельма их всего три. Но, дьявол его задери, они все австралийские! И заправочное оборудование тоже, и по два подготовленных экипажа на каждую машину, вот англичане и летают практически каждый день. У нас же...

Не сдержавшись, Александр плюнул за борт. На девяти машинах бумажные баллонеты, которые текут, как решето! Реакторов всего четыре, и только один из них австралийский, остальным же для заправки одного дирижабля требуется трое суток. Как раз пока заправляешь один, предыдущий за это время растеряет половину водорода! И вечная нехватка то кислоты, то цинка, то обоих реактивов вместе.

В общем, Небесный Флот не мог поднять в воздух более двух дирижаблей одновременно. И лучшим из его воздушных кораблей была старушка "Франция", за штурвалом которой сейчас и сидел де Тасьен.

Но все-таки у него имелось два козыря. Первый из них – новый паровой котел от лучшего парижского мастера мэтра Бурлье. Мэтр утверждал, что на испытаниях его изделие

выдержало двадцать атмосфер. Правда, предохранительный клапан он настроил все-таки на восемнадцать. Так себе козырь, больше чем на семерку не тянет, однако есть и другой, который де Тасьен считал тузом. Вот он, под чехлом рядом с пилотским местом. Новейший австралийский пулемет, специальная облегченная конструкция, правда, с барабаном всего на двадцать восемь зарядов. И, главное, пули в нем.

Как-то раз увидев выстрел из австралийской пятидесятимиллиметровой пушки, де Тасьен обратил внимание, что за снарядом остается дымный след. И вместе с королевским пиротехником придумал начинку для пуль, которая зажигалась в момент выстрела и горела все время полета пули. Это не только позволяло точно видеть, куда стреляешь, но и не оставляло шансов дирижаблю при попадании. От обычной пули может быть и просто дырка, но те, что заряжены сейчас в барабанах, обязательно подожгут водород.

"Шотландию" надо было как можно быстрее уничтожить, слишком много неприятностей этот корабль доставлял французам. Король обещал, что сделавший это немедленно получит графский титул и звание адмирала.

Тут де Тасьен снова плюнул. Обещать-то его величество обещал, ни титул, ни звание денег не требуют. Но почему австралийский пулемет Франция купила только один? Причем не тот, что установлен рядом, а старый, который обошелся всего в полторы тысячи рублей. Мол, академики разберутся, как он работает, и мы наделаем себе таких же. Третий год разбираются, дармоеды! Да и тяжеловат тот всеящий полтора ста кило пулемет для дирижабля.

Этот же был куплен самим де Тасьеном и на его личные деньги. Пришлось отдать за него все, что было, то есть восемнадцать ливров! Однако герцог Алекс оказался столь любезен, что предоставил рассрочку на недостающие три с половиной тысячи. И подарил на память алюминиевую сторублевую монету, из-за которой чуть не передрались два королевских ювелира, но денег от ее продажи с лихвой хватило на изготовление горящих в полете пуль.

Облака становились все реже, и Александра начало помаленьку одолевало беспокойство. Как бы не заметили его англичане раньше времени, ведь тогда они смогут легко уйти, пользуясь преимуществом в скорости.

После недолгих сомнений Александр дернул за шнур под пилотской скамейкой, и последний из четырех мешков с песком полетел вниз. Балласта уже нет, но надо подняться повыше, где облака вроде чуть гуще.

Теперь первый лейтенант избегал смотреть в ту сторону, где летел пока не замечающий его английский дирижабль. Александр точно знал, что внимательный взгляд можно почувствовать. Вот он полгода назад почувствовал, потому и жив до сих пор. Наоборот, де Тасьен смотрел вверх и при этом бормотал только что придуманную не то песню, не то молитву "я тучка, тучка, тучка, а вовсе не дирижабль!". Еще минуты три, и англичанам никуда не деться. Для разворота им потребуется время, за которое более тихходная "Франция" подойдет на дистанцию выстрела. Минута... другая... о дьявол!

Подвижное перо вертикального руля "Шотландии" пошло вправо. Заметили, лимонники, и начали поворот. А их бортмеханик оторвался от рычагов и возится со штуцером. Это он зря, но ведь и так может уйти!

– Давай! – заорал де Тасьен в переговорную трубу.

Сзади раздались металлические удары, это механик забивал клин в предохранительный клапан. А потом хекнул и начал качать. Ох, как начал! Рукоятка помпы чуть не гнулась в его могучих руках, и временами Александру казалось, что сквозь все повышающийся истошный вой турбины он слышит громкое сопение бортмеханика. "Францию" раскачивало – то ли от порывов ветра, то ли от титанических усилий Пьера.

Де Тасьен закрепил штурвал, педали и, сдвинувшись вправо, осторожно снял чехол с пулемета. Виконт считал, что на земле ценность этого оружия невелика. И не столько из-за большого веса, сколько из-за возможности загрязнения. Несколько песчинок, попавших в тонкий механизм, вполне могут вызвать задержку или даже полный отказ. Но тут-то, в небе,

откуда им взяться? Да и дым после первых же пяти выстрелов на земле закроет весь обзор, а на дирижабле его сразу сдует назад.

Лейтенант быстро разжег спиртовку, закрыл отсек бойка стеклянной крышкой и, пока игла раскалялась до малинового свечения, еще раз проверил зазоры в шестеренках и толкателях, хоть и лично регулировал их перед вылетом. Все в порядке, можно заводить пружины – сначала большую барабана, потом малую затворного механизма. Это следовало делать перед самым открытием огня, от долгого стояния в сжатом виде пружины могли ослабнуть.

"Шотландия" тем временем развернулась уже почти наполовину, а ее бортмеханик выстрелил из своего штуцера. Ясное дело, не попал, между дирижаблями еще не меньше трехсот метров!

В свист турбины начал вплетаться какой-то скрежещущий звук, но де Тасьен не обращал внимания, ведь осталось всего несколько секунд. Он совместил мушку с вырезом в прицельной рамке так, чтобы они смотрели прямо в центр надписи "Роял айр нави" на борту англичанина. И дал короткую пристрелочную очередь. Пули прошли ниже, значит, он недооценил расстояния до "Шотландии". Ствол чуть вверх...

Турбина сзади загрела так, что де Тасьен почти не слышал грохота своего пулемета, но он видел, как яркие черточки по крайней мере трех пуль исчезли в борту английского дирижабля. Сначала не происходило ничего, но потом ближе к хвосту из-под обшивки вырвалось пламя, а в следующий момент "Шотландия" взорвалась. И тут же "Францию" затрясло, вместо воя сзади пошел лязг, вскоре заглушенный мощным свистом срабатываемого пара. Подождя, пока он прекратится, де Тасьен обернулся.

– Турбине кирдык! – крикнул ему механик.

И в Англии, и во Франции воздухоплаватели давно мерили расстояния в метрах, веса в килограммах, а объемы в литрах. Кроме того, среди них получили распространения характерные слова, которыми комментировали различные ситуации австралийские инструкторы.

Конечно, Пьер человек смелый и сильный, однако его техническая грамотность оставляет желать лучшего, подумал де Тасьен, глядя на развороченный корпус турбины, из которого торчали гнутые лопасти. Какой же это кирдык? Тут совершенно явный песец, даже и думать не о чем.

Потом лейтенант посмотрел вниз. Там, примерно в полукилометре, блестела чуть подернутая рябью волн поверхность Ла-Манша. Судя по тому, что ни одного из берегов не было видно, они находились примерно посередине, то есть не менее чем в пятидесяти километрах от Шербура.

Де Тасьен попытался оценить направление и скорость ветра. Их понемногу несет туда же, куда движутся волны, то есть на восток, вдоль пролива. Это нехорошо, так можно лететь долго, а залететь вообще черт знает куда. Впрочем, из-за утечек дирижабль все равно опустится не позднее чем через сутки. А что вверх?

Там облака шли в нужном направлении, то есть на юг, но до них было не меньше километра. И, значит, надо сбрасывать все, без чего можно обойтись, чтобы набрать необходимую высоту.

Пьер это тоже понял, отчего взял гаечный ключ и начал было откручивать гайки крепления спиртового бака. В безмерном изумлении де Тасьен смотрел на действия своего бортмеханика, но быстро очнулся и рывкнул:

– Двоечник! Каким местом ты слушал объяснения господина Цеппелинюка? Сбрасывать надо в первую очередь то, что больше весит, а вода гораздо тяжелее спирта! Значит, первым делом водяной бак. За ним – котел, мэтр Бурлье не надорвется сделать еще один. Не хватит – скинем турбину, один черт ее уже не починить. И только потом, если этого окажется мало...

Механик занялся водяным баком, а виконт повернулся спиной к штурвалу и педалям – все равно рули уже не могут оказать никакого влияния на полет. Достал из ящичка под

сиденьем небольшой австралийский стаканчик из очень легкого полупрозрачного материала, открыл краник, налил горючего и, задержав дыхание, употребил. Эх, до чего же хорошо пошло!

Проводив взглядом кувыркнувшийся вниз водяной бак, Александр расстелил на сиденье рядом с собой шелковый платок, выложил туда три недозрелых томата, после чего достал алюминиевую флягу. В ней сейчас булькал не спирт, а пиво, ибо горючего в баке вмещается двести литров. Правда, к текущему моменту там оставалось чуть меньше ста, но этого все равно хватит. Пиво же, хоть оно и простонародный напиток, великолепно подходит запивать стаканчики от второго и далее. Гораздо лучше анжуйского или даже шампанского вина, хотя некоторые, например шевалье де Кувре, так не считают. Ну и бог им судья, Александр вообще недавно с удивлением услышал от королевского медика, что плоды томатов, например, страшно ядовиты. Да что может понимать эта клистирная трубка, когда сам герцог закусывает спирт именно ими? Особенно хороши вот такие, еще слегка зеленоватые.

Посмотрев, как вслед за водяным баком вниз отправился котел, де Тасьен принял еще стаканчик, закусил томатом и, самую малость подумав, для полной гармонии добавил пару глотков пива.

Вовсю светило солнце, и вообще жизнь явно была хороша. И австралийцы молодцы – придумали сделать крепления так, что для сброса любого оборудования требовались усилия всего одного человека, так что вставать и идти помогать Пьеру, начавшему возиться около турбины, не было никакой нужды.

Виконт снова взялся было за стаканчик, но глянул влево и засунул емкость обратно в ящик. Пулемет! Вот его-то ни под каким видом сбрасывать нельзя, а, значит, надо загасить спиртовку, распустить пружины, протереть подающий механизм и аккуратно зачехлить оружие. И только потом продолжить утоление духовной жажды. Кстати, как там высота? О, уже почти добрались до второго слоя облаков, и теперь ветер ощутимо сносит дирижабль на юг. Так что сбросим турбину, и высоты с гарантией хватит долететь до берегов Франции.

Де Тасьен с любовью смотрел на хитрый механизм, обошедшийся ему в совершенно непредставимую сумму. И неважно, что он ее не отдавал – долг есть долг, от него никуда не деться. Единственное утешение – герцог, ясно понимая стесненные обстоятельства виконта, не настаивал на скорейшем погашении, предоставив срок в пятьдесят лет. И специально подчеркнул, что на наследников этот долг не перейдет, так что дорогой виконт может не опасаться, что в случае, например, его преждевременной гибели в бою у него, Алекса, будут к Александру какие-нибудь претензии. Ха, даже если мне и дальше так будет везти, что я в конце концов умру в своей постели, то все равно это случится гораздо раньше, чем через пятьдесят лет, подумал тогда виконт.

Тут он был и прав, и не прав одновременно. Ему действительно было не суждено дожить до окончания пятидесятилетнего срока, но совсем немного, всего полгода. Граф Александр де Тасьен, генерал-адмирал Небесного Флота Франции, кавалер орденов Святого Михаила, Святого Духа, Святого Людовика и даже австралийского Дружбы Народов, скончался в пятьдесят пятый год века железа и пара на девяносто четвертом году жизни. Да и то принявший последний вздох графа врач утверждал, что, если бы не излишняя любовь адмирала к горячительным напиткам, коей он не изменял до последнего дня жизни, то его сиятельство прожил бы еще как минимум несколько лет.

Но сейчас, в июле тысяча семьсот шестого года, Александр де Тасьен, понятное дело, знать этого не мог. И поэтому, убедившись, что турбина благополучно покинула гондолу, он откушал третий стаканчик, запил, закусил, аккуратно свернул платок. После чего, откинувшись спиной на закрепленный штурвал, уперся ногами в спиртовой бак и надвинул на глаза козырек летного шлема. Жизнь была не просто хороша, а прекрасна. И, значит, ничто не помешает вздремнуть часа три-четыре, за которые ветер донесет неуправляемый дирижабль до берегов Франции.

Глава 1

Двадцать девятого июля угольные ямы крейсера "Капитан Врунгель" наконец-то были заполнены, хотя и с заметным опозданием. Уголь поставляли англичане, но после того, как мы чуть не утопили их линейный корабль "Сент-Джордж", Вильгельм счел нужным показать, что он обиделся, и начал волокитить угольные поставки.

Наша европейская база на архипелаге Силли представляла собой оазис мира посреди охваченной войной за испанское наследство Европы. Корабль любой страны мог зайти в гавань на острове Сент-Агнес, а прибывшие на нем – поговорить с австралийскими представителями о чем-нибудь возвышенном. Например, о поставках турбин или пулеметов. Но, естественно, англичанам не нравилось, когда к нам с подобными целями заглядывали на огонек французы, эти хотели не допустить австрийцев и тех же англичан, и так далее. Пару раз в непосредственной близости от островов устраивались настоящие бои, причем второй раз это произошло во время моего четвертого визита в Европу. Полночи два каких-то урода палили друг в друга из пушек, спать не давали! А у нас, между прочим, на острове Сент-Мэрис база дирижаблей, мало ли, залетит какое-нибудь шальное ядро.

Короче говоря, я тогда взял карту, циркуль и обвел вокруг центра архипелага круг восемнадцатикилометрового радиуса, после чего довел до заинтересованных сторон, что отныне тут демилитаризованная зона. И всякий, кто вздумает стрелять в ней хоть из пистолета без санкции австралийцев, немедленно на своей шкуре почувствует мощь их артиллерии.

Кстати, англичане, как и будущем, сейчас совершенно явно вели политику двойных стандартов. Когда мы два года назад сожгли решивший нарушить покой мирного архипелага французский фрегат, Вильгельм нисколько не возмущался. А вот когда их линкор в пятнадцати километрах от нашего берега вздумал обстрелять французскую шхуну и словил за это торпеду с патрульного катера, английский король впал чуть ли не в прострацию. Мол, это второй по мощи корабль английского флота, а вы с ним поступили так некрасиво. На чем теперь с французами воевать?

И ладно бы мы утопили их корыто, так нет, оно осталось на плаву, хоть и в сильно поврежденном виде. Что поделать, это же первое натурное испытание наших торпед. И, кстати, по его результатам они были признаны недостаточно мощными. Говорил я Илье, что английский линкор штука очень прочная и такой мелочи, что мы делаем, ему может не хватить, а император не верил.

Но тут получилось очень удачно в том смысле, что на подвергшейся нападению шхуне к нам плыл де Тасьен. И я показал ему облегченную модель барабанного пулемета, а потом проследил, чтобы он получил хоть какие-нибудь сведения о трассирующих пулях и снарядах. То, что виконт мужик сообразительный, я уже знал, и в этот раз он тоже оправдал мои ожидания. Через две недели после инцидента с линкором новейший английский дирижабль "Шотландия" был сбит, а спустя четверо суток на Силли появился сам королевский камердинер Натаниэль Мосли. Он сообщил, что все виновные в волоките с угольными поставками уже наказаны, два груженных корабля вышли из Кардиффа и завтра будут здесь. А ему поручено обсудить условия срочного заказа нового дирижабля, отличающегося от "Шотландии" мощным оборонительным вооружением.

Так что флагман нашего крейсерского флота в ближайшее время сможет пуститься в путь к берегам Таганрогского залива.

Этот самый флот состоял из трех довольно похожих по конструкции корпуса, но вообще-то разных кораблей.

Первый из них при закладке был назван броненосцем, хотя по сути являлся канонерской лодкой береговой обороны. Он получил имя "Матрос Фукс" и нес службу у берегов Австралии.

Второй был сделан заметно мореходнее, и сейчас "Старший помощник Лом" демонстрировал австралийский флаг в Красном море. А "Капитан Врунгель" отличался от

своих собратьев еще и двигателями. У нас наконец-то получилось сделать прямоточные машины тройного расширения мощностью в восемьсот сил, и две таких стояли на "Врунгеле", благодаря чему он на одной заправке мог пройти десять тысяч километров со скоростью восемнадцать километров в час. На форсаже машин скорость составляла чуть больше тридцати.

Все три корабля были полностью лишены парусного вооружения. Правда, на их атрофированных мачтах при желании можно было растянуть куски полотна, хранящиеся в каптерках, но это на такой крайний случай, которого до сих пор не было, причем я надеялся, что и не будет.

Вооружены они тоже были почти одинаково, имея по четыре пушки калибром в сто миллиметров. Правда, на "Врунгеле" стояли орудия чуть подлиннее, сорокакалиберные, то есть с длиной ствола четыре метра. Из них ученики Ваки могли вполне прилично стрелять на семь километров.

Для самого же Ваки это был последний перед пенсией поход, за время которого он собирался окончательно убедиться, что вырастил достойную смену. Все-таки ему недавно стукнуло пятьдесят девять лет, и он собирался по возвращению в Австралию осесть в Ильинске, где заняться преподавательской деятельностью.

Впрочем, я не очень расстраивался из-за задержки с углем, потому что на Силли еще не явились "Молния" и "Катя" – корабли, построенные для нас голландцами по типу чайных клиперов. Мы вышли из Ильинска одновременно, но парусники отстали, хотя "Врунгелю" пришлось три раза дозаправляться – на острове Амстердам, в Кейптауне и на Мадейре.

"Молния" была сделана как пакетбот, то есть грузопассажирское судно, и везло второй состав Иностранного легиона в количестве трехсот с небольшим бойцов. Вернувшиеся на родину легионеры первого призыва продемонстрировали столь богатую добычу и премии, да потом так расписали свои подвиги, что конкурс в наш Иностранный легион достиг пяти человек на место. Принимались туда исключительно арауканы, уже продемонстрировавшие свое воинское искусство. А заниматься новым легионерам придется тем же самым, что вполне успешно делал и первый состав, то есть истреблением ногайцев. Кстати, среди командного состава было три десятка человек, пожелавших отслужить второй срок.

"Катя", построенная по чертежам "Катти Сарк", являлась чистым грузовиком и везла в основном оборудование для Ост-Австралийской компании, в том числе два небольших паровозика и восемь вагонов, среди которых был и мой персональный салон. Потому как мне предстояло довольно далекое путешествие, аж в Москву. Дело в том, что меня туда пригласил Петр на свою свадьбу. Причем женился он не на ком-нибудь, а на принцессе Светлане Бариновой, в преддверии свадьбы принявшей православие и сменившей имя на Екатерину.

За восемь лет, прошедших с момента основания Ост-Австралийской компании, она смогла протянуть железные, а точнее чугунные дороги от Донецка в одну сторону – до Таганрога, а в другую – до Орла. Между Старым Осколом и Донецком регулярно курсировали два десятка поездов с велосипедным приводом, причем иногда они ухитрялись проходить под парусами до половины пути. Настала пора переводить дорогу на паровую тягу. Правда, до такого технического маразма, как паротурбинный паровоз, мы с Ильей все же не дошли, хотя подобная мысль была, так как у нас валялась без дела коробка передач от Камаза. Но она была всего одна, так что мы просто спрятали поршневые машины внутри наших паровозиков, а снаружи все-таки присобачили турбины, которые не только гремели и свистели, но еще и крутили генераторы. Разумеется, машинисты будут знать, что находится в недрах их машин, но они никому не скажут. Потому как нам действительно удалось повернуть конструкторскую мысль Европы в сторону турбин, и сейчас все считали поршневые машины тупиковой ветвью развития.

И, значит, от Таганрога до Орла мне предстояло ехать по чугунной дороге. В Орле к моему визиту компания построила деревянный катамаран, двигатель для которого я вез с

собой. Вот это уже была турбина, но с конденсатором отработанного пара и гибким валом, то есть сделанная как положено. Она оказалась даже чуть экономичней, чем поршневой паровик такой же мощности, но мы не были уверены в ее ресурсе. Впрочем, от Орла до Москвы и обратно его явно хватит. И наверняка останется, так что потом этот кораблик будет преподнесен Петру в качестве свадебного подарка, но с отложенным вручением. На ее редуктор и пошли шестеренки от той самой коробки. По идее, они смогут служить долго, потому как наша турбина крутилась хоть и быстрее, чем камазовский движок, но мощность имела всего около шестидесяти сил.

В Орле, Калуге и Коломне были подготовлены угольные склады. Ну, и в крайнем случае топка сможет работать и на дровах, а уж леса-то по берегам Оки более чем достаточно.

Разумеется, водный путь был существенно длиннее сухопутного. Но, надеюсь, все помнят про две российские беды? Правда, точно неизвестно, кто автор этого афоризма, Гоголь, Салтыков-Щедрин или Николай Первый, но его истинность до сих пор не оспаривалась. Причем про дураков я точно не знаю, но дороги в петровские времена были хуже, чем при любом из потенциальных авторов афоризма. Так что даже по времени путь в восемьсот пятьдесят километров по воде окажется быстрее, чем в четыреста по дорогам России семнадцатого века. Ну и барахла с собой можно будет захватить существенно больше, это тоже немаловажно.

Особых боестолкновений на пути от островов Силли до Азова не предвиделось, хоть в Средиземном море сейчас и воевали. Но ведь не дураки же они, все эти воюющие стороны, чтобы нападать на три австралийских корабля! А проход через все три пролива уже шестой год был для наших судов свободным не только по факту, но и официально, о чем у меня имелась богато украшенная шнурами и печатями бумага от султана. В Керчи же вообще сидел гарнизон Ост-Австралийской компании. Он занимал маленькую крепость на мысу, которую мы просто купили у турок за двадцать алюминиевых столовиков, алмаз весом в тридцать два карата и рубин раз в пятнадцать тяжелее. Кажется, он оказался самым большим в султанской сокровищнице, но меня это не очень волновало. Надо будет – в обращении появятся камни весом по полкило. И единственным неудобством от того, что Керчь оставалась турецкой, была необходимость содержать там три небольшие лодки под австралийским флагом. В случае, когда русский корабль хотел пройти через пролив, одна из этих лодок его сопровождала.

А вообще-то Ост-Австралийская компания имела и свои войска, численность которых к началу шестого года достигла двух с половиной тысяч человек. Причем в основном не австралийцев, а русских.

В уездах, через которые проходила чугунная дорога, каждый крестьянин, подходящий по возрасту и здоровью, мог податься в армию компании. Где подписывал контракт на семь лет, по истечении которых становился свободным человеком. Рядовой получал три австралийских рубля в год, ефрейтор – пять, сержант – десять, плюс на дембель каждому было обещано по тройку. Ясно, что желающих почти сразу стало больше, чем вакансий. Помещику за каждого ушедшего в армию платилось от шестидесяти копеек до рубля двадцати, причем русскими деньгами, за которыми еще нужно было ехать в Москву, в Кумпанскую коллегию. Правда, если тот помещик с должным почтением относился к нагрянувшим к нему в гости австралийским вербовщикам, с ним расплачивались сразу и монетами с портретом Ильи Первого, которые были где-то раз в пять весомей русского рубля. Поэтому большинство не очень возмущалось, особенно после одного инцидента. Тогда какой-то урод, владеющий несколькими деревеньками под Курском, велел выпороть троих парней, собравшихся в армию компании, вследствие чего один из них умер. Но вскоре туда явилась наша рота и под барабанный бой расстреляла помещика у стенки его собственного дома, а потом на всякий случай еще и управляющего. После чего вдове и наследникам объяснили, что теперь они наверняка испытывают к компании столь теплые

чувства, что задаром и без звука будут отпускать любого, пожелавшего не только служить, но работать на объектах компании, ибо стенка для непонятливых – вот она. Этот эпизод произвел должное впечатление. Поначалу я опасался, что он не понравится Петру, но царь отнесся к происшедшему без малейшего интереса, ибо как раз тогда на вооружение гвардейских полков начали поступать штуцеры производства Донецкого оружейного завода.

Если кто помнит, директорами компании значились мы с Петром, так что произошедшее было оформлено от его имени. А первым вице-директором уже четвертый год работал Василий Баринов, пошедший на повышение после пяти лет службы в лондонском посольстве и годичного отпуска на родине.

Надо сказать, что у меня имелась и еще одна причина посетить Москву, хоть и не такая важная, как свадьба Петра и Екатерины. Дело в том, что Россия все-таки вляпалась в войну со Швецией.

Северная война этой истории началась на три года позже, чем в той, что я учил в школе, но протекала почти так же. Отсрочка же была связана с тем, что Петр поначалу ну никак не поддавался на уговоры датского короля Фредерика и своего польско-саксонского собутыльника Августа, так что они в конце концов плюнули и начали войну без него.

Поначалу фортуна им улыбнулась. То есть это они итак думали, а на самом деле Карл или его советники оказались в десять раз умнее польского и датского королей, вместе взятых.

Суть проблемы была в банальном отсутствии денег у Карла, которые ему ну никак не хотел давать парламент. И молодой король просто дождался, пока его оппоненты прониклись величием своих полководческих дарований до полной потери осторожности, а даже до последнего депутата дошло, что еще чуть-чуть, и у Швеции отнимут все ее владения на восточных берегах Балтики. После чего, получив финансирование, Карл занялся подготовкой армии, но как раз в это время Петр совершил серьезную ошибку.

Забеспокоившись, что поляки с датчанами заберут себе все, он заявил, что готов к союзу. Тогда, в конце тысяча семьсот третьего года, казалось, что Август вот-вот возьмет Ригу и Нарву, а Фредерик бодро вторгся в Голштейн-Готторпское герцогство и через два дня на третий слал оттуда победные реляции. Даже если бы это было правдой, Петру все равно следовало повременить, однако излишняя терпеливость в число его недостатков не входила никогда. В общем, он пообещал начать военные действия в Ингрии так быстро, как только сможет, но все равно опоздал.

Карл в хорошем темпе высадил морской десант под Копенгаген и пригрозил разрушить его к чертям, если Фредерик тут же не уберется с захваченных земель и не заключит мир со Швецией. После чего, не дождавшись даже официального подписания этого мира, погрузил свое войско на корабли и через неделю нанес Августу сокрушительное поражение под Ригой. Из-под Нарвы польско-саксонское войско убралось само, спеша то ли на помощь своему королю, то ли просто сбежать, но было поздно, потому как Карл быстро развернул войска и ударил теперь уже по этим. В результате Август еле унес ноги, но без армии. Карл тоже двинулся в Польшу, но, естественно, не один, а во главе своих победоносных войск.

Вот тут бы Петру и сделать вид, что он здесь вовсе не при чем! Но русский царь решил, что, если Карл увязнет в Польше, то ему будет не до Нарвы. Ну и договор, опять же, хотелось соблюсти, без этого тоже не обошлось.

Было бы Карлу где увязать! Да и разведка у него работала не в пример лучше русской, так что полки Петра еще только начали, увязая в осенней грязи, свое движение к Нарве, а Карл уже скрытно перебросил туда восемнадцатитысячный корпус, которым, как всегда, командовал лично.

В общем, разгром под Нарвой тут был даже более основательным, чем в нашей истории. Русская сорокапятитысячная армия, еще не успевшая занять позиции, сразу оказалась рассечена на две части. Причем боеспособные гвардейские полки попали в окружение без артиллерии, которой сейчас у Петра благодаря деятельности нашей компании

было довольно много. Разумеется пушки были старого образца, такие же, как у Карла, только чугунные. И все они попала к шведам, после чего три дня подряд обстреливала позиции окруженных полков, пока их остатки не сдались в плен.

Царь даже не успел прибыть к месту событий. Когда он выехал из Пскова, все было еще нормально, но через несколько дней его перехватили сразу несколько курьеров с вестью о небывалом разгроме.

Дальше все пошло примерно как у нас, то есть сейчас Москва копила силы, примеряясь для начала попробовать взять Шлиссельбург и Ниеншанц, а Карл увлечено гонял Августа по Польше и прикидывал, как скоро он перенесет военные действия в Саксонию.

Петр уже не раз спрашивал меня в письмах, собирается ли Австралия помочь России в Северной войне. На это я ответил, что посылать свои войска мы не будем, но через Ост-Австралийскую компанию окажем всю необходимую помощь техникой, оружием и деньгами. И вот сейчас мне предстояло конкретно договариваться с царем, что будет сделано, когда и почему.

Глава 2

Пожалуй, не помешает уточнить обстановку, сложившуюся в Европе к моему пятому визиту туда.

Разумеется, то, что я на стыке веков подкормил Карлоса витаминами и иммуностимуляторами, да плюс еще перевел короля в чуть более приличную обстановку, радикально на ситуацию повлиять не могло. Слишком уж большой букет всяких болячек, про многие из которых я небось и не знал, скопился у испанского величества к сорока годам. С папой получилось примерно так же. Он прожил лишний год, покинув этот мир декабре тысяча семьсот первого года. Карлос пережил Иннокентия, но ненадолго, скончавшись в ноябре семьсот второго. Через полгода после смерти испанского короля началась война за его наследство, к которой все стороны активно готовились уже несколько лет.

Поначалу французы одержали две серьезные победы. Первую – буквально на третий день войны, когда их атлантическая эскадра благодаря разведке с воздуха смогла подловить англичан, движущихся двумя колоннами, по частям. И хорошо вломить сначала первой половине английских морских сил, а потом второй. В это время австрийский флот, хоть и был не бог весть каким боеспособным, вообще не принимал участия в войне. Ибо Англия и Священная Римская империя были, конечно, союзниками, но не настолько, чтобы вот так сразу ринуться помогать друг другу, отодвинув в сторонку собственные шкурные интересы. Так что через четыре месяца австрийцы потерпели поражение в Испании, причем здесь ситуация выглядела зеркально. У англичан имелись сухопутные войска на Пиренеях, но они даже и не подумали помочь избиваемым австрийцам.

Наиболее же сильно отличалось от нашей истории положение и поведение Турции.

Начнем с того, что тут продолжал сидеть на троне все тот же султан Мустафа Второй, чью туфлю в свое время мне так и не дали поцеловать. Жмоты, я ведь уже раскатал было губы на эквивалент полутора тонн золота, выраженный в поставках турецкого зерна в Австралию! Но султана одолела жаба, и мне пришлось ограничиться поясным поклоном за такие смешные деньги, что сумму даже неудобно вспоминать.

Так вот, Людовик в преддверии войны прилагал немалые усилия, в основном финансовые, чтобы втянуть в нее Турцию в качестве своего союзника. Видимо, сверхплановые поступления и способствовали тому, что очередной янычарский бунт в семьсот третьем году, в результате которого в нашей истории Мустафа слетел с трона, здесь кончился неудачей. А главный мулла и верховный толкователь Корана при султани, забыл, как по ихнему называется эта должность, наконец-то оказался в немилости, где был тихо отравлен, и бразды правления окончательно взял в свои руки великий визирь Хусейн-паша Кёпрелю.

Глядя на ухаживания Людовика за Мустафой, Вильгельм прикинул кое-что к носу и

сделал, с моей точки зрения, очень красивый ход. Он договорился о союзе с Венецией, причем ему это обошлось вчетверо дешевле, чем французам в отношении Турции. И участие последней в войне за испанское наследство свелось к тому, что турки со всем пылом ринулись разбираться с родиной Вивальди. Что не приносило ни малейшей пользы Людовику и ни малейшего вреда Вильгельму. Правда, самой Венеции было совсем худо, и, похоже, теперь она могла прекратить свое существование как государство задолго до Бонапарта, но это никого особенно не волновало.

Ну и Вильгельм, как нетрудно догадаться, здесь и сейчас был живехонек, даже и не собираясь помирать ни от какого воспаления легких. Правда, он заметно постарел на своей ответственной и нервной должности, но это, так сказать, неизбежные издержки профессии.

В Северной Америке тоже вовсю воевали. Обе стороны пытались пакостить супостату руками местных индейцев, но у французоз пока получалось явно лучше. Мы это знали точно, потому как там для наблюдения находилась небольшая австралийская эскадра, состоящая из "Чайки" и "Победы" под командованием Михаила Барина.

Вообще-то это была комплексная экспедиция. Официальным ее прикрытием являлось изучение перспектив прямой торговли с тамошними колониями, на что нам дали разрешение и Англия, и Франция. Обоим сторонам весьма понравились наши старые тридцатимиллиметровые пушки, которых в свое время было наделано десятков пять, но для действий на море они подходили не очень. Ну, а тут, где основным типом укреплений был наскоро сооруженный бревенчатый частокол, да и то далеко не всегда, эти легкие орудия оказались в самый раз, ведь они могли перевозиться по лесным тропинкам на лошадях.

Кроме того, мы с Ильей в свое время читали Фенимора Купера, да и артист Гойко Митич нам тоже нравился, так что Михаилу предстояло потихоньку донести до индейцев понятие национально-освободительной борьбы. И посмотреть, какие вооружения в этом случае окажутся самыми эффективными, чтобы потом мы поставляли именно их, даже если для этого придется провести новые разработки.

Помимо вышеперечисленного, перед экспедицией стояла задача изучить места залегания утонувших кораблей с грузом золота, серебра и драгоценностей, ибо мы собирались пополнять свои валютные запасы еще и таким образом. Первого из утопленников, галеон "Санта-Паулу", Михаил уже нашел вблизи побережья Флориды, практически там, где он был обозначен на моей карте. Этот корабль застрял меж двух подводных скал на глубине пятидесяти метров, и туда уже спускались наши водолазы. Они оценили находящиеся в трюме галеона сокровища примерно в три миллиона австралийских рублей, и в данный момент проходили работы по подъему всего ценного на поверхность.

Кстати, деятельность экспедиции Михаила являлась неплохой иллюстрацией нашей экономической политики. В возне вокруг "Санта-Паулы" принимало участие чуть меньше ста человек, а на прибыль от их работы уже сейчас можно было закупить такое количество зерна, для выращивания которого на наших полях понадобилось бы человек пятьсот, если не тысяча. И ведь это был первый из семнадцати затонувших на доступных глубинах кораблей, месторасположение которых я знал.

В силу чего достижение Австралией продовольственной независимости хоть и оставалось задачей государственной важности, но выделять на нее людские ресурсы предполагалось чуть позже.

Наконец, на Земле в это время существовала еще одна империя. По экономической мощи она, пожалуй, превосходила всю Европу, вместе взятую, но ухитрялась этого никому и никак не показывать. Причем вроде все было как положено. Население неуклонно росло и жило не так чтобы уж совсем плохо, имелась какая-то армия, империя потихоньку расширялась во все стороны. Но представителей любых прочих государств в ней рассматривали как людей второго сорта, у которых настоящему китайцу учиться просто нечему. Зная, что будет происходить в ближайшее по историческим меркам время, мы решили потихоньку вмешаться.

Сейчас в Китае правила династия Цин, и она целеустремленно вела дело к изоляции Китая. Хотя объемы внешней торговли пока не падали, постоянно сокращалось число мест, откуда она могла производиться. За этим направлением у нас присматривал филиппинский купец Гонсало, сделавший неплохое состояние на поставках китайского шелка и не желающий в будущем лишаться такого источника дохода.

Но тут имелась небольшая тонкость, совершенно неважная для нас, но существенно осложнявшая жизнь англичанам. Дело было в том, что китайцы не желали покупать никаких промышленных товаров из Европы, и вся торговля шла за золото, серебро и драгоценные камни. Но пытливая человеческая мысль способна преодолеть любые преграды, так что один не в меру предприимчивый английский купец уже догадался предложить китайцам опиум, хотя в моих источниках было написано, что подобные вещи начнутся только в конце восемнадцатого века. Не тратя времени на выяснение, с чего оно вдруг так получилось, мы просто чуть добавили почтенному Гонсало денег и дали неофициальное разрешение тайком закупить десяток пятидесятимиллиметровых пушек, а дальше он прекрасно справился сам. Ну пираты же кругом, что с ними сделаешь! В общем, весь экипаж перевозящего опиум корабля оказался вырезан, сама посуда сожжена, и до всех заинтересованных лиц дошли слухи, что так будет с каждым, кто вздумает возить хоть что-нибудь подобное. Филиппинскому купцу были совершенно ни к чему конкуренты, а нам – торговцы наркотой, неважно, откуда и куда они тащат свою отраву.

Вряд ли Вильгельм в ближайшее время поднимет эту тему, ведь официально Австралия тут ни сном ни духом. Но если все же заинтересуется, я скажу, что есть у австралийцев такая маленькая слабость – ну не переносят они наркотиков. А так как деньги пока в опиумном бизнесе крутятся совсем небольшие, то вряд ли король пожелает углубляться в эту скользкую тему, портя тем самым отношения с выгодным кредитором и ставя под удар поставки оружия.

Ибо наша империя, как и положено великой державе, уже пять лет имела свой государственный банк, директором которого был его святость Викторий Второй, а вице-директором с правом утверждающей подписи – его сиятельство обер-барон Моисей Ротшильд. Причем и Людовик, и Вильгельм уже были должны этому банку шестизначные суммы в австралийских рублях, одной из самых устойчивых валют мира.

Разумеется, никто из нас не надеялся, что по этим долгам с Австралией когда-нибудь расплатятся, так и давали мы деньги вовсе не затем, чтобы в далеком будущем получить свое золото обратно, но с процентами. Нет, тут работали несколько иные соображения.

Во-первых, процентные выплаты шли продовольствием и промышленными товарами, не производимыми в нашей империи. А во-вторых, участвующие в этой программе торговые дома могли получить от нас сертификат, дающий право на освобождение от налогов! Это было условие, которое мы выставили при предоставлении займов, и оба короля с ним письменно согласились.

В результате цены на перевозки не просто упали. Они рухнули до какой-то еле заметной мелочи, а один французский купец на полном серьезе даже предлагал доплатить за то, что будет возить товары по программе обслуживания кредитов. Кроме того, упали цены и на сами товары, хоть и не так сильно. Наконец, в Англии и Франции потихоньку начала формироваться прослойка наших агентов влияния, причем работающих не за тайком и по ночам получаемые тридцать сребреников, а бескорыстно, то есть исключительно в собственных шкурных интересах.

Однако обзор международной обстановки будет неполным, если не упомянуть государство, вдруг совершенно неожиданно обнаружившееся у нас под самым носом.

Полтора года назад с дирижабля, летавшего над Тасманией, была замечена деревня аборигенов неподалеку от берега, и мы отправили туда патрульную яхту на предмет познакомиться. Вражды тасманийцы не проявили, наоборот, приняли нашу делегацию довольно радушно, и где-то недели через две взаимное изучение языков достигло такого

уровня, что стали возможны разговоры на общие темы. И нашим послам сообщили, что всеми племенами на острове правит какой-то местный царек, то есть у них тут уже давно не первобытное общество! Что охотиться, ловить рыбу, рубить лес и рыться в земле здесь можно только с его, царька, разрешения. Зовут местного монарха Вельсар Туки-Пуки, и два последних слова его имени можно перевести как "непобедимый". Вот ведь не было б печали! И, главное, почему во всех источниках про историю Тасмании ничего подобного не упоминалось? Или историки тут сели в лужу, или это как-то связано с нашей деятельностью, решили мы с Ильей. Но всерьез заняться разъяснением данного вопроса пока не получалось из-за отсутствия свободных людей, ведь дипломатов нам хронически не хватало и для куда более интересных стран. Так что установление тесных связей с ближайшими соседями пока откладывалось – нам они повредить не в силах, а ничего такого особо ценного на их острове нет.

Глава 3

"Молния" и "Катя" появились у архипелага Силли только в начале августа. А через два дня, выгрузив запчасти для дирижаблей и дав небольшой отдых на твердой земле пассажирам-легионерам, в сопровождении "Врунгеля" двинулись к Гибралтару.

Перед входом в Средиземное море наша эскадра перестроилась – теперь лидером стал мой крейсер. Просто здесь вообще-то могли водиться марокканские и алжирские пираты, так что вперед вышел самый хорошо бронированный и мощно вооруженный корабль.

В принципе я ничего не имел против встречи с морскими разбойниками. Ибо при их оценке обязательно надо учитывать, кого они грабят. Если кого не надо, то это, действительно, очень плохие люди, и общаться с ними лучше всего при помощи корабельной артиллерии с дистанций, исключающих ответный огонь. Если кого надо – наоборот, очень хорошие, которым в принципе не возбраняется даже чем-то слегка помочь, деньгами или там оружием. Ну, а если упомянутые джентльмены грабят всех подряд, это означает, что в их многогранных натурах сочетается как хорошие, так и отвратительные стороны.

Но ни марокканских, ни алжирских пиратов нам почему-то не повстречалось. Однако, когда мы прошли уже половину пути по Средиземному морю и приближались к Мальте, встретились тунисские. Причем они повели себя так, что мне сразу захотелось поближе познакомиться с этой братией.

Одним прекрасным утром, когда я только что позавтракал и соображал, чаю мне выпить или кофе, вахтенный увидел движущуюся наперерез нашей эскадре небольшую галеру. Вообще-то она не успела бы перехватить нас, слишком мала была ее скорость, но мне стало любопытно. Явно это не нападение, потому как приближающаяся посудинка не могла нанести никакого вреда даже клиперам, не говоря уж о "Врунгеле". Тем более, что километра за два до встречи галера подняла флаг с перевернутой буквой "п" и кругом в ее центре на белом фоне. По принятому два года назад международному своду сигналов это означало "имею исключительно мирные намерения". В бинокль же я убедился, что обе пушечки галеры аккуратно обмотаны какими-то тряпками, то есть зачехлены.

Вскоре посудинка подошла чуть ли не вплотную и даже собралась было пришвартоваться к высокому борту "Врунгеля", но ей не дали, в мегафон велел не подходить ближе чем на пятьдесят метров и спустить шлюпку. Визитеры подчинились, и вскоре я беседовал с капитаном Абдуллой Аль Хабибом. Кстати, он действительно чем-то напоминал Абдуллу из "Белого солнца пустыни".

Первым делом собеседник сообщил мне, что все, желающие спокойно плавать по Средиземному морю, платят дань тунисскому бею Хусейну бен Али. В том числе генуэзцы, испанцы, португальцы и даже французы с австрийцами. Пока я размышлял, что будет правильнее – просто вышвырнуть гостя за борт и мирно продолжать путь, или перед этим все-таки маленько пострелять, капитан успел уточнить свою позицию.

– Но мы, разумеется, далеки от кощунственной мысли требовать денег от державы, чьи

корабли столь быстры и великолепно вооружены. Однако, будучи наслышан о великодушии господ австралийцев, великий бей отправил меня выразить им свое почтение и извиниться, что не смог подготовить достойные таких гостей подарки, ибо они появились слишком внезапно.

Тут я вызвал вестового, велел принести кофе и пирожных, а гостю предложил не стесняться и поподробнее рассказать о целях, которые привели его на борт "Капитана Врунгеля".

Вскоре выяснилось, что, если рассматривать суть проблемы, то это банальная зависть. Именно с таким чувством тунисцы наблюдали за возрождением своих давних конкурентов, рыцарей Мальтийского ордена. Чьи успехи они связывали с получением мощной финансовой поддержки от Австралии.

Надо сказать, что мы действительно ссудили иоаннитам сначала сорок тысяч, а потом еще сто двадцать, ну и просто подарили какую-то мелочь, величину которой я к сему дню благополучно забыл. Но слухи-то ходили про миллион, если не больше! Причем, естественно, в австралийских рублях.

В общем, магистр ордена иоаннитов сумел не только распустить слухи об огромных суммах, но и эффективно ими воспользоваться, благодаря чему сейчас Мальта имела хоть и небольшой, но вполне современный флот, а не так давно начавшаяся война подкинула ему работы, что благотворно сказалось на экономике острова рыцарей.

И теперь, значит, тунисцы, которые до сих пор были сложными натурами, сочетающими в себе достойные как уважения, так и порицания черты, присмотрелись к успехам соседей и решили тоже стать хорошими пиратами. Собственно, целью миссии капитана Абдуллы и было узнать, что для этого нужно.

Наша плодотворная беседа продолжалась до трех часов пополудни, причем я узнал немало нового. Например, оказалось, что Тунис год назад официально обрел независимость. До этого там была гражданская война, по результатам которой бывший кавалерийский генерал Хусейн бен Али объявил себя великим беем, Тунис – суверенной страной, а турецкого султана – всего лишь духовным лидером правоверных, и не более того. То есть сидел этот бей на троне сравнительно недавно, не очень прочно и посему сильно нуждался в деньгах и оружии.

В принципе, разумеется, я ничего не имел против того, чтобы помочь только что обретшей свободу стране, но тут следовало учесть одну тонкость. Нельзя прямо сразу на халяву давать денег тем, кто только этого от тебя и ждет! Это можно делать только в отношении того, для кого подарок будет полным сюрпризом. Например, магистр ордена иоаннитов совершенно не ожидал ничего подобного, почему и получил в первый же визит довольно значительную сумму. По его, разумеется, понятиям значительную, но это уже другой вопрос.

Поэтому я сразу сказал, что австралийцы, конечно, люди щедрые, но вот так прямо сразу осыпать золотом неизвестно кого не привыкли. После чего поинтересовался, как тунисцы относятся к османским кораблям, ведь султан все-таки не кто-нибудь, а духовный лидер. Разумеется, имеются в виду не все, а только те, чьи хозяева имели недалековидность каким-то образом пакостить купцу Хамону. Почтенный Ицхак оказался весьма трудолюбив по части клеветничества, и благодаря его неустанным усилиям у меня имелся обширный список лиц, мешающих развитию австралийской торговли в Средиземноморье.

Абдулла въехал в ситуацию с полуслова и разразился речью, суть которой состояла в констатации общеизвестного факта – если нельзя, но очень хочется, то можно, только это обойдется несколько дороже.

Где-то часа за полтора мы пришли к согласию относительно расценок. Договорились, что до нашего возвращения из России подданные великого бея будут работать на инициативных началах, а мы на обратном пути оплатим результат и уточним размер, а также условия кредита на развитие молодого государства.

Далее я пояснил Абдулле, что многие из подлежащих вразумлению лиц занимаются

торговлей живым товаром. Так вот, захваченным рабам следует предлагать работу на рытье Суэцкого канала, где через два года они получают свободу – разумеется, при условии выполнения норм. А потом смогут идти куда хотят или продолжать трудиться там же, но уже за деньги, дабы заработать на путь домой или в Австралию, если кому это покажется предпочтительней.

Строительство канала началось еще в четвертом году, но собственно к земляным работам приступили только восемь месяцев назад. До этого мы завозили оборудование и строили опорные пункты для обороны от беспредельствующих в районе будущего канала мамелюков. Когда-то очень давно это была привилегированная египетская гвардия, но к началу восемнадцатого века она основательно выродилась. Теперь мамелюки развлекались периодическими бунтами, в промежутках между которыми просто грабили кого ни попадя. Гарнизоны опорных пунктов состояли из эфиопских добровольцев, вооруженных барабанными винтовками, легкими пятидесятимиллиметровыми пушками и пулеметами. Тоже барабанными, но все же не такой кошмарной конструкции, что мы поставляли европейцам. С воздуха им оказывал поддержку дирижабль "Йон Тихий", базирующийся в городке Асмара, которому, может быть, когда-то придется стать столицей независимого государства Эритрея. А может, и не придется, сейчас уже ничего утверждать нельзя.

В общем, эфиопы успешно обороняли трассу канала от мамелюков, а мы завезли взрывчатки и в прошлом году начали земляные работы. Проводка шла от Красного моря, и к настоящему моменту было прорыто около шести километров.

Что интересно, почти половину работающих на канале составляли негры с западного побережья Африки.

Если кто помнит, лет шесть назад мы повстречали в океане интересных людей, которые сразу показали мне идейными борцами с рабством. Я донес до них свое видение ситуации, и они, осознав, о каких суммах может идти речь, тут же согласились, что рабство – это ужасно, и борьба с ним есть долг всякого уважающего себя джентльмена. И приступили к его искоренению, но почти сразу проявилась несколько осложнившая дело тонкость. Выяснилось, что далеко не все освобожденные рабы горят желанием вернуться в Африку, куда их доставляли корабли тогда еще капитана Даути! Ведь только небольшая часть из них являлась военнопленными, а основную массу продали свои же как лишних и ни к чему не пригодных. И они сильно подозревали, что в родных местах их просто сожрут, причем в самом что ни на есть прямом смысле слова. Или в лучшем случае снова продадут кому-нибудь, предварительно сильно побив, в чем потенциальные объекты подобных действий тоже не видели ничего хорошего.

Так что многие из них предпочли катать тачку на Суэцком перешейке, ведь там почти не бьют и неплохо кормят. Кроме того, было обещано, что по окончании строительства некоторым будет разрешено перебраться на жительство в сказочную страну Австралию. Где никто никого не ест, работать надо всего по девять часов сутки, а платят за эту работу столько, что оставшиеся в тех сутках пятнадцать часов можно будет только жрать, не отвлекаясь ни на что другое. Но, разумеется, такое будет позволено далеко не всем, а только тем, кто продемонстрирует на рытье канала должный трудовой героизм.

Ну, а Даути к настоящему времени уже именовал себя адмиралом, имел под командованием эскадру из пяти кораблей и оперировал не только в Атлантике, но и в Индийском океане, где ему тоже нашлось немало работы. Кроме того, у борцов за права человека имелась база на небольшом островке Европа, расположенном между Мадагаскаром и Африкой.

Вечером вдохновленный грядущими перспективами капитан Абдулла нас покинул, и эскадра продолжила свой путь на восток. Причем если первую половину пути мы вообще никого не встретили, то теперь в море стало довольнолюдно. И весь этот народ увлеченно собачился друг с другом при помощи не только огнестрельного, но временами даже

холодного оружия. Например, как-то раз я долго и с немалым изумлением рассматривал в бинокль небольшое гребное суденышко, вооруженное совершенно явной катапультной. Или баллистой, я не силен в средневековых швырятьельных приспособлениях. У меня даже была мысль свернуть и поближе познакомиться с этим чудом техники, но от нее пришлось с некоторым сожалением отказаться, все-таки нехорошо опаздывать на свадьбу.

В Мальтийском проливе я с интересом понаблюдав в бинокль за боем цезарцев с французами. Но понять, кто кого, так и не удалось, ибо место сражения вскоре скрылось за горизонтом, шли мы довольно быстро.

То есть по мере удаления от Испании, трон которой и являлся причиной текущей свары, интенсивность боевых действий заметно нарастала. Но подобное вообще являлось отличительной особенностью этой войны. Например, сейчас французы воевали с австрийцами вроде бы за испанское наследство, но делали это в северной Италии. А с англичанами дрались не только в Германии, но и вообще в Америке. Впрочем, два участника этой чуть ли не мировой войны все-таки предпочитали грызться, не особенно удаляясь от родных берегов.

Так, на границе Ионического моря прямо у нас по курсу снова обнаружилось морское сражение. Правда, тут не возникало вопросов типа "кто кого". И так было совершенно ясно, что турки учат жизни венецианцев, причем делают это от души, с размахом и огоньком. Но мне показалось, что они совершенно зря занимаются подобными делами там, где мы собираемся пройти, так что в воздух была поднята наша летающая модель орла. И где-то минут пятнадцать она кружила над местом битвы, завывая "А ну разойдись на хрен, пока всех не утопили! В стороны, в стороны, и поживее, не видите, люди спешат?!". Причем при записи фонограммы я даже не утруждал себя переводом, ибо к середине семьсот шестого года в Европе уже неплохо знали австралийский язык.

Между прочим, на этом деле слегка подзаработал царь Петр, причем без моих подсказок.

Где-то после нашего третьего визита среди европейской знати начала распространяться мода на австралийский язык. И сразу возник вопрос – где брать учителей? Позволить себе нанять австралийцев не имели финансовой возможности даже многие королевские дворы, не говоря уж о каком-нибудь мелком генуэзском доже или германском князьке. Но тут вдруг выяснилось, что русский язык очень похож на австралийский, а подданные московского царя обходятся не в пример дешевле учителей из-за океана. Так что Петру оставалось только объявить государственную монополию на выезд из России с целью занятий преподавательской деятельностью, что он и сделал. А также по-быстрому учредил Академию Языков Заморских, где кандидаты в педагоги за месяц уясняли различие русского и австралийского алфавитов, зазубривали пару десятков специфических слов и, получив диплом установленного образца, отправлялись зарабатывать валюту для России. Естественно, не забывая при этом и себя.

Еще одно связанное с нами модное поветрие коснулось хомяков.

Вообще-то великий визирь Хусейн-паша Кёпрелю после взрыва на острове горел желанием под корень истребить этих ни в чем не повинных животных, но судьба распорядилась иначе.

Подданные султана оказались довольно несдержанными на язык людьми, да и при демонстрации крылатой ракеты присутствовал еще и Ицхак Хамон, так что слухи о показе австралийцами какого-то ужасного оружия на острове Андикитира расползлись довольно быстро. Туда устремились любопытствующие, но здесь почтенный Ицхак продемонстрировал недюжинную деловую хватку. Экскурсантов уже ждали очевидцы, которые за умеренную плату рассказывали, что до этого кошмарного взрыва остров был в два раза больше, простираясь оттуда аж вон дотуда. И, закатив глаза, трагическим полупшепотом описывали нашу ракету, причем, разумеется, все время ввали. Самый же отъявленный и наиболее дорогой из свидетелей за отдельную плату делился тем ужасом, который он испытал на "Чайке", где ему удалось перехватить леденящий душу взгляд

боевого хомяка, когда тот занимал свое место в ракете.

В результате хомяки оказались очень востребованным товаром, и теперь превозмогший свои кровожадные устремления визирь при посредничестве все того же Ицхака клал в карман немалые суммы, а в лучших домах Европы появились клетки с этими пушистиком. Быстро выяснилось, что они действительно хорошо поддаются дрессировке, и теперь для полного счастья оставалось только понять, что же представляет собой взмах упоминаемая очевидцами крылатая ракета. Но тут особых успехов как-то не получалось. Правда, Вильгельм организовал нечто вроде лаборатории, она работала почти год и достигла определенных успехов. Во всяком случае, взрыв был такой силы, что разнес по кирпичику весь флигель, где производились эксперименты, и основательно повредил примерно треть Виндзорского замка. Так что работы по ракетам сами собой прекратились за исчезновением специалистов. Но Вильгельм не пал духом и организовал новую группу, задачей которой было выяснить, что же все-таки так взорвалось в Виндзоре и как это можно использовать во вред противнику, а не себе. Однако, имея перед глазами печальную судьбу предшественников, эта группа работала крайне осторожно и поэтому была далека от хоть какого-нибудь результата.

Если кто-нибудь подумал, что мы имели отношение к произошедшей трагедии, то он ошибся. Англичане прекрасно справились и сами. Впрочем, я не ожидал ничего другого после доклада из посольства, где говорилось, что исследователи заказали пятьдесят галлонов азотной кислоты, сто – серной и полтонны китового жира. Судя по всему, отважным экспериментаторам удалось получить нитроглицерин, причем сразу во вполне достаточных количествах.

Получив известие об этом прискорбном факте, я вспомнил юность. Тогда, прочитав "Таинственный остров", я сразу обратил внимание, что в описании получения нитроглицерина Жюль Верн допустил приличных размеров неточность – не указал, что для нитрования должна применяться смесь азотной и серной кислот. И на уроке литературы поделился своим наблюдением с учительницей.

Несколько даже снисходительно она ответила, что Жюль Верн знал химию уж всяко не хуже меня, а неточность ввел сознательно, дабы кто-нибудь не подорвался, решив повторить описанное в романе.

Так как я тогда усиленно интересовался химией, особенно в смысле чего-нибудь взорвать, то задумался, а потом взял да и повторил процесс Сайруса Смита, но с гораздо меньшими количествами. Кстати, я не ошибся, назвав инженера именно так. В более поздних переводах он стал Сайресом, но те переводы были гораздо хуже.

Так вот, сразу после вливания глицерина в пробирку с азотной кислотой процесс пошел с выделением тепла, содержимое вскипело, из пробирки полезли резко пахнущие рыжие пузыри. И я понял, что на самом деле замысел великого французского романиста был куда глубже, чем это казалось его невнимательным и не очень грамотным исследователям. Ведь что получилось бы, опиши он это получение так, чтобы на выходе образовался какой-нибудь безвредный продукт? Идиот, возмечтавший синтезировать нитроглицерин, вздохнул бы и отправился на поиски каких-нибудь более достоверных источников. А их найти нетрудно, как и предсказать последовавшее за этим.

Тут все получится просто замечательно. У меня-то реагировало несколько грамм и в стеклянной пробирке, а при реакции с килограммами, да еще в глиняной посуде, теплопроводность которой намного меньше, фухнуло бы от души. У горе-химика не оставалось шансов выжить – даже если ожоги кипящей кислотой и окажутся не смертельными, ядовитые окислы азота все равно довершат картину. Но при этом не то что квартал, но даже и дом, где производился эксперимент, останется целым! Во славу Дарвина и его закона естественного отбора.

Жаль, что здешние химики не имели возможности прочитать Жюль Верна, подумал я. Ибо бывал в Виндзорском замке, и он мне весьма понравился, а теперь еще неизвестно, когда и как его отремонтируют.

Глава 4

Дальнейший путь получился быстрым и без приключений, так что двадцать первого августа наша эскадра благополучно прибыла в Таганрог. Свадьба русского царя и австралийской принцессы состоится пятого сентября, но тут следовало учесть, что в России пока продолжал действовать юлианский календарь, и сейчас там было только десятое число, так что особых причин для спешки не наблюдалось.

Разгрузка кораблей, а потом погрузка поезда заняли три дня. А потом я, как какой-нибудь Троцкий или Ким Чен Ир, то есть на персональном поезде с личным салон-вагоном, двумя паровозами и взводом охраны, двинулся к Донецку.

Все-таки железная дорога, даже такая ублюдочная, это вещь, подумал я. Выехали из Таганрога сразу после обеда, а в восемь вечера уже прибыли в столицу земель Ост-Австралийской компании город Донецк. А у нас, в передовой и технически развитой Австралии, пока всего сто двадцать километров чугунки! Правда, есть еще семьдесят железнодеревянной дороги, по которой ходят составы на лошадиной тяге. Но зато мы имеем целых три паровоза, а в России их пока ни одного, а будет два, когда при отъезде я оставлю те, что сейчас везут мой состав.

В Донецке я пробыл четыре дня. За это время успел пройтись по всем его промышленным предприятиям общим числом пять, дать указания по установке только что привезенного оборудования, главным образом большого токарного станка и прокатного стана. Этот был доставлен частично, станину для него предстояло отливать здесь. А потом занялся армейскими делами. Ведь, как ни крути, самый большой стаж на офицерской должности из всех австралийцев был именно у меня.

По поводу нашей армии, кстати, некоторые могут слегка удивиться. Зачем мы тащили сюда еще и арауканов общим числом триста с небольшим человек, когда здесь и так есть войско численностью в две с половиной тысячи? Вроде бы процент прибавки получается не очень большим.

Но то-то и оно, что это были очень разные войска.

Разумеется, крестьянина можно научить более или менее терпимо обращаться с ружьем. Навыки штыкового боя он тоже освоит, причем довольно легко, потому как приемы там те же самые, что и при работе с вилами, а при случае поднять кого-нибудь на этот сельхозинвентарь русские мужики умели всегда. Но вот более сложные вещи у них получались хуже. То есть такие войска очень неплохо подходили для обороны крепостей и опорных пунктов вдоль железной дороги, однако проводить глубокие операции против ногайцев на их территории солдатские полки Ост-Австралийской компании не годились. А одной обороной, сколь бы успешной она ни была, войну не выиграешь.

Правда, кроме двух обычных полков, компания имела и батальон особого назначения. Главным отличием было то, что туда брали с четырнадцати лет. Вот из этих парней со временем можно будет сделать нормальных солдат, способных воевать в любых условиях, но данный батальон был организован всего два года назад и пока считался условно боеспособной частью.

Арауканы же прекрасно справлялись с возложенными на них задачами, и боевые действия на землях компании проходили примерно по такому сценарию.

Начиналось все обычно с нападения ногайцев на станцию или крепость. Задачей гарнизона было вызвать помощь и продержаться до ее прихода. Кроме того, желательно было взять пленных в пригодном для допроса состоянии. Обычно так и получалась, потому как за пленного полагалась премия от рубля до червонца, в зависимости от его информированности. Это если пленного брали солдаты или казаки, про легионеров будет чуть позже. С разговорчивостью же захваченных проблем не возникало, потому как арауканы оказались большими мастерами по части интенсивных допросов. Настолько, что сейчас у них стажировалось несколько человек из Разбойного приказа, посланных

Ромодановским для повышения квалификации.

Так вот, пленные рассказывали, что за род совершил нападение, под чьим предводительством, по чьему наущению, где их стойбища и так далее. После чего начиналась операция по зачистке, обычно кончавшаяся тем, что у ногайцев становилось на один род меньше – все-таки против винтовок и минометов в степи с саблями и луками не больно-то повоюешь. Особенно если сверху постоянно висит дирижабль, от которого не спрячешься и не уйдешь оврагом или балкой.

Разумеется, арауканы воевали в конном строю, и лошадей для них поставляла русская сторона. Но смотреть подготовленных для прибывших с эскадрой легионеров я не стал, ибо не специалист по копытным. Этим занялись три сержанта из приехавшего со мной взвода и вскоре вынесли вердикт – лошади нормальные.

Так как теперь численность Иностранного легиона на землях компании существенно выросла, то круг стоящих перед ними задач тоже расширился. Отныне не следовало ограничиваться уничтожением рода, совершившего очередное нападение. А, оставив несколько его представителей в живых, выяснить, кто занимался такими делами раньше, то есть устраивал набеги на русских до появления тут австралийцев. И поступить с ними аналогично.

Если бы подобное происходило в двадцать первом веке и занимались им не Штаты и их подпевалы, а кто угодно кроме, это обязательно называли бы геноцидом. Сейчас никто, кроме меня, просто не знал такого слова, но суть от этого не менялась – разворачивалась и набирала обороты война на полное уничтожение ногайцев как народа. Потому как спокон веку этот народ не признавал никаких источников дохода, кроме грабежа русских поселений и захвата там невольников с целью продажи. И, значит, должен был исчезнуть. Именно как народ, а перед каждым его представителем стоял абсолютно свободный выбор.

Или забыть свои бандитские замашки, сдать оружие и отправиться на жительство в специальную резервацию, которую Петр недавно выделил на северном Урале. При этом их дети будут уже нормальными российскими подданными в статусе посадских людей.

Или, если подобное почему-то не устраивает, умереть.

Как я уже говорил, во время моего отсутствия главным в Ост-Австралийской компании был Вася Баринов. И он подошел к вопросу взаимоотношений с ногайцами по всем правилам дипломатического искусства, а также с учетом достигнутых старшим братом результатов в Патагонии.

Итак, если перед нами есть враг, то следует первым делом уточнить, с кем он дружит, а с кем враждует. Затем прикинуть, какова ожидаемая динамика этого процесса – будет ли враг врага таковым и оставаться или возможны подвижки к замирению вплоть до союза? Если нет, то такого врага надо всячески поддерживать. Если же замирение возможно, то тоже, но не всячески, а только таким образом, который сильно уронит его в глазах будущих друзей.

В докладе Василия на эту тему обстановка вокруг земель компании выглядела следующим образом.

Ногайцы – враги совершенно явные. Во-первых, они считают земли компании своими. Во-вторых, все живущие на этих землях рассматриваются ими только в качестве потенциальных невольников и никак иначе.

Крымский хан официально является сюзереном ногайцев. Кроме того, поведенческие стереотипы крымчаков ничем не отличаются. Значит, надо смотреть, с кем враждуют крымчаки и ногайцы – кроме русских, про которых и так ясно.

К таковым относились калмыки и донские казаки. Однако, хоть калмыцкий хан Аюка и выдал примерно пятнадцать лет назад свою дочь за сына крымского владыки Султан-Гирея, никаких особых последствий это не имело. В исторической перспективе калмыкам было не суждено стать союзниками крымцев, и Василий это знал. Кроме того, калмыки совершенно не претендовали на земли компании.

С донским же казаками ситуация была несколько сложнее. Во-первых, они, хоть пока и не очень нагло, но все же успели несколько раз заявить, что это их земли. Вот интересно, где они были до нашего прихода и сразу после него? Ногайцев тут видели постоянно и иногда с огромным трудом от них отбивались, а донцов – ни разу до лета четвертого года, когда обстановка вокруг Донецка уже нормализовалась. А во-вторых, Василий знал, что скоро начнется булавинское восстание, в процессе которого донцы смогут привлечь на свою сторону ногайцев. И, так сказать, в порядке профилактики начал принимать их отряды на службу, причем за довольно большие деньги. Эти отряды тоже участвовали в зачистке территории, но оружие им не поставлялось. Никакое, а не только австралийской разработки. Кроме того, задача уничтожения воинов противника ставилась legionерам. А вот вырезать после этого беззащитное стойбище – донцам. Впрочем, они не протестовали.

С точки зрения араукан всякий, воюющий за золото, был достоин презрения. Кроме того, они считали, что убийство беззащитных не приносит славы, хотя и понимали, что иногда это необходимо. Сами же они служили за оружие, которое позволит их племенам окончательно выгнать со своих земель испанцев, а также закончить завоевание южной оконечности южноамериканского материка. Они получали жалованье, но все одинаковое и небольшое, относясь к золотым монетам просто как к кружочкам, которые иногда можно обменять на что-нибудь вкусное или интересное. Предложить араукану денежную премию за подвиг в бою – это значило его оскорбить. А вот, например, длинноствольный револьвер или нож из хорошей стали – совсем другое дело. Кроме того, среди них пользовалась большим авторитетом недавно введенная медаль "За отвагу" – но получить ее было очень непросто.

В общем, благодаря политике Василия ногайцы считали своими главными врагами вовсе не араукан, про которых почти ничего не знали, и даже не компанию, а донских казаков.

А вот к калмыкам Василий отнесся совсем по-другому. Он предложил им практически те же условия, что и арауканским legionерам, так что незадолго до моего приезда в Донецк прибыли первые пятьдесят волонтеров из мест, где через пару с небольшим веков и в другой истории появится город Энгельс.

Прслушав доклад Василия, я ненадолго задумался. Правильно ли, что компания натравливает друг на друга будущих подданных Российской империи? Что приведет к значительному сокращению их численности. Но потом сообразил, что вопрос так не стоит. И от ногайцев, и от донских казаков даже без нас довольно скоро остались бы только те немногие, кто лояльно относился к России – ну, или по крайней мере делал вид, что это так. Прочих один черт так или иначе уничтожат. Но этот процесс будет растянут во времени, что приведет к лишним жертвам среди тех, кто здесь вовсе не при чем, да и русских солдат поляжет немало. Василий же просто пытался перевести на самообслуживание неизбежную зачистку мешающих экспансии России, вот и все дела.

– Кстати, – вспомнил я, – дало ли результат прикомандирование некоторых legionеров к батальону осназа?

Выяснилось, что да, и весьма заметный, но теперь Василий собирался делать это наоборот, то есть направлять лучших осназовцев на стажировку в легион.

– У араукан есть что-то вроде звания "наставник", и оно очень почетное, – объяснил он. – Но кому попало его не дают, а только неоднократно отличившимся в боях. Так вот, наставник обычно курирует группу человек из пяти. И для него считаются позором потери в этой группе! Арауканы уверены, что ученик сначала должен стать воином, а только потом умирать в боях. И если вдруг получилось не так – значит, у него был плохой наставник. И мне удалось договориться со старшим предыдущего призыва, что теперь наставниками будут считаться и те, кто воспитал воинов из ребят-осназовцев. Кстати, полувзвод таких, прошедших обучение, поедет с вами в Орел в качестве экипажа пулеметного вагона. Магазиновый пулемет они уже освоили.

Далее младший Баринов поведал, что недавно начавшие производиться в Донецке противопехотные мины оказались не очень эффективными в борьбе с ногайцами.

– Так ведь не для них и делалось! – объяснил я. – Всю продукцию надо устанавливать на Перекопе. Для этого, наверное, придется создавать какие-то мобильные группы глубокого проникновения. Пусть крымчаки привыкают к мысли, что, покидая родной полуостров, можно ненароком раскидать кишки по окрестным степям.

– Страдают-то в основном лошади, – уточнил Василий.

– А что может крымчак без коня? Кроме того, я привез чертежи и оснастку для производства прыгучих мин, от этих и всадникам тоже достанется.

Под конец беседы Василий показал мне кавалерийский револьвер своей конструкции, который около года назад начал производить Донецкий оружейный завод. Конструктивно это изделие не представляло собой ничего выдающегося, разве что ствол был длиной двадцать пять сантиметров, но, по-моему, у ранних моделей Кольта встречались и подлиннее. Для выстрела надо было взвести курок, а поворот барабана осуществлялся предварительным движением спускового крючка, как у русского нагана для нижних чинов. Отличия были в технологии.

Итак, представьте себе, что перед вами стоит задача – изготовить барабан для револьвера. Имеющие хоть какой-то опыт в работе с фрезерно-сверлильным станком сразу скажут, что для этого нужен поворотный стол. Он в Донецке имелся, но всего один из двух, захваченных мной из будущего, а местной промышленности такое изделие было пока не по силам. И на этом столе без перерыва обрабатывали барабаны для винтовок и пулеметов.

Разумеется, рабочий достаточно высокой квалификации сможет сделать барабан и в обычных тисках, но сколько времени он убьет на это! Причем, понятное дело, таких рабочих в Донецке можно было сосчитать по пальцам одной руки, и им хватало работы без всяких барабанов.

А вот с токарными станками тут было получше, так что Василий просто придумал, как делать барабан целиком на них и силами не очень умелых токарей.

Итак, вытачивается прутки диаметром двадцать миллиметров и длиной полметра, после чего вручную распиливается на семь примерно равных кусков. Они торцуются до семидесяти миллиметров, далее в них сверлится сквозное отверстие диаметром пять с половиной. Затем в шести заготовках оно рассверливается до десяти, но не до конца, а седьмая остается как была. Следующая операция – они на ровной поверхности ставятся вокруг нерассверленной, и конструкция скрепляется напрессованным кольцом. Все, барабан почти готов, осталось только для очистки совести пропаять стыки. А выступающие из-под скрепляющего кольца концы цилиндров-камор образуют идеальной точности выемки для фиксатора.

Эти револьверы пользовались огромной популярностью среди араукан, потому как позволяли вести частый и сравнительно точный огонь на скаку. От донских казаков тоже приходила делегация, но им было сказано, что подобное оружие дается только состоящим на австралийской службе лицам. Забудьте про свою вольницу, поступайте стажерами в Иностранный легион, где вас полгода будут гонять так, что жизнь крепостного крестьянина покажется раем на земле. По завершении учебы лучшим, возможно, будут вручены револьверы. Потом четыре года службы там, где прикажет компания, и все, вы снова свободные люди.

Казаки поскущели и обещали подумать, но пока их раздумья ни к какому результату не привели.

Все правильно, подумал я. И у араукан, и у калмыков считается, что интересы племени неизмеримо выше устремлений каждого отдельного его члена. И главным стимулом для них было не то, что после службы они вернутся домой с барабанками, а то, что их племя получит много мощного оружия. Казаки же, что донские, что запорожские, представляли собой сообщества индивидуалистов, которым предложенная цена показалась слишком высокой.

Глава 5

Король-Солнце стряхнул с бумаги мелкий белый песок, коим она была посыпана для скорейшего высыхания чернил, еще раз окинул взглядом свое письмо и засунул его в заранее заготовленный конверт. Запечатал своей личной печатью, и только после того несколько раз встряхнул маленький серебряный колокольчик, вызывая секретаря. Послание было слишком секретным, поэтому его пришлось написать лично – все, кроме адресата, отныне имели право видеть его только в запечатанном виде.

Секретарь получил распоряжения и вышел, а Людовик ненадолго вернулся мыслями к своему решению, во исполнение которого и пришлось написать письмо.

Король сильно подозревал, что это решение было гениальным, ибо не зря, разумеется, его еще при рождении нарекли Людовиком Богоданным.

Вне всякого сомнения, он был прав, с самого начала не желая иметь никаких личных дел с еретиками-австралийцами. Которые не перестали ими быть, даже ухитрившись каким-то образом втереться в доверие к недавно почившему папе Иннокентию Четырнадцатому. Так что все сношения с заокеанской державой происходили через третьих лиц не самого высокого происхождения и поэтому нисколько не задевали королевской чести. Однако сейчас на театре военных действий сложилась такая обстановка, что подобный образ действий мог оказаться недостаточным. Кроме того, во Франции очередной финансовый кризис, а у Филиппа Анжуйского, ныне испанского короля Филиппа Пятого, с деньгами еще хуже, причем намного. Это, кстати, одна из главных причин, по которой Испания до сих пор не принимает хоть сколько-нибудь активного участия в войне за судьбу ее короны. Но теперь все должно измениться.

Франция по-прежнему обойдется без прямых контактов с австралийцами. Ибо их герцог, несмотря на вроде бы благородное происхождение, есть невежа и хам, даже переписываться с которым он, Людовик, совершенно не желает. Но его внук Филипп может этого и не понимать, в силу молодости и связанной с ней некоторой наивности. В отличие от деда, который, во-первых, был отмечен свыше уже при рождении, а во-вторых, дополнил врожденную государственную мудрость полувековым опытом блестящего управления величайшей державой мира. Так что не будет ничего удивительного или зазорного, если молодой человек, которому нет еще и двадцати трех лет, обратится к герцогу Алексу с письмом, содержащим искреннюю благодарность за участие того в судьбе его предшественника, Карлоса, и за неоднократно высказанное мнение о том, что наследовать испанскую корону должен именно Филипп. Потом, естественно, он посочувствует герцогу, у которого имеется всего одна крайне неудобная база в Европе, то есть архипелаг Силли. И, движимый юношеской горячностью, предложит арендовать у Испании самый маленький из Балеарских островов, Форментеру. На условиях предоставления кредита с двадцатилетней рассрочкой, обеспечением которого и станет право на этот остров.

Людовик удовлетворенно улыбнулся. Все в этой истории будут считать себя в выигрыше! Австралийцы – от приобретения территории под еще одну базу. Филипп получит кредит, а потом сможет как-то поучаствовать в распределении сумм, которые герцог Алекс наверняка выделит на переселение жителей Форментеры. И никто не догадается, что больше всего выиграет он, Король-Солнце!

Испания, получив деньги, сможет более активно участвовать в войне, которая сейчас замерла в положении неустойчивого равновесия. Чуть толкни – и оно сместится в любую сторону. В данном случае – в сторону поражения Австрии, Англии и примкнувшей к ним Голландии.

Разумеется, Испания при этом наверняка потеряет один из своих островов, ибо совершенно ясно, что расплатиться по кредиту будет выше ее возможностей. И пусть теряет, ничего плохого для Франции в этом нет. Да, сейчас Филипп беспрекословно выполняет все указания своего великого деда, так что в настоящее время Испанию можно считать фактически еще одной французской провинцией. Однако ведь и он, Людовик Богоданный, тоже смертен! И надо смотреть правде в лицо – его наследники будут всего лишь обычными людьми, хоть и королевской крови, но не отмеченными всеми признаками бесспорного

величия. Тогда Испания сможет доставить Франции какое-то количество неприятностей. Но они получатся тем меньше, чем слабее к тому времени станет эта страна.

Впрочем, грядущая продажа – ибо на самом деле это не будет ничем другим – острова Формантера Австралии имела и еще один аспект, о коем Людовик в глубине души догадывался, но запрещал себе хоть сколько-нибудь серьезно размышлять на данную тему. Ведь если Франция проиграет эту войну, делить Испанию будут уже Вильгельм с Леопольдом. Так пусть в таком случае между ними окажется герцог Алекс! За которым стоит вся впечатляющая военная мощь его далекой империи. Вот уж он своего точно не упустит, а при случае не откажется и урвать плохо лежащее чужое.

В отличие от своего французского коллеги, английский король пребывал в сомнениях. Он тоже чувствовал, что ход войны может изменить любая малость, но ему не хотелось, чтобы эта самая малость потом обернулась нешуточными проблемами для него лично и для Англии в целом. Тут Вильгельм улыбнулся своим мыслям. Назвать "малостью" этого откормленного борова, Джона Черчилля? Хотя можно и так – если, например, сравнить его с австралийским императором.

Сей достойный муж получил титул графа Мальборо за деяние, которое при желании вполне можно было назвать предательством. Почувствовав, что трон под его сюзереном, Яковом Вторым, зашатался, он во главе группы офицеров без особых раздумий перебежал на сторону недавно высадившегося в Англии Вильгельма. Может, это и не было решающим фактором в победе так называемой "Славной революции", по результатам которой трон занял он, Вильгельм Третий Оранский, но свою роль безусловно сыграло.

Однако свежеиспеченный граф Мальборо, видимо, ожидал большего, потому как вскоре вступил в тайную переписку с якобитами как в Англии, так и за ее пределами, в чем ему активно способствовал старый приятель лорд Годольфин. В общем, слишком уж предприимчивому графу пришлось даже немного посидеть в тюрьме. Впрочем, это явно пошло ему на пользу – выйдя на свободу и убедившись, что трон под Вильгельмом еще более упрочился, он более не встречал в сомнительные истории, а служил верно и самоотверженно, проявив недюжинный полководческий талант в войне за Пфальц. Годольфину же не потребовалось даже отсидки, ибо он, будучи выдающимся финансистом, как политик не представлял собой почти ничего, да и был, если называть вещи своими именами, изрядным трусом.

Сейчас граф Мальборо командовал английскими войсками во Фландрии, причем весьма успешно. Многие считали, что как полководец он превосходит даже самого Евгения Савойского. И Вильгельм раздумывал – как, назначив его сейчас главнокомандующим всеми английскими войсками, после победы в войне быстро и без эксцессов задвинуть слишком уж честолюбивого Джона Мальборо в такую тень, откуда он точно не будет представлять никакой опасности.

Пожалуй, вот тут-то и пригодится Годольфин, решил король. Лорд основательно погрел руки сначала на австралийском займе, а потом на закупках вооружений у того же герцога Алекса. Причем, что интересно, герцог сам рассказал об этом, добавив, что по-австралийски подобные фокусы называются "откат", а полагается за них веревка вне зависимости от наличия или отсутствия смягчающих обстоятельств. Вильгельм, конечно, тогда ответил, что в Англии с гораздо большим уважением относятся к человеческой жизни, поэтому говорить о вине можно только при наличии доказанного преступного умысла, но сделал заметку в памяти. И вот, кажется, скоро она может пригодиться. Потому как граф Мальборо не только отличался несколько избыточным честолюбием, но и хоть сколько-нибудь заметным бескорыстием тоже никогда не страдал. То есть греб под себя, даже мельком не задумываясь о чувстве меры. Интересно, где это он успел перебежать дорогу герцогу Алексу? Ведь тот сразу отнесся к графу довольно неприязненно, хотя поначалу даже не запомнил имя и ошибочно назвал Черчилля Уинстоном. Да и потом мнения своего явно не менял. Но все, что делается, к лучшему – надо только понять, как его правильно

использовать. И, значит, после войны обязательно вскроются неприглядные финансовые махинации главнокомандующего, из-за чего к названию его должности сразу прибавится слово "бывший". Если же он вздумает как-то выразить свое недовольство, то с удивлением узнает, что он, оказывается, в войну осуществлял тайные операции в пользу Франции. И никакой неправды тут не будет, ибо только на поставках дирижаблей во Францию Годольфин, занявшись посредничеством, положил в карман около пятидесяти тысяч фунтов. А после ареста он обязательно расскажет, как делился со своим давним приятелем. Ну, а пока следует подписать указ о назначении графа Мальборо главнокомандующим всеми английскими войсками на континенте, и пусть он одерживает чем дальше, тем более впечатляющие победы.

Король Испании Филипп Пятый отложил только что прочитанное письмо и задумался. Его уже перестал коробить бесцеремонный тон Людовика, обращавшегося с ним не как с равным себе, а свысока. В конце концов, главное – что именно ему предлагают сделать, а вовсе не какими словами это описано. И тут король почувствовал, что в нем начинает пробуждаться надежда. Сколько всякого говорили про этого австралийца, герцога Алекса! Но одно сомнений не вызывает – он выдающийся врач. Карлоса Второго привезли в Рим при смерти, и при этом считали, что он только чудом не умер по дороге. А уже через четыре дня бывший умирающий бодро раскатывал на кресле с колесиками! И умер только через два года, да и то наверняка потому, что в тот момент герцог был в своей Австралии и ничем не мог помочь. Но вступать в сношения с ним по своей инициативе, рискуя навлечь на себя нешуточный гнев Людовика? На это Филипп решиться не мог, несмотря на просьбы своей молодой жены.

Да, но теперь-то французский король не то что разрешает, а просто требует обратиться с просьбой к герцогу! По поводу кредита и какого-то острова в Балеарском архипелаге. У кого бы спросить, где они находятся, что из себя представляют? И остров, и весь архипелаг.

Впрочем, черт с ними со всеми – островом, архипелагом и даже кредитами. Его, Филиппа, дело предложить, а там пусть выйдет как выйдет. Но ведь под предлогом переговоров на эту тему можно будет попросить герцога как-то помочь жене, ее величеству королеве. Бедная Мария Луиза Габриэла! За что, за чьи грехи уже второй их ребенок умирает в младенчестве? И в силах ли этот таинственный герцог переломить ситуацию?

Вечером следующего дня небольшая яхта вышла из Бургаса и взяла курс на архипелаг Силли. И вскоре в Донецк пришла срочная радиограмма. Прочитав ее, герцог Романцев хмыкнул и, сев к передатчику, начал вызывать Ильинск. Минут через сорок ему удалось установить связь, и вскоре его слушал сам император. Который, выслушав, отстучал:

– Леша, на кой хрен нам сдался этот никудышный клочок земли? На нем в двадцать первом веке даже самого захудалого аэродрома не было, а это о чем-то говорит. Требуй весь архипелаг, да в придачу еще и остров Себу на Филиппинах! Имея в виду, что на самом деле нам нужен именно он, как база для расширения торговли с Китаем, а без всяких там Ибиц с Майорками мы пока как-нибудь обойдемся.

Ответ герцога выглядел так:

– Во исполнение повелений вашего величества сейчас же пишу Филиппу, что запрашиваемые им услуги по самому минимуму тянут на весь Балеарский архипелаг плюс половину Филиппинского. После чего начинаю вдумчиво торговаться. Причем можно совершенно спокойно обещать помочь королю с женой в смысле медицины, потому как в нашей истории у них умерли первые два ребенка, а третий вполне себе выжил без всякой моей помощи, так что и с ней небось не помрет.

Глава 6

Письмо в наше лондонское посольство для Филиппа я сочинял, а потом лично

передавал в поезде, так что про первую треть пути сказать почти ничего не могу – было не до глаzenia в окна. Единственное, что отложилось в памяти, так это то, что перестук колес на стыках рельсов был практически такой же, как и в покинутом нами времени. Поезд ехал раза в три медленнее, то есть развивал где-то километров тридцать в час, но и рельсы начала восемнадцатого века имели в длину всего семь метров. А колесная база вагонов – четыре с половиной, так что "ту-дух, ту-дух" по стыкам получалось практически как в электричке.

По поводу же островов мое мнение полностью совпадало с императорским. Сам я Балеарского архипелага не видел ни разу в жизни, но мой сын как-то раз вместо Гоа слетал отдохнуть на Майорку и потом долго раскаивался в своей ошибке. Как раз тогда я раздумывал – а не махнуть ли на старости лет, как и положено настоящему буржую, отдохнуть в заграницу? Но, послушав стенания отпрыска, плюнул и вместо Анталии отправился к знакомым на Рыбинское водохранилище.

Исходя же из государственных интересов Австралийской империи, я в общем-то видел то же самое. Архипелага Силли в качестве базы нам было более чем достаточно, а пакостить французам в Средиземном море мы пока не собирались. В конце концов, Англия-то тогда зачем? Пусть выполняет свою историческую роль и не отлынивает.

Суэцкий канал помаленьку начал строиться со стороны Красного моря, и вот тут, пожалуй, со временем можно будет присмотреться к архипелагу Сокотра. Однако пока нас вполне устраивала и база в Эфиопии, так что данный вопрос не относился к животрепещущим. Тем более что за эту самую Сокотру происходила непрерывная грызня. Испокон веку там жили какие-то местные семиты, которых походя завоевывали все, кому не лень. В частности, португальский посланник мне уже жаловался, что их лет сто назад выбили оттуда. Потом завладеть архипелагом попытались англичане, но им начал ставить палки в колеса папа. И к нашему появлению в этом мире англичан с архипелага тоже турнули, так что сейчас он принадлежал султану. Но не османскому, а махровому. Или правильнее будет "махровскому"? В общем, на территории будущего Йемена сейчас располагался султанат, именуемый "Махра". А ведь Хусейн-паша врал мне, что все побережье Красного моря принадлежит Османской Империи! Нисколько не смущаясь тем фактом, что в это время наши корабли уже стояли у берегов Эфиопии.

Кроме того, определенный интерес для нас представлял Сейшельский архипелаг. Но если кто думает, что мы отправили туда пару хорошо вооруженных кораблей с войсками, то его ждет глубокое разочарование. Ибо Австралия, как я неоднократно подчеркивал в выходящих из-под моего пера дипломатических документах, страна исключительно миролюбивая и не имеет привычки разевать рот на чужое. Просто подданный какого-то мелкого германского княжества, некто Карл Ротшильд, взял да и образовал Международную Сейшельскую компанию. Правда, восемьдесят процентов ее капитала принадлежали брату Карла Моисею, но кому какое дело до внутрисемейных отношений бедной еврейской фамилии? И сейчас по европейским столицам начали расходиться слухи, что на каждый рубль, вложенный в акции компании сейчас, сразу после открытия канала начнет капать прибыль, измеряемая сотнями, если не тысячами процентов. Впрочем, и в настоящее время акции компании пользовались большим спросом, ибо непрерывно дорожали. Зря, что ли, я три вечера подряд писал для Моисея Ротшильда нечто вроде реферата о деятельности МММ?

Так вот, пока ваш покорный слуга чуть ли не сутки напролет напрягал мозги, сочиняя письмо испанскому королю про Балеарские острова, Филиппины и практическое отсутствие детской смертности в Австралии, связанное с высокими уровнем нашей медицины, поезд выехал из так называемого Дикого поля и теперь катился по исконно русским землям. Степь кончилась, вокруг периодически появлялись леса, а на нас так никто и не напал. Впрочем, это понятно – погода стояла великолепная, а ногайцы уже прекрасно поняли, что, когда летает дирижабль, никакой внезапности не получится. Да и выглядел мой поезд куда внушительней обычных, так что повоевать нам не довелось.

Дорога проходила по довольно безлюдным местам. Еще на стадии проектирования я

убедился, что, если прокладывать ее через имеющиеся населенные пункты, она станет длиннее раза в два – больно уж редко они тут попадались. Была у меня мысль протянуть железку через Белгород, но, прикинув дополнительный расход рельсов, я вынужден был от нее отказаться. А про Харьков даже и мыслей не возникало, за крайней невеликостью данного города в текущем времени. Собственно говоря, было село с невзрачной крепостишкой, которое его обитатели называли "мисто", да и то оно стояло не на речке Харьков, а на протекающей рядом Лопани. То есть смысла тащить туда железку пока не было.

Вот Белгород – совсем другое дело, это был центр соответствующего оборонительного участка, развернутого еще лет двести назад против набегов из Крыма и Дикого поля. Но, как я уже говорил, дорога проходила мимо него. Со временем будет сделано ответвление, а пока городов на трассе было совсем немного. Донецк, крепость Валуйки, Старый Оскол и Орел, где железная дорога пока заканчивалась. Дальше ее предполагалось тянуть сразу по двум направлениям – в Москву и в Воронеж, но пока там только-только начались подготовительные работы.

В Валуйках наш поезд простоял три часа, и я с небольшой охраной прогулялся по этому городку. Сопровождало меня шесть человек – наставник-араукан и пятеро его учеников из батальона особого назначения. Все они были детьми казненных стрелцов, сосланными Петром в Донецкое воеводство, и теперь им предстояло охранять нашу создаваемую миссию в Москве. Учитывая особенности их биографий, я предполагал, что в случае возникновения какого-либо конфликта драться они будут насмерть, не помышляя о сдаче, потому как очень хорошо представляют, каково им придется в подобном случае.

Чуть в стороне от крепости стоял монастырь, и я решил заглянуть еще и туда.

К немалому моему удивлению, встретили нас очень радушно. Настоятель лично проводил меня по территории, разрешил глянуть на чудотворную икону святителя Николая и даже приложиться к ней. Потом показал пещеры под монастырем, после чего предложил разделить с ним трапезу. Причины такого поведения выяснились быстро – оказывается, монастырь вовсе не имел ни вотчин, ни крестьян. Небольшой земельный надел обрабатывали сами монахи, а основу финансовых поступлений составляли пожертвования от паломников к иконе, обладающей большой исцеляющей силой. С введением же в строй железной дороги их число заметно увеличилось.

Тут я хмыкнул. Меня в пути немного продуло, и вроде с утра в горле малость першило, но сейчас, прислушавшись к своим ощущениям, признаков простуды я не заметил, что в какой-то мере тянуло на чудесное исцеление. И с чистым сердцем подарил монастырю двести рублей – сто золотом плюс алюминиевую монету. Отец Феофил оказался образованным человеком, то есть при виде столбника так и замер с открытым ртом – значит, он хорошо представлял себе реальную ценность уникальной монеты. Но мне ее было совсем не жалко, о чем я и сообщил настоятелю.

После трапезы отец Феофил обратился ко мне с просьбой – нельзя ли захватить с собой на поезде одного иеромонаха, которому по делам епархии надлежит посетить монастырь Успения Пресвятой Богородицы в Орле. Я согласился, даже не спросив, куда именно таки успела богородица, что в честь этого события дали имя монастырю, хоть мне и было любопытно.

Поздним вечером поезд покинул Валуйки, а незадолго до рассвета прибыл в Орел. Вот этот город я почти не рассмотрел, потому как конец железки, где пока не было даже вокзала, вплотную подходил к пристани, около которой стоял приготовленный для меня катамаран. И весь день ваш покорный слуга прыгал вокруг него, руководя выгрузкой турбины и установкой ее на судно. Но к вечеру, хоть у меня першило горло от непрерывных "заноси, тyani, правее, левее, щас ведь уронишь, мать твою вместе с бабушкой!", турбина была установлена. Я лично поднял пары, убедился, что редуктор работает, винт крутится, после чего отправился обживать свою каюту. Учитывая, что катамаран был небольшим, а запас угля рассчитывался на до Москвы и треть дороги обратно, она была довольно скромной,

всего восемь квадратных метров площади. Но все же на полметра больше, чем та, которой в свое время мне пришлось довольствоваться на "Победе".

Отбытие катамарана было назначено на следующее утро. Уже засыпая, я вспомнил, что так и не спросил, как называется этот корабль. Вроде никаких букв на бортах не припоминалось. Неужели про имя забыли? Надо бы утром узнать, мелькнула сонная мысль.

Проснувшись, я первым делом поинтересовался у вахтенного, как называется корабль, и услышал, что пока никак, ждали меня. Ничего не поделаешь, пришлось напрягать воображение. Назвать катамаран именем какого-нибудь австралийского путешественника? Но "Врунгель" уже есть, и имена его верных спутников тоже задействованы. Остап Бендер? Но он уже засвечен как шахматист. А вот его команда – нет! И, значит, катамаран следует назвать "Адам Козлевич".

Я сообщил об этом капитану, он тут же распорядился насчет букв, а потом напомнил мне, что новорожденное судно вообще-то не мешало бы освятить, благо в составе едущей со мной делегации есть и штурмбанпасть.

Однако мне пришла в голову мысль – раз уж мы привезли в Орел местное лицо духовного звания, то пусть и оно тоже отработает дорогу, во исполнение коего решения на поиски валуйковского иеромонаха был послан вестовой. Часам к девяти монаха нашли, после чего в торжественной обстановке был произведен первый совместный обряд Русской православной и Австралийской христианской церковью. Под конец "Адама Козлевича" побрызгали святой водой с двух веников, и мы отчалили.

Катамаран прибыл в Москву третьего сентября по европейскому календарю или двадцать третьего августа по российскому, то есть до свадьбы оставалось еще двенадцать дней. Я с утра торчал на носу, вертя головой в поисках знакомых мест, но как-то они мне не очень попадались. Вроде удалось идентифицировать Коломенское, но не слишком уверенно, только по горке. Вместо парка тут были какие-то чахлые рощицы, да и церковь выглядела как-то не так и стояла вроде бы не на своем месте. Единственное однозначно знакомое место показалось перед самым поворотом в Яузу – это был Кремль. Почти такой, как я видел в будущем, только без торчащего из-за стены Большого Кремлевского дворца. И без всяких украшений типа звезд, орлов или просто позолоты на башнях. Кремль выглядел именно крепостью, а не стилизацией под нее.

Но туда нам было рано, и мы свернули направо. Тут уже начался настоящий город, по берегам стояли избы, а кое-где и настоящие крепости за заборами из толстых бревен. Катамаран сбросил скорость до семи километров в час, потому как здешняя Яуза была уже и мельче той, что я помнил по своей московской жизни. Более того, где-то в районе будущей улицы Радио мы чуть не застряли – река тут резко поворачивала налево, да еще и мельчала при этом. И в самом узком месте через нее был перекинут плавучий мост. Правда, при нашем приближении откуда-то вылезли три мужика и шустро отцепили правый конец моста от берега, освободив нам совсем небольшой проход. Но все-таки "Козлевич" через него кое-как протиснулся, и за поворотом реки обнаружилась пристань из свежих досок, а рядом с ней – мачта высотой метров десять с австралийским флагом. Это означало, что нас ждут именно тут, и катамаран, сбросив скорость, аккуратно притерся к доскам пристани.

Итак, покинув Москву триста семь лет тому вперед, я снова вернулся в нее спустя всего пятнадцать лет после появления в этом мире.

Пока я выкатывал на пристань трицикл, появился всадник в пышном мундире, оказавшийся моим старым знакомым, Головкиным. Выяснилось, что он недавно сильно вырос в должности, став главой Посольского приказа, то есть министром иностранных дел. Мы поздоровались, и Гавриил Иванович показал на стоящий метрах в семидесяти от пристани свежестроенный деревянный двухэтажный дом.

– Это ваша резиденция на время пребывания в Москве, поставлена по указу государя, – пояснил Головкин. – Гонца к Петру Алексеевичу уже отправили. Располагайтесь, господин герцог. Дом пуст, мы знаем, что в прислуге вы не нуждаетесь.

Я кивнул, залез на трицикл и повернул кран небольшого устройства, прикрученного к багажнику сбоку. С виду оно напоминало самовар, да и на самом деле являлось чем-то вроде него – там во время езды можно было заваривать кофе. Но считалось, что это паровой котел. Из трубы повалил дым, засвистела имитирующая звук турбины сирена, за воем которой треск движка почти не прослушивался, и трехколесный мотоцикл тронулся, испугав лошадь Головкина. Правда, не сильно, вскоре она успокоилась.

Все-таки тульское изделие оказалось феноменальной машиной – оно выдержало два капремонта и продолжало бодро бегать на смеси спирта с рапсовым маслом. А вот шестиколесник уже вовсю гремел трансмиссией, да и коленвал в его движке помаленьку начал люфтить. Но главное – для ремонта трицикла вполне хватало четырех ключей, молотка и такой-то матери, а вот что станет после подобного с нежной западной техникой, я не знал. Эх, надо было две тульских тархтелки из будущего брать! Но ничего, еще лет десять, и австралийская промышленность сама сможет выпустить что-нибудь аналогичное. Разумеется, попроще, но и подубовой тоже.

Подъехав к выделенному австралийской делегации дому, я сделал круг. И у меня сразу появилось недостойное первого министра великой империи желание – по окончании визита разобрать строение по бревнышку, каждое пронумеровать, отвезти на "Врунгель" и доставить в Австралию! Где снова собрать в качестве загородной резиденции герцогов Романцевых. Потому как дом представлял собой настоящий шедевр деревянного зодчества – весь в каких-то резных перильцах, с башенками, петушками на крыше и завитушками по оконным рамам. Но потом я сообразил, что можно сделать проще – нанять бригаду мастеров, они сплавят в Австралию и построят там хоромы ничуть не хуже этих. Правда, не из сосны, а из эвкалипта, но так получится даже патристичней.

Пока я глазел на местные архитектурные красоты, ребята-охранники уже по-быстрому исследовали дом, выставили три поста на подступах к нему и теперь тащили пулемет в башенку, откуда, судя по всему, открывался хороший сектор обстрела. Вокруг дома задумчиво ходил наш сапер – кажется, он раздумывал, нужно ли тут что-нибудь минировать и если да, то когда начинать.

А еще говорили, что царь Петр на дух не переносит всякой старины, припомнил я. Врали, судя по всему. Она ему не нравится, если мешает осуществлению каких-нибудь планов. Если же, наоборот, способствует, то молодой царь тут же становится ее тонким ценителем. В данном случае попытка удивить меня домом в европейском стиле была обречена на провал – Петр знал, что я их видел уж всяко не меньше его. А вот такой, по его мнению, мне еще не встречался! Ну, тут он оказался не совсем прав, но исключительно потому, что не был знаком с некоторыми хронологическими подробностями моей биографии.

Но пора, пожалуй, выбирать себе помещение и располагаться, ибо Головкин сказал, что ближе к вечеру к нам в гости заедут государь с невестой. Так что надо успеть хоть подарки расположить не кучей, а в радующем глаз и удобном для вручения порядке.

Глава 7

Петр со Светланой, которую теперь уже звали Екатерина, прибыли в половине седьмого вечера, как раз к ужину. Мы поздоровались, затем я пригласил гостей откусать чем бог послал. После этого посмотрел на Петра, тщетно пытавшегося скрыть нетерпение и разочарование, и уточнил:

– Это если вы оба голодные. А если нет, можно прямо сейчас приступить к раздаче подарков.

Царь открыл было рот, причем совершенно явно с целью заверить меня в своей и невесты полной сытости, но осекся и глянул на Свету-Катю.

– Если вы, дядя Леша, голодны, то мы, конечно, составим вам компанию, хоть и немного перекусили у Петера перед выездом к вам.

– Тогда начнем с подарков, я тоже как-то еще не успел толком проголодаться после обеда. Кому первому вручать?

Вот тут мне без всяких сомнений было сказано – разумеется, Кате. И я приступил к раздаче слонов. Причем в самом прямом смысле этого слова – вручил Светлане набор сувенирных слоников, купленный мной в комиссионке где-то в середине шестидесятых годов. Кажется, они были сделаны из настоящей слоновой кости. Девочкой Света любила переставлять их по столу, при этом требуя от меня, чтобы я рассказывал ей про этих животных, ибо в Австралии их тогда не было. А потом она повзрослела, и ей стало не до игрушек, ведь в школе имени Штирлица очень насыщенная программа. Кроме того, Илья дополнительно занимался с ней математикой и физикой. Теперь же белые слоны снова вернулись к своей давней поклоннице, но немного видоизменившись. В качестве глаз им были вставлены драгоценные камни – самому большому алмазы, следующему рубины, предпоследнему голубые сапфиры, а самому маленькому бесцветные.

Затем я водрузил на стол маленькую шкатулку из железного дерева и открыл ее. Пока девушку звали Светланой и она являлась просто сотрудницей Ост-Австралийской компании, драгоценные камни ей были как-то ни к чему. Но теперь-то открылось, что она принцесса, дочь повелителя могущественной империи, и мы с Ильей решили, что появляться на официальных торжествах без драгоценных камней запредельной величины ей отныне просто неприлично. Так что в ларце лежал самый крупный из добытых нами алмазов – камень весом в сто десять карат. Еще там находился совершенно феноменальный камень на золотой цепочке – рубин весом почти в четыреста граммов. Он будет оставаться самым большим в мире до того момента, как здесь научатся производить искусственные, ибо крупнейший из природных рубинов весил всего двести пятьдесят шесть карат! То есть чуть больше пятидесяти граммов. Ну, а в свободное пространство ларца была навалена сапфировая мелочь от ста до трехсот карат.

Тут, конечно, некоторые могут сказать, что таскать на себе чуть ли не кило драгоценностей девушке может оказаться тяжеловато. В ответ можно вспомнить, что та же Екатерина Великая иногда нацепляла и существенно больше. Кроме того, Света пошла в отца, то есть при росте под метр восемьдесят весила килограмм семьдесят пять. Да и вообще она с детства была очень спортивной девочкой, поэтому кило-другое драгоценностей ей особых неудобств не создаст.

Далее порученец вкатил в комнату два совершенно одинаковых велосипеда – их я вручил синхронно и жениху, и невесте. После чего настала очередь уже одного Петра. Ему тоже была вручена шкатулка, только чуть поменьше, чем Светлане. И камни там обнаружились довольно мелкие, не крупнее сорока карат, но зато их было много. Я с интересом наблюдал за царем – промелькнет ли на его лице хоть тень неудовольствия тем фактом, что невесту вроде бы одарили куда более щедро? Но нет, он все понял правильно и расплылся в улыбке.

Ведь тот же самый рубин весом в полкило и без единого дефекта – он уникальный, и его так просто не продашь. Эти же можно спокойно реализовывать по мере надобности, не привлекая излишнего внимания и не вызывая потрясений на рынках.

И, наконец, для вручения последнего подарка я пригласил царя в соседнюю комнату.

Надо сказать, что находящееся там устройство изначально вовсе не предполагалось кому-нибудь дарить, и вообще оно имело довольно богатую событиями историю.

Очень давно в будущем, еще до отбытия на ПМЖ в деревню, я купил себе маленький настольный токарный станочек китайского производства. В отличие от многих продуктов из Поднебесной этот был честно сделан по немецкой лицензии, и притом весьма качественно. Но вскоре я убедился, что это всего лишь игрушка. Нет, точил он отлично, на нем можно было обрабатывать детали из хорошей стали, но только не очень больших диаметров и снимая за один проход не более чем по десятке, а то и вовсе по пять сотых. При попытках захватить чуть больше его дохлый стопятидесятиваттный моторчик просто останавливался. Так что, помаявшись с ним около года, я плюнул и купил нормальный "Универсал-3М".

Так как китайчик почти не занимал места, то я захватил его в прошлое, решив, что хоть какое-нибудь применение я ему там найду. Поначалу он валялся без движения в самом дальнем углу сарая, потом был перевезен в Ильинск, и вот тут я попытался использовать его как учебный. В общем, начальные навыки он прививал неплохо, но мешало отсутствие поворотного хода суппорта и то, что будущих токарей потом на других станках приходилось приучать не так сильно осторожничать с подачей. Однако все на свете имеет свой конец, и одним прекрасным утром не выдержавший постоянных издевательств моторчик станка издох. А все остальное, что удивительно, ничуть не разболталось и прекрасно работало! В общем, отправлять недомерка в переплавку было жалко, и я, вспомнив первую швейную машинку своей московской жены, ударился в рукоблудие. Эта машинка была "Подольском" с ножным приводом по зингеровскому образцу, и вскоре станочек тоже приобрел нечто подобное. Но не в виде качающейся педали, а велосипедного типа. Причем вращение педального привода передавалось не напрямую на вал суппорта. Оно взводило пружину, снабженную центробежным регулятором от патефона, а дальше шла трехступенчатая коробка скоростей. В общем, патрон крутился с постоянным моментом и скоростью, пока хватало завода пружины, а он добавлялся вращением педалей.

Пару дней я ходил гордый, ибо у меня неплохо получалось работать на обретенном станочке, который при этом еще и чуть прибавил так недостающей ему мощности. Однако потом за него вновь сели ученики, и мой энтузиазм помаленьку улетучился. Мне-то на недостаток сил пока грех жаловаться, но ученикам было лет по тринадцать! Они просто не могли и одновременно крутить из всех сил педали, и оперировать двумя рукоятками подачи. Потом были попытки устроить так, чтобы педаль крутил один ученик, а работал на станке другой, но они тоже не увенчались особым успехом. В общем, недомерок, теперь уже на тумбочке с педалями под ней, вновь оказался не у дел, но перед визитом на свадьбу я про него вспомнил. Ведь Петр – мужик здоровый, да и начальные навыки токаря у него вроде уже есть, поэтому ему вряд ли сильно помешает необходимость при работе крутить ногами.

Так что китайчонок был извлечен из забвения, вычищен, отрегулирован, смазан, и сейчас я вкратце объяснял молодому царю тонкости обращения с хитрым австралийским механизмом.

К станку прилагался набор заготовок из стали, железа и бронзы, чтобы одариваемый мог сразу попробовать себя в роли токаря. Царь, естественно, тут же сел за станок, и минут через десять я убедился, что он вполне освоил обращение с детищем Китайской Народной Республики. И в ближайшее время оторвать его от этого занятия проблематично.

– Алекс, пусть тебе пока Катя про дела компании расскажет, а я все-таки попробую сделать конус, – буркнул он, не оборачиваясь. – Каким резцом лучше, не подскажешь?

Я подсказал, после чего мы со Светой вернулись в мой кабинет.

Разумеется, Петр был увлекающимся человеком, но все же не настолько, чтобы из-за заморской игрушки забыть про государственные дела. Кроме того, он отлично понимал, что, хоть Света сейчас его невеста, а скоро вообще станет женой, ей есть о чем поговорить со мной наедине. И под вполне благовидным предлогом предоставил нам такую возможность. Другими словами, он не просто игрался с австралийской диковинкой, а выполнял дипломатическую миссию. И явно не собирался ее прерывать до того момента, пока рядом со станком еще будут лежать необработанные заготовки.

Первым делом я передал Свете письмо от отца, сообщив, что ничего особо секретного там нет и его можно хранить вместе с бумагами компании. И попросил рассказать, как она тут устроилась.

– Ох, дядя Леша, иногда просто руки опускаются, – вздохнула девушка. – Как Петер в такой обстановке не озверел окончательно, я просто не понимаю. Кругом одно ворье! Чуть что оставишь хоть на пять минут – все, поминай как звали. А уж из казны так тащат, что удивительно, когда там иногда хоть что-то находится. Я недавно одного чуть не

пристрелила, да хорошо, суженый оказался неподалеку, не дал взять грех на душу.

Тут девушка улыбнулась. Ясно, подумал я, спектакль был разыгран для Петра и его ближайшего окружения. То, что царская невеста носит револьвер не для красоты, а мастерски из него стреляет, это, надо думать, знали уже все интересующиеся. И теперь ни у кого не должно быть сомнений, что в случае необходимости Екатерина без лишних раздумий применит свои умения на практике.

– Про учеников можешь сказать хоть что-нибудь хорошее? – поинтересовался я. Кроме всего прочего, Света преподавала математику и физику в Навигацкой школе.

– Вот список на семнадцать человек, – девушка протянула мне небольшую свернутую бумажку. – Это те, которые за год моего преподавательства смогли усвоить хоть что-то. Остальные – просто дубы. Какая там математика, арифметику и то не всем удалось вдолбить! Впрочем, а чего еще ждать, когда люди в восемнадцать-двадцать лет только начинают учиться. Вроде Россия – страна большая, а образованных людей тут меньше, чем у нас в Ильинске. Впрочем, я уже договорилась с Петером насчет сиротских домов и кадетского училища. Правда, все это пока приходится двигать на мои средства.

Я заверил будущую императрицу, что не вижу в этом ничего плохого и не собираюсь ограничивать финансирование. Ибо сказано – кто девушку обедает, тот ее и танцует! А из сегодняшних малолетних сирот и кадетов через десять-пятнадцать лет получатся профессиональные солдаты, верные лично ей, Екатерине. Причем такие, каких тут сейчас ни у кого нет.

– Ох, сколько же на все уйдет золота, – вздохнула собеседница, – Австралии-то хоть что-нибудь останется?

Ее беспокойство действительно имело под собой основание, потому как к моменту отъезда Светы из Ильинска месторождения вокруг города были уже почти выработаны.

В ответ я выложил небольшую пачку фотографий и карту.

– Любуйся, в позапрошлом году началось освоение "Золотой Мили", которую во избежание излишнего ажиотажа мы слегка переобозвали и теперь именуем "Валютным Километром". Основное разрабатываемое месторождение – на запад вот от этого озера, там уже основан поселок Бакс.

– Триста километров от побережья? – присмотрелась Света, – и местность гористая. Вот, значит, почему поставки дирижаблей в Европу почти не растут. Они небось все тут летают?

– Все не все, а пять трехтонников по девять тысяч кубов действительно работают именно здесь. За прошедший год добыто четыре с половиной тонны золота, истрачено же меньше двух, так что волноваться за финансовое положение Австралии пока рано. Насмотрелась на картинки? Если да, то Расскажи мне, как тут у тебя сложились отношения с церковью.

– Да вроде нормально, Петер нашел очень удачную кандидатуру на пост блюстителя патриаршего престола. Митрополит Стефан обладает сразу двумя немалыми достоинствами – он верен царю и при этом весьма равнодушен к деньгам. В общем, его расположение обошлось мне тысяч в восемьдесят, а подробнее расскажет отец Яков, он прибудет на доклад завтра. Кстати, не пора ли его повесить? Засиделся, поди, паренек в оберштурмпастьях.

– Разумеется, я ему и шпалы привез, сколько можно с кубарями в петлицах ходить. Присваивать сразу две или пока одной хватит?

– Для начала – одну, гауптштурмпастьрь тоже немалый чин, пусть человеку остается простор для роста. А вот как добьется официального признания нашей церкви Русской Православной, тут же получит вторую шпалу и станет штурмбанпастьрем.

Здесь мы сделали небольшой перерыв на пару чашек кофе, после которых Света перешла к военно-политическим вопросам.

– По-моему, сейчас самое время активизировать военную помощь России, – обозначила девушка свою позицию. – Потому что развитие металлургических заводов компании вызывает серьезное беспокойство в Стокгольме. Там вполне обоснованно боятся нашей

конкуренции в торговле железом. По моим сведениям, граф Пипер или собирается, или уже начал нашептывать королю, что Россия – враг опасный и его надо вывести из строя одним мощным ударом из Польши на Украину, потом перерезать железную дорогу и прибрать земли компании. Мало нам одних ногайцев? Так что вскоре после свадьбы мы с Петером отправляемся на Ладугу – пора брать Нотебург, а за ним – Ниеншанц, и тогда Карлу станет не до глубоких стратегических планов. Снайперскую группу дадите?

– Обязательно. И еще я десяток настоящих минометов привез. Правда, мин совсем мало, но "Козлевич" завтра же отправится за второй партией.

Суть тут была в том, что производство стали пока только разворачивалось, и ее хронически не хватало. Кроме того, компания имела всего два прокатных стана, к тому же небольших. Я бы даже сказал – полтора, потому как первый был совсем крошечным. И вопрос быстро встал так – или минометы, или мины, или и того и другого, но в мизерных количествах.

Однако выход нашелся быстро, и минометные трубы начали лить из чугуна. Все бы ничего, но стомиллиметровая весила двести килограммов! В общем, это были очень тяжелые минометы. А тут я взял да и привез десяток нормальных, которые смогут быстро занимать позиции и еще быстрее покидать их в случае необходимости. Вот только как бы девушке намекнуть поделикатнее...

– Это самое, только ты сама в свалки не лезь, – попросил я.

– Дядя Леша, мне же не пятнадцать лет!

Тут она была права, ей недавно стукнуло двадцать три. Подумав, Света добавила:

– Больно оно мне надо, лазить по каким-то грязным стенам. Тут и с артиллерий дел по горло, а саблей пусть Меншиков машет, у него хорошо получается. Глядишь, и домашется, герой.

– Что, с ним отношения не сложились?

– Пока как-то не очень. Ревнует он меня к царю, очень ему не нравится, что я позволяю себе влиять на Петера. Может, со временем оно и утрясется, а нет – никуда не денешься, придется его...

– Вот только сама в это дело не лезь! Понадобится – радируй, найдем, кому разобраться с Александром Даниловичем. Но лучше, конечно, как-нибудь обойтись без крайних мер.

– Да я понимаю, но тогда сильно вырастут расходы, больно уж Алексашка хапает здорово.

– Значит, на триста тысяч тебе вообще карт-бланш, а если потребуется больше, проси у отца, думаю, не откажет.

Гости засобирались домой, когда уже начало темнеть. Мы с Петром взгромоздили велосипеды на крышу его кареты, привязали, потом впихнули внутрь станок. Все остальное имело малые размеры и вес.

Кстати, молодой царь и не заикнулся насчет прокатиться на только что полученном механизме. Он уже видел подобный в Таганроге и знал, что в первых поездках падают все. А так как внутри дома кататься было негде, то он, видимо, решил не веселить народ снаружи.

– Что думаешь про мои военные планы? – спросил он меня при прощании.

– В принципе они ко времени, так что помогу, как будет в моих силах. До свадьбы выбери примерно полдня, приезжай, обсудим детально.

– Добро! – просиял Петр и полез в свою карету.

Глава 8

В Успенском соборе было душно, но обряд венчания царя Петра Алексеевича уже подходил к концу. Служил сам местоблюститель отец Стефан, и вот он подошел с крестом к новобрачным. Диакон набрал полную грудь воздуха, выдохнул, чуть задержал дыхание – скоро ему возглашать многолетие. Не опозориться бы, прости Господи раба своего грешного!

Мог ли только год назад рукоположенный в диаконы Андрюшка Нефедов, ныне отец Андрей, мечтать об участии в царской свадьбе? Нет, не мог, но люди заметили дарованные ему Господом мощный голос и благовидную внешность. Правда, не совсем обычные люди...

Вон он стоит, чуть сбоку от отца Стефана. Если смотреть снизу, то до пояса даже похож на православного монашествующего батюшку – черный подрясник, из-под которого выглядывают до блеска начищенные сапоги. Но выше – широкий кожаный ремень с двумя рядами дырок. И висит на нем кобура с иноземным пистолем, именуемым "револьвер", а от нее тонкий ремешок через правое плечо. На груди – большой крест из алюминия, богато украшенный красными и синими камнями. Воротник не облегает шею, как у православных, а расходится в стороны, открывая белоснежную рубашку. На шее – черный галстук с брильянтом в залке. И, хоть австралиец вроде не участвует в службе, стоит он в головном уборе. Наподобие камилавки, но с козырьком и сверкающей пятиконечной звездой над ним.

На углах отложного воротника – так называемые петлицы, в коих еще неделю назад было по три малых серебристых квадрата, а сейчас – более крупные полосы, которые отец Яков назвал "шпалами". Ох, и душевно же их обмыли третьего дня! Хорошие обряды у австралийцев, тут грех жаловаться, да и сами они люди неплохие. Раз уж Господь попустил, что вокруг царя теперь всегда ошиваются иноземцы, то лучше пусть уж будут эти, чем кукуйские немцы. Австралийцы хоть говорят по-нашему, да и спеси в них совсем нет. А что ходят все с револьверами, даже царская невеста Екатерина, так это у них обычай такой. И правильный, между прочим. Несколько дней назад лихие люди подстерегли отца Якова, а он был только с одним своим охранником. Ох, и здоров парень, ростом на полвершка выше самого царя Петра! Ликом темен, и револьверов у него два, да тоже огромных. В общем, когда стрельцы сбежались на палубу, то увидели они шесть трупов. У двоих маленькие, не сразу и разглядишь, дырочки напротив сердца – это их лично отец Яков упокоил. А у четверых по полголовы вообще нет и мозги по мостовой раскиданы! Не дай Бог кому попасть под револьверы охранника – бесчеловечная вещь. У них пули не то как-то разворачиваются, не то вовсе взрываются.

Тем временем отец Стефан уже иконки новобрачным подносит. Когда подошел, то сразу видно, что он и до подбородка царю макушкой не достает! Даже невеста, и та намного его выше. И рыжая, прости Господи! Впрочем, не нашего это ума дело, государю виднее, на ком жениться. Со стороны невесты стоит заморский герцог – тоже верста коломенская, хоть и малость ниже Петра Алексеевича. Рядом с царем – Александр Данилович, он чуть повыше Екатерины, чуть пониже герцога.

Вот царь поцеловал иконку и взял ее из рук блюстителя патриаршего престола. Отец Стефан повернулся к невесте. Значит, пора сделать еще один вдох и, как только Екатерина возьмет образ, возглашать многолетие.

Протопоп Яков Игнатьев сидел хоть и не рядом с царем, но на достаточно почетном месте – через четыре человека от него. По правую руку от Петра находился, ясное дело, Алексашка – кому же еще тут быть? Далее расположился на специальном, в полтора раза больше обычных, кресле Федор Юрьевич Ромодановский, глава Преображенского приказа. И что же его с таким-то чревом все никак кондрашка не хватит? На царском обеде в Грановитой палате жрет, боров, за двоих. Но наверняка и слушает за четверых, хоть по нему незаметно. За князем-кесарем сидит глава Посольского приказа Головкин, которого, говорят, скоро произведут в графы, раз дал ему государь орден Андрея Первозванного, третий по счету с момента учреждения. Вроде человек невредный и спокойный, но в тихом-то омуте черти водятся. О чем-то по иноземному беседует с отцом Стефаном, верным псом молодого царя. И, наконец, он, протопоп Яков Игнатьев, духовник царевича Алексея Петровича. Самого-то наследника, ясное дело, на свадьбу не пригласили. Виданное ли дело, при живой-то жене брать другую! А все Стефан, иуда – сумел убедить епископов признать, что уличенная в государственной измене царю женой быть не может и, значит, предыдущий обряд нужно считать недействительным. И ведь сам возложил царю венец на голову,

Господа не убоятся! Тьфу, да и только. А невеста, то есть теперь уже царица, тоже хороша. Как же можно – баба, и вдруг недорослей начнет учить всяким наукам? Стенька-то Вяземский, говорят, возмутился, а она свой револьвер из кобуры достала, да так заехала ему рукояткой по лику, кобыла здоровая, что он и в себя не сразу пришел, а только когда его водой холодной окатили. До сих пор шепелявит, без передних-то зубов.

Рядом с невестой сидит австралийский герцог, а за ним – богопротивный заморский поп, даже стыдно, что у него, Якова, такое же имя. Но я хоть называюсь по-людски – протопоп, утешил себя Игнатъев, а этот? Язык же сломаешь – был тот Яшка каким-то обер... шур... нехристью, и все тут! Только в самом конце – пастырем, а сейчас у него и вовсе такой чин, что даже с третьего раза запомнить не получилось. В памяти осталось только, что первой там буква "г", а сзади, как и раньше, "пастырь".

А чего это Алексашка, змей подколодный, на него, Игнатъева, смотрит? Да при этом ухмыляется еле заметно, но очень гадостно. Неужто замыслил чего? И против кого – Якова или царевича? Вот он к Петру обернулся и что-то ему шепчет. Точно, что-то задумал, аспид. Вон государь даже щекой дернул и к герцогу повернулся. Яков сам слышал, что раньше Петр на людях называл его Алекс, и тот тоже без всякого уважения к царю – по имени, но тут все присутствуют князья из древних родов да иноземцы, так что сейчас царь его титуловал как положено.

– А что, ваша светлость, говорят, у вас в Австралии есть университет, где всяким наукам учат лучше, чем в любом граде Европы, да к тому же есть среди них и такие, что мы вовсе не знаем?

– Чистая правда, ваше величество, – оторвался от своей тарелки австралиец. – Что, хотите выбрать времечко, сплавать к нам и пройти курс? Если так, можете смело рассчитывать на рекомендацию с моей стороны.

И это вместо того, чтобы в пояс поклониться, раз государь ему такую честь оказывает! Куда же катится царство Российское?

– Ну, мне-то недосуг, хоть и хотелось бы, да государственные дела не бросишь. Ничего, у меня теперь свой венчаный учитель появился, поможет маленько рассеять серость. Но есть у меня сын, Алексей, семнадцатый год идет व्यюношу. За него замолвишь словечко, если понадобится?

– Обязательно понадобится, – хмыкнул герцог, как будто говорил со своим приятелем, а не помазанником божьим, – кого попало у нас в университет не берут. Так что, как он мне сам скажет, что хочет учиться и готов ради этого без принуждения плыть в Ильинск, я его возьму на "Врунгель". Ежели ваше величество оплатит дорогу – пассажиром, причем хоть в люксе, а коли нет – на крейсере есть вакансии юнги.

– Как сам я юнгой ходил, так и Алеша пусть попробует, – кивнул царь и вдруг подмигнул Игнатъеву. Господи помилуй, что теперь будет-то?

Герцогу тоже было любопытно. Решится ли Алексей уже сейчас противиться воле отца, или, согласившись, сбежит где-нибудь по дороге в Австралию? Разумеется, ему представится такая возможность, и не один раз, а утечка информации для всех желающих помочь наследнику русского престола будет запущена завтра же. В то, что царевич Алексей по своей воле искренне захочет постигать науки в Ильинском университете, герцог Алекс Романцев не верил.

– Едут, едут! – закричал малолетний Васька Татищев с башенки. До того скучавшие у черного входа Меншиковского дворца молодые люди засуетились. Прихрамывая, к ним подбежал дядька Иван Никитин, вместе с пятнадцатью лучшими учениками Навигацкой школы удостоенный приглашения на ужин по случаю царской свадьбы. Не на тот, что недавно кончился в Грановитой палате Кремля, а для своих в Преображенском, во дворце Александра Даниловича. У царя тут тоже был свой дом, но всего о трех небольших комнатках, так что торжества проходили или в Съезжей избе, или в Потешной крепости. Или, как сейчас, во дворце ближайшего царского соратника. Хотя не всегда, дядька

рассказывал, что бороды боярам резали именно в доме государя.

– Васька, нос утри, опять где-то перемазался! – еще на ходу начал командовать Никитин. – Хвостов, да что же пуговицы-то вкривь застегиваешь? Басов, помоги ему, да не лыбься, сам таким был! Не опозорьте меня и Катерину Ильиничну перед государем! Как себя за столом вести, все помнят?

– Да-а! – раздалось в ответ несколько нестройных выкриков.

– Как отвечать положено?! – осерчал дядька.

– Так точно, ваш-бродь!

– То-то же. Зайцев, а ну морду умной сделал, живо! Успеют еще государь с иноземным герцогом насмотреться, какие вы есть дурни на самом деле.

Вскоре послышался свист, сквозь который прорывалось какое-то тарахтенье – ученики уже знали, что это так едет австралийская трехколесная тележка с герцогом. Третьего дня он приезжал в школу и даже прокатил двоих учеников вокруг Сухаревской башни. Мало того, недорослю Трубецкому дал покрутить вертящуюся ручку на рогатине, коей его тележка управлялась. От поворота этой ручки она ехала то быстрее, то медленнее.

Вот из-за поворота показались конные преображенцы, за ними – три кареты, потом австралийская тележка, а замыкала процессию охрана герцога. Четверо огромных мужиков страховидного вида и пятеро совсем молодых пареньков, коих, если бы не форма да револьверы, от русских и не отличить.

Никитин окинул взглядом своих подопечных. Стоят ровно, на лицах подобающий случаю восторг.

Из остановившейся кареты спрыгнул царь, помог выбраться своей молодой жене. Повернулся к герцогу, который уже слез со своей таратайки, заглушил ее гремющий механизм и теперь направил на царскую чету какой-то небольшой черный ящик с отростком спереди.

– Снято! – непонятно сказал австралиец, опуская свою коробочку, но государь показал на замерший строй учеников:

– А их? Без образованных людей России гибель, они же есть ее надежда, кою надлежит запечатлеть.

– Верно! Может, это будущие герои или вовсе ученые, – хмыкнул герцог и, направив свой ящик на учеников, скомандовал:

– Всем замереть и смотреть на его царское величество! Все, вольно. За снимками пусть кто-нибудь зайдет ко мне завтра от двух до трех пополудни. Что это такое? Вот как получите, так сами увидите. Петер, куда идти, кто тут у тебя командует?

– Данилыч, – обернулся к вылезшему из второй кареты Меншикову царь, – ты чего гостей на улице держишь? Чай, твой дворец-то, показывай, где кому садится, что есть и пить. Постой, а князь-папу в Кремле не забыли?

– Да здесь он, сейчас выйдет, – усмехнулся Меншиков.

Ученики с недоумением смотрели, как два солдата вытащили из кареты какого-то мужика в венгерском кафтане, но, что удивительно, с бородой. Никитин же не удивлялся – знал, что это главный во Всепьянейшем Соборе Зотов. Полный его титул не всегда мог выговорить и сам Петр, а сокращенный звучал как "князь-папа".

Был он, похоже, пьян до изумления, не падал только потому, что его с двух сторон держали. Однако, услышав обращение, поднял голову, звучно икнул и возгласил:

– Сущие в отце нашем Бахусе возлюбим друг друга, братие! Благословляю – ик! – на подвиг во... во имя...

Но тут силы окончательно покинули оратора, и он уронил голову на грудь. Никитин, повинувшись знаку Меншикова, повел учеников внутрь дворца.

В большом зале стоял не один большой стол, а несколько средних. В центре – для царя, царицы и нескольких приближенных, в том числе герцога и странного заморского попа, про которого Никитину уже шепнули, что вскорости он начнет преподавать в Навигацкой школе. А потом этот поп сам подошел и подтвердил, что да, ему поручено вести два курса. Первый

– баллистика, то есть наука о том, как летит снаряд из ружья или пушки. А вторую поп назвал невразумительно – "основы обществоведения". На робкий вопрос "что сие есть?" ответил почти как его герцог – "узнаете в процессе учебы".

По бокам царского стола стояли два – для австралийцев чином пониже и для кукуйских немцев, коих сейчас было немного, всего шесть человек. Еще один был чуть в стороне, для ближних бояр, там главенствовал Ромодановский, остальные же чувствовали себя не в своей тарелке.

Наконец, близ стены располагался стол для солдат, куда отнесли и князь-папу, и последний, для учеников Навигацкой школы.

Праздник был веселый и шумный, но ближе к концу Сергей Завидов, лучший в школе по математике, набрался смелости и спросил, почему им подносят только какое-то слабенькое вино, да к тому же еще и разбавленное.

Слабенькое-то оно слабенькое, с неудовольствием подумал Никитин, а головки ваши еще слабее. Мог бы у меня потихоньку спросить, а он, дурак, гаркнул так, что даже царь обернулся. И герцог встает и к их столу идет – неужели сейчас бить начнет? Но он просто подсел к ученикам и поинтересовался:

– Вино, говоришь, слабовато? Так ведь крепкое – оно на неокрепшие мозги очень вредно действует. На князь-папу посмотри, если не веришь. Он как от рождения был не сильно велик умом, так сейчас вообще последний пропил. Полезный, конечно, человек, но царю одного такого хватит, целого плутонга не требуется.

Вот тут бы Сереже и замолчать, но он, ободренный ласковым тоном герцога, заспорил.

– Значит, так, – прихлопнул ладонью по столу герцог, – задам-ка я тебе пару вопросов по математике. Ответишь правильно – можешь хоть спирт жрать стаканами, никто слова не скажет. Петер, подтверждаешь? Не сможешь – я лично в ваш кувшин еще пару стаканов воды долью. Итак, сначала вопрос легкий, для разминки. У прямоугольного треугольника катеты три и четыре сантиметра. Какова гипотенуза?

– Пять! – немедленно ответил Завидов, даже чуть обидавшись, что его спрашивают про такие простые вещи. – По теореме Пифагора.

– Правильно. А теперь настоящий вопрос. То, что сумма двух квадратов тоже может быть квадратом, ты нам только что показал. А кубов? А четвертых степеней? Короче, решишь эту задачу в общем виде – и можешь пить все, что твоя душа пожелает, причем всю жизнь и бесплатно, за счет казны. Но пока не решил, лучше обходись разбавленным сухим вином или пивом.

Герцог вернулся на свое место.

– А ну как действительно решит? – с некоторым беспокойством спросил его Петр, – тогда что?

– Тогда его будет ждать всемирная слава. И премия, которую я, пожалуй, сподоблюсь учредить специально для этого случая. Этой премии ему все равно не пропить, она будет немаленькой, так что не волнуйся, не введет он твою казну в разорение. Впрочем, если у него действительно получится, то наверняка к тому времени ему будет не до водки. Ведь я предложил молодому человеку доказать великую теорему Ферма.

– Так что, эта задача вообще не имеет решения? – догадался царь.

– Еще как имеет, только на его поиски придется потратить лет двести пятьдесят, если не триста.

Праздник затянулся до глубокой ночи, закончившись под утро грандиозным фейерверком, который устроили австралийцы. Грохот и сверканье стояли невероятные, перебудив всю округу, за исключением части гостей, к тому времени выкушавших крепких напитков сверх всякой меры. Но наконец пальба кончилась, гости частью разъехались, а частью легли спать во дворце Меншикова. Царь с молодой женой удалились в домик Петра. Однако часовые могли увидеть, как потом от дворца царского фаворита к дому герцога прошли двое – сам Алекс, но в сопровождении Александра Даниловича. И до рассвета в

окнах второго этажа австралийской миссии горел свет, причем не такой, какой дают свечи, а яркий, будто там светили маленькие солнышки.

Глава 9

Вот и отгремела царская свадьба. Народ, кто проснувшись, а кто проспавшись, потихоньку куда-то засобирался.

Царь с молодой женой вскоре должны были выехать в действующую армию. Мне предстояло по мере сил помочь им в сборах, а потом потихоньку сворачивать манатки и плыть в сторону Орла на "Козлевиче", где пересест на поезд и катить в Таганрог. Но время еще было, даже в самом холодном году лед на Азове появлялся не раньше середины декабря.

Утром после свадьбы, разбудив меня часов в одиннадцать, явился радист и сообщил, что нашим английским посольством получено письмо от Филиппа Пятого. Так что мне пришлось спешно выпить кофе и углубиться в чтение.

Сразу повеяло чем-то полузабытым, я даже поначалу не сообразил, чем именно. Но потом вник.

В будущем я довольно много читал, причем в основном фантастику. Не то что я так уж любил именно этот жанр, но ведь кроме него и читать-то было нечего! В советские времена альтернативой являлись производственные романы и мемуары всяких первых и вторых секретарей, которые они и сами-то вряд ли смогли бы прочесть. А потом пошла какая-то заумь, то ли постмодернизм, то ли еще хрен знает что, почему-то объявленная литературой. И море детективов типа "Слепой против Глухого", "Кривой против мафии" и "мафия против по башке пыльным мешком Стукнутого". И чуть отличающаяся серия "Я – вор", "Я – бандит", "Я – пидор". На таком фоне даже самые убогие фантастические произведения смотрелись вроде как и ничего. Но, конечно, иногда случались исключения, особенно последние лет пять, когда массово поперли просто выдающиеся по бездарности шедевры, а дополнительный колорит им придавала глубочайшая неграмотность редакторов.

Кроме того, получило широкое распространение соавторство. То есть маститый писатель берет в соавторы молодого, почти неизвестного, и они вдвоем пишут книгу. Если старший не совсем потерял совесть, то именно вдвоем, типа одна глава он, потом десять-двадцать молодой, потом снова глава от мастера, который, кажется, даже не читал накарябанного его молодым коллегой, и конец текущей книги. Ждите продолжения!

Так вот, письмо от Филиппа Пятого было выдержано именно в таком стиле. Вступление явно писал сам король. Где с волнением спрашивал, действительно ли я смогу помочь выжить их следующему ребенку. А далее на полтора страницах нудно и бестолково объяснялось, что мои несуразные требования выходят за рамки всего подряд и для достижения хоть какого-то консенсуса должны быть решительно урезаны. Потом снова шла искренняя вставка Филиппа.

Ответ не вызвал больших трудностей. В нем я объяснил, что проблема выживания будущего королевского ребенка имеет две составляющих – объективную и субъективную. С первой все в порядке, австралийская медицина многократно превосходит европейскую, а педиатрия в Империи развита особенно сильно, ибо дети есть наше будущее. Но, увы, наша скорбная жизнь устроена так, что даже самым что ни на есть прогрессивным объективным закономерностям для их претворения в жизнь нужны еще и субъективные условия. В данном случае – отсутствие в королевском окружении идиотов наподобие того, что накарябал основной массив только что прочитанного мной письма.

"Они что, совсем не соображают, кому адресуют свои мозговые испражнения?" – недоуменно спросил я. И добавил, что только глубокое сочувствие королю и его молодой жене не позволило мне сразу послать отправителей такого документа по соответствующему адресу. Оно же диктует задать несколько отвлеченный вопрос.

Ведь в текущей войне Испания пока вовсе не добила никаких успехов – только поражения, когда она пару раз собралась проявить хоть какую-то активность. Неужели в

таком положении дел никто не виноват? А если виновные есть, то не те ли это люди, что так подставили Филиппа, приписав к его пламенеющим высокими чувствами строкам свои непотребные каракули? И чем, в конце концов, занимается святейшая инквизиция в это тревожное время? Ведь требуется совсем немного, чтобы авторы документа сами рассказали о своих гнусных деяниях. Мелкие же тонкости, типа сожгут их после этого или повесят, Австралию не интересуют.

Отдав письмо для передачи по радио, я на более или менее свежую голову припомнил только что произошедший длинный разговор с Меншиковым. Данилыч, надо сказать, обозначил свою позицию очень четко – несмотря на только что закончившуюся свадьбу, от него в России по-прежнему зависит очень много. И он, понимая, какое благо несут его стране ссуды и технологии из-за океана, готов всячески поддерживать наши начинания. Однако надеется, что мы, как порядочные люди, в ответ коим-то образом проявим свою благодарность. В частности, ему тоже хочется корабль с паровой турбиной, а когда рельсы дотянутся до Москвы, не помешает и личный поезд вроде того, на котором я приехал в Орел. Далее собеседник спросил, как в Австралии обстоят дела с орденами, то есть награждают ли ими иностранных подданных. И поинтересовался условиями хранения денег в наших банках. Наконец подвел нечто вроде итога – мол, в случае нашей дружбы может возникнуть большая обоюдная польза. Он, Александр Данилович, решил пойти нам навстречу авансом, для чего и поднял вопрос об учебе царевича. Ведь как ни крути, а это наследник русского престола!

Я, самую малость поразмыслив, ответил в том смысле, что вообще-то примерно так и думал, но конкретно последняя инициатива с царевичем вызывает определенные сомнения. Да, он наследник. Но нам-то какое дело? Если Петр умрет раньше своей супруги, то при первом же намеке на разногласия с новым правителем России она просто вернется в Австралию, вот и все. Ей не грозит ничего особенного. Компании – тоже, потому как у преемника Петра никаких рычагов воздействия на нее поначалу не будет. То есть у нас даже в самом неблагоприятном случае хватит времени свернуть производство так, чтобы не остаться в убытке. А вот вам, уважаемый Александр Данилович, в случае воцарения Алексея придется очень туго. Но мы готовы войти в рассуждение ваших трудностей и как-то повлиять на царевича в процессе учебы. Однако отнюдь не бесплатно, ибо филантропия в Австралии никогда не имела хоть сколько-нибудь заметного распространения.

Тут мой визави малость офигел. Мне даже показалось, что сейчас первый случай, когда от него кто-то потребовал денег! Ну или чего-нибудь эквивалентного им. Однако собеседник быстро пришел в себя и начал торговаться.

Вскоре мы сошлись на следующем. За нашу обработку наследника в нужном ключе Алексашка способствует отцу Якову в его начинаниях по углублению контактов между церквями. Правда, связи царского фаворита в среде духовенства еще только начали образовываться, но, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Далее Австралия смотрит на поведение Алексашки и, пока оно ее устраивает, каждый месяц кладет на его счет по тысяче рублей в Лондонском филиале Австралийского императорского банка. И это при том, что одной из моих задач на этот визит была организация филиала того же банка в Москве! О чем я уже успел объявить, и не раз. Однако позиция Александра Даниловича была тверда, как гранит. Деньги – в Лондон, причем постоянную составляющую, то есть пенсион, в наш филиал. А разовые выплаты за отдельные услуги – в Английский банк! Человек явно не хотел складывать все яйца в одну корзину.

Я-то, наивный, думал, что подобные традиции нашей правящей элиты образовались только при Горбачеве, когда партноменклатура вдруг оказалась охваченной непреодолимой страстью к вывозу денег за бугор. Причем ладно бы своих, так ведь в основном наших! Наверняка и у меня что-то украли, собаки корыстные. А оно, оказывается, вон когда началось.

Впрочем, совсем отказываться от поддержки нашему московскому банковскому

филиалу Меншиков не стал, но было видно, что это его не очень интересует.

Отбыл царский фаворит часов в семь утра, унося с собой в качестве аванса два рубина – скажем прямо, по австралийским меркам довольно-таки мелких. Я же облегченно вздохнул и даже позволил себе пару раз сплунуть в открытое окно, ибо в течении долгой беседы не показать, как я в действительности отношусь к душевным качествам Александра Даниловича, мне было довольно трудно. Ну вот не люблю я коррупционеров среди своих! Прямо даже возникают какие-то первобытные желания – достать парабеллум да облегчить его магазин патрона на три-четыре, ибо мордобитие тут уже не поможет. Но, повторяю, только тогда, когда мздоимец находится по эту сторону баррикады. Если же по ту, то это, наоборот, милейший человек, которому так и хочется сделать что-нибудь приятное, иногда даже сверх оговоренного прејскуранта.

Судя по всему, Меншикову не терпелось именно в этот мой визит обязательно сплавить царевича в Австралию, и я его понимал. Полтора года назад Петр серьезно заболел, и только быстрый приезд Светы с медикаментами привел к выздоровлению. Ну или по крайней мере совпал с ним, никто из нас не собирался углубляться в подобные тонкости. Главное, Петр был уверен – австралийская принцесса буквально вытащила его с того света. А массажем снимать приступы жестоких головных болей она умела без всяких натяжек, так что с этого и началась их любовь. Но Алексашка, похоже, сильно струхнул и вот теперь решил подстраховаться, тем более что нынешней весной царь снова прихворнул.

В результате прямо на следующий день к австралийской миссии подъехали две кареты, где находился царевич со свитой. Я заранее предупредил охрану, чтобы она не задерживала визитеров, и вскоре первый из них образовался в моей гостиной.

Сделал он это, скажем прямо, довольно-таки по-хамски. Правда, дверь он открыл руками, но исключительно потому, что она открывалась наружу, так что ногой произвести данное действие было никак невозможно. Но он все-таки ухитрился ввалиться ко мне с грохотом и, не представившись, заорал:

– К тебе, невежий дюк иноземный, явился сам наследник престола московского!

Гость мне был слегка знаком, я его видел на свадьбе. Воспитатель? Нет, кажется, все же духовник царевича, тем более что он в чем-то наподобие рясы. Как же его, заразу, звать-то? И почему он такой дурак? Небось думает, что я, возмущенный продемонстрированной наглостью, возьму и спущу его с лестницы, да еще и в рыло заеду разок-другой. Что, естественно, вызовет вполне ожидаемую реакцию у царевича. А вот хрен вам, дорогие гости! Нет у меня сейчас настроения бить кого-то по морде, даже если она совершенно недвусмысленно просит кирпича. Обратитесь попозже, тогда, может быть, и уважу, а пока – извиняйте, господин хороший, тем более что мне наконец вспомнилось, как же тебя, урода, звать.

В общем, я вскочил, развел руки, будто собрался обнять этого взъерошенного попа, и воодушевленно воскликнул:

– Глазам своим не верю! Неужели меня почтил визитом сам господин Игнатьев? Радость-то какая! Да что же вы, Яков, извиняюсь, что не знаю имени вашего достопочтенного родителя, застряли в дверях, будто неродной?

Я подхватил совершенно ошарашенного попа под локоток, и, не обращая внимания на его слабые трепыхания, подтащил к столу. Визитер был мало того что деморализован, так и весил от силы килограмм шестьдесят, а то и поменьше, так что он и опомниться не успел, как ему был всучен налитый до краев стакан.

– Выпьем за здоровье его высочества принца Алексея Петровича! – провозгласил я, и гость не смог отказаться, хоть поначалу и пытался. Мне еще в Кремле бросилось в глаза, что к водке этот тип весьма равнодушен, но в осадок выпадает где-то между вторым и третьим стаканом. То ли в силу общей хилости организма, то ли он уже просто допил до третьей стадии.

Для закрепления успеха мы с Яковым приняли еще по двести грамм, на этот раз уже за

его драгоценное здоровье. Теперь духовник царевича почти не сопротивлялся. И если первый тост мне пришлось все-таки выпить наравне с ним, то сейчас он слегка поплыл и не заметил, что в свой стакан я налил из другой бутылки, где была чистейшая родниковая вода.

С третьим тостом мне даже не пришлось напрягать мозги, потому как гость поднял мутнеющий взор и грозно возопил:

– А за торжество веры православной ты, нехристь, выпьешь?!

– Обязательно! За православную веру – и не выпить? Да за такое несколько раз подряд и то мало будет!

Но этого уже не потребовалось, с шестисот грамм водки гость прямо на глазах терял связность мысли и координацию движений. Подождав минут пять до полного завершения процесса, я спустился вниз, чтобы позвать царевича.

Он уже вылез из кареты, так что я, припомнив, как это делал де Тасьен, поклонился, помахал шляпой возле колен и, не надевая ее обратно, пригласил наследника заходить.

– А где... – начал было Алексей.

– Сидит в моей гостиной. Ну, пошли?

За нами дернулись было еще трое из свиты, но пара дежурящих у входа легионеров преградила им путь. Этого вполне хватило, чтобы люди, соорудив на лицах выражение "не больно-то и хотелось", отошли к своей карете.

Наверху выяснилось, что я невольно дезинформировал царевича. Ему ведь было сказано, что его духовник сидит – собственно, так оно и было минуты три назад. Но теперь он лежал рядом со стулом, негромко похрапывая и пуская слюни.

– Что с ним? – не понял Алексей.

– Устал, наверное, – предположил я. – И вообще, ваше высочество, этот отец Яков сразу показался мне каким-то странным. Ворвался, как оглашенный, галопом подлетел к столу и присосался к водке. Я и опомниться не успел, как он откушал три стакана. У вас тут что, так принято?

Царевич что-то промямлил, и я, сочтя вопрос с протопопом Яковом исчерпанным, пригласил гостя в свой кабинет.

– Государь велел мне попроситься в твою Австралию на учебу, – хмуро сообщил Алексей, садясь. Кстати, без приглашения. Ладно, мы тогда тоже обойдемся без церемоний.

– Чему равна восьмая степень двух?

– А...? – растерялся экзаменуемый.

– Я спрашиваю, сколько получится, если число два умножить само на себя восемь раз подряд. Нужно же мне знать, выучен ты хоть чему-то или тебя, как последнюю дубину, придется начинать учить с азов.

– Да как ты со мной разговариваешь!

– Как ты со мной, так и я с тобой. Хотя мы не ровня – ты, хоть и наследник, реальной властью не обладаешь вообще никакой и нигде, а я, герцог и первый министр, имею право говорить от лица его величества Ильи Первого, повелителя могущественной империи. Дружественной, между прочим, России, что придает моему положению здесь дополнительный вес. Уразумел? Вот и ладушки, тогда продолжим. Надеюсь, ты хорошо знаешь своего отца? Значит, должен понимать, что в наследнике Петр Алексеевич хочет видеть помощника себе, пока он жив, и продолжателя своего дела после кончины. И, получается, перед тобой всего три пути. Первый – это тот, что я описал, путь продолжателя отцовского дела, но ты уже отошел от него и постоянно удаляешься все дальше и дальше. Второй – упротить государя лишить тебя права наследовать престол, после чего жить тихо, не вмешиваясь в политику. Третий – исчезнуть, потому как не только царь считает тебя помехой в делах государственных, но и Александр Данилович относится к тебе ничуть не лучше. В таких условиях лично я не дал бы за твою жизнь и ломаного гроша, так что Австралия – это твой последний шанс. Вот там-то уж тебя никакой Меншиков не достанет, можешь быть уверен. Значит, имеешь два дня на раздумья, а потом я уезжаю. Если надумаешь, с собой можешь взять двоих. Но та пьянь, что валяется в гостиной, в их число не

входит, сразу предупреждаю. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать. Пойдем, провожу тебя до кареты.

Глава 10

До отъезда мы с Петром успели основательно побеседовать на тему государства и права. Разговор начался с того, что царь, узнав подробности визита своего наследника в нашу миссию, вознамерился повесить протопопу Яшку Игнатьева. Кроме того, Петру давно нравились некоторые слова австралийского языка, и теперь он хотел обязательно вставить в указ "дискредитацию".

Пришлось объяснить, что вот сейчас оно к ситуации ну никак не подходит. Как пьют некоторые представители русского духовенства, я и раньше знал, так что поведение недавнего визитера ничего к этому знанию не добавило. Опять же родился я не вчера, пожил немало и повидал всякого, поэтому в моих глазах никого так просто уже не дискредитируешь. Если покопаться в памяти, всегда можно будет найти пример гораздо худшего поведения.

В общем, мне удалось убедить Петра ограничиться ссылкой в монастырь. Глядишь, там Яшу малость ограничат в питии, что принесет несомненную пользу его изношенному организму.

А дальше мы от этого частного случая перешли к общим вопросам.

Петра сильно интересовало, как же австралийский император может править, когда в стране действует конституция? Ведь мешает же!

В ответ я объяснил, что, если монарху ничего не будет мешать, он обленится, деградирует, зазнается и так далее, каковое развитие событий тут же скажется на состоянии дел вверенного ему государства. Кроме того, в государстве есть масса дел, которыми императору заниматься действительно не нужно. Излишняя регламентация всего подряд практически всегда приводит к отрицательным результатам.

– Как это? Если людишкам не указать, так ведь каждый начнет делать по своему разумению!

– Вот именно! А задача императора – всего лишь обеспечить, чтобы это происходило в рамках им же установленных законов. Если он начнет издавать указы, как правильно строить дома, корабли и наматывать портянки, на серьезные вопросы времени ему уже не хватит.

– Это ладно, – отступил царь, хотя явно был не совсем согласен, – но вот представь себе, что в государстве завелся какой-то вредный человечек. Если в моем, то я, войдя в рассуждение его вредности, просто прикажу этого человечка повесить! А если в вашем? Собираешь доказательства, потом судить, да еще неизвестно, чем тот суд кончится! Ладно, против боярского произвола это, пожалуй, может быть и неплохо. Но царя-то зачем ограничивать? Да еще есть у вас какой-то... опять название забыл... кажется, мочильный по человеку. Этот-то зачем? Тем более что его выбирают.

– Уполномоченный по правам человека. Должность придумана специально, чтобы правящей верхушке жизнь медом не казалась. У нас император просто так своим указом не то что повесить, даже посадить никого не может. Во-первых, если такое вдруг понадобится, у него выбор всего из двух формулировок – либо "из соображений недопущения ослабления государственной безопасности", либо "в целях улучшения дизайна окружающей среды". А во-вторых, эту формулировку должен поддержать Малый Совет большинством не менее чем в семьдесят пять процентов голосов. Состоит же он из императора, первого министра, пастыря и того самого уполномоченного. То есть если в высшем эшелоне власти царит согласие, мнение уполномоченного по правам человека ни на что не влияет. Ну, а коли во власти раздраз, так и нечего ей своих подданных бессудно сажать или вешать.

Надо сказать, что тут мы с Ильей ничего не изобрели, а просто честно закрепили в конституции сложившуюся в будущем практику. Когда вроде бы человек обладает правами,

но в уголовном кодексе всегда есть пара-тройка статей, по которым можно смело сажать любого. Причем не обязательно в каждом отдельном государстве, тут уже всюду использовалось международное разделение труда.

Например, в Швеции любого нетрудно обвинить в сексуальных домогательствах, это такая национальная особенность их законодательства. Если подходить к ней с умом, то тут открываются немалые возможности.

Как-то раз один правдолюбец взял да и выложил в интернет компромат на американцев. Сделал он это из Англии, у которой как раз в это время были какие-то трения со Штатами. Наивный, он думал, что это обеспечит ему какую-то безопасность. Но не вспомнил, что со Швецией у Вашингтона отношения прекрасные! В результате борец за открытость информации и пискнуть не успел, как получил из Стокгольма обвинение в покушении на изнасилование плюс требование экстрадиции, которое Англия вынуждена будет выполнить. А вот головой думать надо, прежде чем публиковать компромат на серьезных людей!

В Российской же Федерации все обстоит куда проще. После недолгих правоприменительных поисков там выкристаллизовались две универсальных статьи – про наркотики и про оружие. Ибо подбросить полграмма героина или патрон от мелкашки – это такая мелочь, про которую не стоит и говорить, а человека после этого можно спокойно сажать. Правда, оружейная статья используется гораздо чаще из чисто экономических соображений. Доза наркоты – она ведь денег стоит, а патрон от "Макарова" – ничего. Если посмотреть статистику осуждений за двадцать первый век, то можно подумать, что чуть ли не половина населения России все свободное время где-то рыщет, с немалым трудом находит свой ржавый патрон и бережно его хранит всю оставшуюся жизнь, дожидаясь, пока за ним наконец-то придут.

Мне пришлось немного перенести дату отбытия из-за возникших было сложностей с организацией в Москве филиала нашего банка, но в дело вмешался Петр, и все быстро уладилось. Так что "Козлевич" двинулся вниз по Яузе в разгар золотой осени, которая через сто с небольшим лет будет так красочно воспета Пушкиным. Причем, вполне возможно, и в этой истории тоже, потому как в Москве уже год как обретался предок нашего великого поэта, молодой эфиоп Абрам Петрович Ганнибал. Я его лично видел и даже сфотографировал, чтобы оставить потомкам достоверный портрет этого незаурядного человека.

Петр запретил кому-либо сопровождать своего сына в Австралию, так что тот пустился в далекий путь в одиночестве и теперь тихонько плакал в выделенном ему закутке, громко именуемым каютой. Ничего, со временем, глядишь, и поймет, что быть живым австралийским студентом все-таки лучше, чем мертвым русским царевичем. А не поймет – и хрен с ним, в конце концов, его личное дело. Тем более что вряд ли он найдет в Австралии столь страшную жену, как та австрийская принцесса, на которой ему предстояло жениться через четыре года. Да и любовницу, которая тут же побежит закладывать своего милого царю Петру, в Ильинске днем с огнем не сыщешь. Потому что стучать она будет мне, а это совсем другое дело. Но, естественно, царевич ничего этого не знал и потому пребывал в меланхолии. Ничего, боцман на "Врунгеле" ее быстро разгонит, а пока пусть наследник чуток погорюет напоследок, осталось совсем недолго.

В Коломне мы заправились углем, после чего за трое суток добрались до Орла. Затем сутки с хвостиком на поезде, полчаса по прилично разросшемуся Таганрогу, и я снова оказался на борту своего корабля, флагмана австралийского флота "Капитан Врунгель". Теперь он стоял в одиночестве, "Молния" и "Катя" ушли сразу после разгрузки.

Пятнадцатого октября по европейскому календарю мой корабль продемонстрировал провожающим, что такое настоящий пароходный гудок, а затем неспешно вышел из залива и взял курс на юго-запад. Честно говоря, меня уже тянуло домой, к женам, детям и кенгуру со слонами, но путь "Врунгеля" пока лежал не в Австралию. Ибо я только что прочел очередное

письмо от Филиппа, где тот приглашал меня в гости, обещая, что приложит максимальные усилия для урегулирования остающихся до сих пор спорными моментов. Причем это было написано с таким чувством, что я всерьез забеспокоился. А вдруг он действительно решит всучить мне весь Балеарский архипелаг? Это при том, что на самом деле Австралии и один-то остров там был не нужен, в чем я полностью соглашался с Ильей. Более того, даже Себу совершенно не обязательно объявлять австралийской территорией! От испанцев требовалось всего лишь согласиться с присутствием там нашей администрации, ограниченного воинского контингента и вывести остров из-под правил колониальной торговли, вот и все.

В общем, я решил подстраховаться от излишней щедрости Филиппа и сел писать ответное письмо. Благо, в послании молодого короля содержался один довольно скользкий момент – герцога Алекса Романцева заверяли, что приложат все мыслимые усилия для обеспечения его безопасности как в пути, так и во время пребывания в Мадриде.

Вот к этому-то я и прицепился, доброжелательно сообщив, что объясняю подобные строки исключительно молодостью и неопытностью испанского короля, а также его похвальным обыкновением прислушиваться к советчикам. Кто же подсказал его величеству такое и, главное, зачем? Ибо всему миру известно, что австралийцы сами обеспечивают свою безопасность, и очень эффективно! Далее испанская сторона ставилась в известность, что "Врунгель" прибудет в Валенсию, а оттуда я с сопровождающими лицами кратчайшим путем отправлюсь в Мадрид. И если по дороге случатся какие-либо инциденты, то австралийская сторона в моем лице заранее заявляет, что предпримет все возможные меры по снижению количества лишних жертв среди мирного населения, но полностью исключить их не обещает. В конце письма был вставлен вольный перевод на испанский анекдота о носороге, у которого плохое зрение, но это не его проблемы.

Еще раз перечитав свое творение, я хмыкнул. Пожалуй, после прочтения такого документа у короля разыграется ретивое и он будет лучше торговаться за свои исконные владения.

Керченский пролив мой крейсер миновал утром следующих суток. Давно прошли те смутные времена, когда для преодоления этого водного рубежа нам приходилось стрелять из пушек и минометов, запускать матерящиеся и швыряющиеся гранатами беспилотники – в общем, вести себя суетливо. Сейчас "Врунгель", не сбавляя хода и время от времени оглашая пролив ревом гудка, шел по самой середине обозначенного бакенами фарватера, а на мачте антенны дальней связи, торчащей над угловой башней малой крепости, полоскался австралийский флаг. Вскоре ему составил компанию турецкий, поднятый над недавно достроенной крепостью Ени-Кале. Так и не померший к настоящему моменту Муртаза-паша демонстрировал, что он не зря получает ежемесячный скромный пенсион от Австралийской империи.

При взгляде на это благолепие меня посетила интересная мысль. Пусть, например, мне не удастся убедительно отбрезаться от приобретения острова или островов в Балеарском архипелаге. В таком случае не переуступить ли права на эти клочки земли туркам? После недавно и без всякого блеска закончившейся войны султан будет рад приобретению новых территорий, да еще находящихся в стратегически важном месте. Правда, удержать их в случае чего Турция не сможет, но это уже другой вопрос. А в качестве ответной любезности попросить визиря увеличить поставки рабочей силы на строительство канала. Добавив, что в случае отказа мы вынуждены будем завозить туда эфиопов.

Разумеется, подобное развитие событий вызовет определенное недовольство в окружении испанского короля. Так ведь и хрен с ним, в конце-то концов, с этим неудовольствием! Самого же монарха в силу особенностей характера будут интересовать не какие-то претензии его министров к нам, а здоровье еще не родившегося и даже, кажется, и не зачатого сына.

Кроме того, этакий финт ушами наверняка возмутит Францию. Не страшно, с нами у нее и так дипломатических отношений не было и нет, зато есть, и неплохие, с турками.

Возникнет дополнительная напряженность между Людовиком и султаном, что будет только на руку Австралии.

Когда керченский берег уже почти растаял на горизонте, ко мне явился боцман и, ухмыляясь, сообщил, что мою светлость почему-то хочет видеть недавно принятый юнга.

– Как по-твоему, получится из него моряк? – поинтересовался я.

– Сейчас – вряд ли, – последовал ответ. – Жизнь его еще не была, а по характеру он мямля и трус. Может, вы его к себе в денщики возьмете?

– Ладно, скажи, чтобы зашел минут через пятнадцать.

Алексей явился в адмиральскую каюту, сияя свежим фонарем под глазом, и с ходу начал жаловаться на злую судьбу в обличье боцмана и старшего матроса третьей палубы. Я внимательно слушал – а не проскользнет ли в его речах хоть тень угрозы – мол, я не кто-нибудь, а царевич, вот войду в силу... Но нет, настолько дураком он не был, что внушало определенный оптимизм.

– Значит, морским волком ты почему-то стать не хочешь? – прервал я наконец излияния юнги. – А зря, но – твое дело. В принципе ты мог бы плыть и пассажиром, однако это стоит денег. В каюте четвертого класса путь до Австралии обойдется в двести рублей без кормежки.

– Что такое каюта четвертого класса? – робко спросил Алексей.

– Это такие закутки в самом носу третьей палубы, ты их наверняка видел.

– Но там же вообще нет окон!

– С окнами – уже второй класс, восемьсот тридцать рублей. У тебя, разумеется, при себе нет таких денег? Могу дать в долг, но, извини, с процентами.

Спустя десять минут донельзя обрадованный царевич подписал бумагу, по сравнению с которой договор на потребительский кредит двадцать первого века показался бы не грабежом, а образцом истинно христианской щедрости к неимущим, и галопом помчался вниз за своими вещами. Что означало – и без того достаточно объемный список царственных должников Австралийской империи увеличился еще на одного принца. Правда, по сравнению с остальными его сумма смотрелась довольно бледно, но ведь и сам Алексей, мягко говоря, тоже не тянул на фигуру первой величины. Кроме того, в ближайшее время ему предстоит убедиться, что питание на "Врунгеле" тоже не так просто назвать дешевым.

В принципе кто-то может слегка удивиться – а что это Петр послал царевича в Австралию одного? Ведь в ту же Голландию русские отправлялись регулярно. Или он считал, что в Австралии нечему учиться?

Но лично для меня тут ничего удивительного не было, я прекрасно понимал соображения русского царя.

Ведь почти тому же самому можно научиться и в Донецке! Но оттуда большая часть сразу после учебы вернется в Россию. Разумеется, кого-то мы все-таки переманим, но их будет не очень много, так что к этому можно было относиться как к неизбежным издержкам, имеющимся в любом выгодном деле. Но сколько волонтеров, отправленных в Австралию, потом захотят возвращаться в Россию? И когда это будет? При том, что это не Европа. Из-за океана не то что никого не вытащить силой, туда и восточку-то можно послать только через австралийцев.

С царевичем же ситуация была обратной. После женитьбы Петра он потерял для нас ценность как наследник престола, ибо теперь рядом с русским царем сидела австралийская принцесса, а скоро появятся и их дети. Зато можно было наконец-то сплавить нелюбимого сына подальше, да еще под самым что ни на есть благовидным предлогом. Мол, ему первому и единственному среди русских оказана высокая честь – учиться за океаном! Там, говорят, сам император иногда читает лекции в университете.

А вообще-то, конечно, царя вполне устраивал вариант, при котором Алексею вовсе не захочется возвращаться.

У нас с Ильей еще не было определенного мнения по этому поводу. Но, когда оно появится, царевич наверняка его разделит, потому как сам же подписывал долговые бумаги. И в Ильинске ему расскажут, что австралийское законодательство в отношении несостоятельных должников хоть и либеральнее европейского, но совсем немного.

Глава 11

Перед выходом в Средиземное море мы ненадолго зашли на остров Андикитира. Стараниями почтенного Ицхака все, кто хоть сколько-нибудь интересовался вопросом, были уверены, что тут перевалочная база австралийской торговли с восточной Европой. На самом деле здесь можно было купить разве что хомяков, но зато на любой вкус и кошелек. Состоятельные люди имели возможность приобрести настоящих сирийских. Людям чуть победнее, тем, чей карман не позволял делать столь широких жестов, предлагались отобранные по расцветке и слегка подстриженные македонские. Наконец, вовсе уж нищие или жадные могли стать счастливыми обладателями крашенных валашских хомяков. Эти стоили ненамного дороже средней свиньи.

Разумеется, мне были совершенно не нужны никакие тварюшки из перечисленных, ибо стараниями Кикиури их и в Австралии имелось даже чуть более чем достаточно. Но зато требовалось обстоятельно побеседовать с господином Ицхаком Хамоном. Несмотря на всю его полезность, рации я ему не давал, потому как он часто бывал как в Керчи, так и в зоне строительства канала, где они имелись. Однако в восемнадцатом веке человечество еще не дошло до того, чтобы передавать деньги по радио, да и личная беседа во многих случаях оказывается результативней обмена депешами.

Первое, что мне сразу бросилось в глаза при встрече – купец или очень волнуется, или по крайней мере хочет это показать.

– Ваша светлость, – сразу начал он, – у меня совершенно ужасная новость!

– На сколько нолей после единицы?

– Это вы решите сами, а я не обижусь, даже если решите признать ее вовсе бесплатной. Вы только представьте себе – вас хотят убить!

– И чего же тут такого непредставимого? – удивился я. – Наоборот, мне даже было как-то не по себе, пока никто не хотел. Ну, а теперь, значит, все становится как у людей, и я жду от вас волнующих подробностей. Вам что подать к рассказу – чая, кофе, кваса или чего покрепче? Фанты, извините, нет, я давно не был в метрополии.

– Кофе, пожалуйста. Так вот, мой агент в Венеции недавно узнал...

Слушая купца, я помаленьку офигевал. Ведь приходилось мне лично бывать в той Венеции, она почти совсем не возвышается над уровнем моря! А в случае успеха их странных планов на ее месте вообще образуется океанская впадина, или я плохо знаю Илью.

Однако тут полет моей мысли споткнулся о то, что предполагаемые убийцы наверняка понимают это не хуже меня. И если уж замышляют столь черное деяние, то первым делом должны позаботиться, чтобы виноватым в нем оказался кто-то другой, причем из стана врагов или как минимум недоброжелателей. Но начать рассмотрение данной проблемы лучше в общем виде.

Итак, кому выгодно грохнуть первого министра Австралийской империи, но так, чтобы виноват в этом оказался кто-то еще?

Да почти всем, вскоре вынужден был признать я. Только Вильгельму и тому же дожу желательно, чтобы это прискорбное событие произошло до получения кредита Испанией, а Людовику с султаном – после. Правда, Филиппу пока моя смерть ни к чему, но в Испании наверняка найдутся влиятельные люди, которым она покажется манной небесной. Более того, император Иясу тяжело болеет и того гляди помрет, а что там будет при его наследнике, пока не очень понятно, так что и Эфиопию из рассмотрения исключать нельзя.

Теперь чуть сузим угол рассмотрения и представим себе, что виноватыми решено представить венецианцев. В этом случае дож из числа подозреваемых выпадает сразу, а

остальные...

Через пару минут раздумий я вынужден был признать, что всех остальных это в общем-то устроит. И, значит, надо попытаться поглубже разобраться в проблеме, для чего не помешает продлить стоянку у Андикитиры на несколько дней.

— У вас найдется кого послать в Тунис? — поинтересовался я у Ицхака. — Про остров Касос не спрашиваю, наверняка вы уже задействовали свои тамошние связи.

Как ранее упоминалось, Андикитира, вопреки распространенному мнению, не была перевалочной базой для операций почтенного Хамона. Эту роль выполняло пиратское гнездо местного масштаба, коим являлся остров Касос, расположенный километрах в трехстах юго-восточнее. Правда, без нашего вмешательства расцвет хватательной деятельности островитян пришелся на конец восемнадцатого века, после чего они были уничтожены почти под корень. Мы же решили чуть ускорить приближение этого самого расцвета. Ну, а что последует за ним, будет зависеть от поведения самих обитателей Касоса.

Ицхак заверил меня, что он уже озадачил свою агентуру на Касосе. Что касается Туниса, то письмо капитану Абдулле отправлено неделю назад, так что на днях его можно ждать у Андикитиры.

Вечером я связался с Ильей и обрисовал ему свое видение ситуации.

— Как у вас там с погодой? — поинтересовался император.

— Так себе, тут все же осень. Но "Врунгелю"-то средиземноморские штормы не помеха!

— Зато дирижаблю — еще какая. Ведь тебя возможно прибить только в Испании, причем в пути это будет сделать удобнее, чем в Мадриде. Но и там тоже не очень трудно, так что нечего тебе туда лезть.

— Я же обещал помочь королю в смысле выживания наследника!

— Что, прямо в столице? Пусть ищут дворец поближе к морю. В Севилье, например. Говорят, это прекрасный город, а река, на которой он стоит, судоходна даже для морских кораблей.

Галера Абдуллы появилась следующим утром, каковое событие означало, что он и без письма Ицхака только и ждал, когда же мы появимся в Средиземном море. Оно и понятно, ведь я обещал ему на обратном пути расплатиться за работу в период с первой встречи, а по результатам этой деятельности решить вопрос об авансе. Ицхак уже успел описать мне большую помощь, кою ему оказали тунисцы, причем в столь ярких красках, что у меня появился вопрос — сколько же они ему дали за столь комплиментарный отзыв.

Самое интересное, что капитан Аль Хабиб сразу после урегулирования финансовых вопросов тоже поделился подозрениями о том, что на меня, кажется, готовится покушение. Но его сведения были получены из Турции, так что вечером мне снова пришлось связываться с Ильей.

— Я так и думал, — тут же отступал император, — более того, подозреваю, что в ближайшее время ты получишь информацию о причастности к этому делу испанцев и Людовика. Меньше надо было Вильгельму лекарств дарить, вот что я тебе скажу.

— Думаешь, он?

— Ага. Сам посудите — если из нескольких подозреваемых алиби есть только у одного, причем самого умного, то это серьезный повод задуматься — с чего бы оно ему вдруг понадобилось? В отличие от остальных, не озаботившихся его приобретением. Но встречу с испанским королем все равно лучше проводить в Севилье.

Однако перед визитом в Испанию нам следовало заскочить еще и в Тунис, где обсудить вопрос о кредите лично с беем, Абдулла привез мне официальное приглашение. Но, когда мы удалились от Андикитиры километров на пятьдесят, произошла незапланированная встреча. Чуть в стороне от нашего курса обнаружилась лежащая в дрейфе небольшая посудинка типа фелюки, при виде "Врунгеля" поднявшая венецианский флаг и устремившаяся наперерез нашему крейсеру. Я тоже велел чуть повернуть и сбавить ход, так

что через полтора часа на борт австралийского флагмана поднялся человек, причем совершенно явно мне знакомый. Кажется, он был в свите дожа во время нашей с ним встречи.

– Сенатор Карло Рудзини, – представился гость. – Ваша светлость, позвольте принести вам самую искреннюю благодарность, ведь не так давно вы спасли мою жизнь, и многих наших моряков заодно.

"Как это меня угораздило?" – в некотором недоумении подумал я, но, естественно, ничего не сказал, ограничившись милостивым кивком и слегка поднятыми бровями – мол, ничего особенного, но вы продолжайте.

Выяснилось, что описываемое гостем событие имело место около полугода назад, когда по пути в Таганрог мы разогнали участников происходящего прямо по нашему курсу морского сражения. Появление австралийской эскадры заставило комбатантов шарахнуться в стороны, причем турки подвинулись на юг, а венецианцы – на север, что позволило им выйти из боя и оторваться от турецкой эскадры, а иначе их бы очень скоро перетопили. Сенатор, оказывается, участвовал в этом морском бою и теперь благодарил за своевременную помощь.

– На здоровье, мне не жалко, австралийцы вообще склонны к миролюбию, особенно когда это им ничем не мешает и ничего не стоит, – покивал я. – Но, наверное, у нашей неожиданной встречи есть и еще какая-то причина?

Разумеется, причина была. Сенатора интересовало – правильно ли он понял, что только лишь устройство власти Венецианской республики является причиной тому, что Австралия не желает видеть ее в своих союзниках?

Ответив, что в общем так оно и есть, я услышал осторожный вопрос – а как моя светлость отнесется к тому, что в ближайшее время власть в Венеции может смениться на куда более авторитарную? И не огорчит ли меня тот факт, что ее носителем будет не нынешний дож, а кто-то еще? Наконец, если все это устроит Австралийскую империю, окажет ли она финансовую и военную помощь новой власти, ибо без таковой эта власть может оказаться недостаточно прочной.

– Кто-то еще – это вы? – поинтересовался я, начихав на дипломатию. Собеседник скромно кивнул.

– Отправляйтесь на Мальту. Мы после визита в Тунис тоже зайдем туда, и вы получите ответ на свои вопросы.

Мда, подумал я, вечером придется снова связываться с Ильей. Потому как всякие выплаты уже исчерпали выделенный на этот визит лимит золота и камней, и перед обещанием каких-то новых сумм надо спрашивать разрешения у императора. Но почему сенатор не предостерегает, что меня кто-то хочет убить? Как-то даже непривычно, честное слово.

Надо заметить, что откровенно убогая скорость передачи информации в здешнем мире хоть иногда и вызывала у меня легкое раздражение, все же в общем была для нас довольно полезна. Вот как сейчас – я отправил радиogramму на Силли. Там ее оформят в виде запечатанного письма Филиппу и с быстроходной яхтой отправят в Бильбао. Через сутки письмо будет уже на испанской земле, но гонец доставит его королю самое раннее через три дня. Таким образом, как минимум четверо суток все, кому положено, будут в курсе подробностей моего грядущего визита, а остальные пока обойдутся старыми сведениями. В силу чего у меня появилось время по дороге в Севилью заскочить на Балеарский архипелаг и своими глазами посмотреть, на что похож остров Форментера, от приобретения коего Филиппу вроде бы в конце концов удастся меня отговорить. А вдруг мы с Ильей ошибаемся и это жемчужина Средиземноморья, в которую надо вцепляться всеми когтями, как мой кот Ньютон в печенку? Правда, по имеющимся картам такого впечатления не складывалось, но они особой детальностью и не отличались. Спутниковых же снимков данных мест у меня не было. Но даже по имеющимся картам было видно, что ни одной хоть сколько-нибудь

приличной закрытой бухты там нет. Правда, в северной части находилось аж целых две лагуны, и вот их-то следовало рассмотреть получше.

К Форментере "Врунгель" подошел во второй половине дня, но оставшихся дои сумерек трех часов мне вполне хватило. Мы быстро прошли вдоль южного побережья острова, потом свернули на север и оказались напротив тех самых лагун. М-да, подумал я, опуская бинокль. И это безобразие мне хотел всучить испанский король? С полукилометра видно, что вход в малую лагуну не только мелкий, "Врунгелю" там точно не пройти, так еще, судя по прибору на вроде бы ровных местах, весь в каких-то подводных камнях. Большая же вовсе соединяется с морем каким-то ручьем, в котором может застрять и надувная лодка. А сам остров хоть вроде и не гористый, но весь какой-то жеваный, приличного аэродрома тут точно не построишь. Правда, по дороге я видел несколько неплохих пляжей, но ведь мы посещаем Европу вовсе не с целью искупаться, с этим у нас и дома все в порядке. В общем, с теми же Силли – никакого сравнения, придется так и сказать испанскому королю. Сколько он хотел у нас занять – кажется, восемьсот тысяч? Ну, рублей четыреста я за этот остров, пожалуй, все-таки дам. Даже четыреста пятьдесят, не будем крохоборничать. Однако под остальные деньги Филипп пусть ищет более весомое обеспечение. Среди его приближенных найдется кому намекнуть, что искомое нетрудно будет найти на Филиппинах.

Покинув оказавшийся довольно неинтересным остров, наш крейсер не спеша двинулся на юго-восток. Не спеша – это потому, что я не хотел проходить через Гибралтар ночью, а за сутки мы туда от Форментеры все равно не успели бы. Тем более что по дороге можно было глянуть еще на один остров, Альборан, который тоже принадлежал Испании и был по крайней мере сравнительно удачно расположен. Однако при ближайшем рассмотрении он оказался вовсе ни к чему не пригоден, и мы прошли его, не задерживаясь. Всю ночь крейсер полз на шестиузловом ходу, а утром мы прошли Гибралтар, где из-за западного ветра было довольно оживленно, и повернули на северо-восток, к Севилье.

Честно скажу, река Гвадалкивир меня несколько разочаровала. В принципе ее можно было сравнить с Волгой, но не у Астрахани или даже Казани, а где-нибудь в районе Ярославля. Однако эхолот показывал восемнадцать-двадцать метров, и мы черепашым шагом двинулись вверх по течению.

По берегам наше появление вызвало нечто среднее между ажиотажем и паникой. То есть все плавающее стремилось как можно быстрее пристать к берегу, а там его команды присоединялись к черт знает откуда берущимся зевакам, глазеющим на огромный по местным меркам корабль, идущий без парусов, но в клубах черного дыма. Дикие люди, подумал я, мой катамаран, двигаясь по Оке, временами дымил почти так же, но никаких толп не появлялось даже в городках, сквозь которые мы проплывали.

Однако по мере продвижения вверх по течению река все сужалась, глубина тоже помаленьку падала. Вообще-то "Врунгель" имел осадку чуть более четырех метров, но я не собирался забиваться в такую щель, где мой корабль не сможет при необходимости развернуться. Потому как пятиться раком – это занятие, недостойное флагмана крейсерского флота великой империи с первым министром на борту.

Вскоре у меня появился коллега по рассматриванию красот окрестностей Севильи – на верхнюю палубу вылез наш пассажир второго класса, царевич Алексей.

– Вон как зажиточно люди живут, не то что у нас, – прокомментировал он увиденное. И это говорит официальный наследник престола! Где, спрашивается, вроде бы положенная ему государственная мудрость?

Решив немного расширить кругозор сына Петра, я возразил:

– И чего же хорошего ты тут видишь? Да, в России на наш катамаран особо не глазели. А почему? Да потому что люди делом были заняты! Осень, самая страда, мужики в поле, бездельников мало, толпиться по берегам некому. А тут? Да, одеты они вроде неплохо. Но раз посреди рабочего дня могут все бросить и сбежаться пялить глаза на проплывающий корабль, значит, никаких особых дел у них нет! То есть это в основном дармоеды. И чего же хорошего для страны, в которой их так много и они так хорошо одеты? Вот их король и

побирается по чужим людям, потому как со своих ничего не возьмешь.

Алексей задумался, а я направился в рубку – впереди река явно сужалась.

Не доходя до Севильи километров восемнадцати, "Врунгель" встал. Я велел разворачиваться носом к океану и становиться на якоря – небось их величества не развалятся от часа пути в карете, а нам дальше будет откровенно тесно.

Теперь оставалось ждать каких-либо представителей власти. Ну, а за время ожидания я еще раз-другой прикину, что и каким тоном буду говорить королю по поводу островов. Как в Средиземном, так и Филиппинском морях.

Глава 12

"Врунгель" не простоял на Гвадалквивире и суток, когда его борт почтил своим присутствием мой старый знакомый кардинал Портокарреро. И за обедом, который я дал в его честь, он сообщил:

– Их величества собираются прибыть в Севилью послезавтра. Мне поручено передать вам приглашение в замок Алькасар...

Тут кардинал чуть замешкался, но все же закончил:

– Однако я беру на себя смелость посоветовать вашей светлости найти причину, по которой подобный визит окажется затруднительным, и принять королевскую чету на борту вашего корабля. Например, неужели вы не можете почувствовать легкое недомогание?

– Не могу, – решительно ответил я. – Что же это будет за передовая австралийская медицина, которая в самый ответственный момент не сможет обеспечить здоровье первого министра? Да и вообще врать нехорошо, особенно когда правда все равно окажется эффективней любого вымысла. А она, эта самая правда, состоит в том, что диагностическая аппаратура, установленная в лазарете моего крейсера, стационарная, то есть к переноске не предназначенная. Так что я с нетерпением жду визита их величеств на борт "Капитана Врунгеля". И, кстати, из каких соображений вы пытались уговорить меня именно на такой вариант, если не секрет?

– Какой же секрет в том, что сейчас идет война, – вздохнул кардинал. – И противникам Испании наверняка окажется очень кстати покушение на вашу жизнь, тем более в преддверии тех договоренностей, которые могут быть достигнуты вами с его величеством.

– Спасибо за участие, мне тоже кажется, что именно сейчас изображать из себя мишень будет несколько неуместно. Ну, а замок – как вы его назвали, Алькатрас? Так вот, его можно будет посетить и попозже.

– Алькасар, – поправил меня святой отец.

– Тем более. В общем, я с нетерпением жду высоких гостей, так им и передайте.

Однако кардинала волновал еще один аспект, которым он не преминул со мной поделиться.

– Скорее всего вы об этом уже слышали, но считаю своим долгом напомнить еще раз. В Испании особа королевы считается священной, и ни один мужчина, кроме короля, не смеет к ней прикоснуться под страхом смертной казни.

Меня так и подмывало сказать, что я видел аж целых два портрета этой королевы, в силу чего, несмотря на ее молодость, прикасаться к ней меня и без всяких угроз совершенно не тянет. Но, разумеется, подобное пошло бы вразрез с этикетом, так что я просто успокоил дона Портокарреро:

– В корабельном лазарете работают две девушки, и все прямые контакты с пациенткой будут осуществлять именно они. Главврач, правда, мужчина, но он обойдется и без ощупывания ее величества. Если хотите, я могу показать вам нашу корабельную медсанчасть.

Кардинал был не против, так что вскоре имел возможность лицезреть здоровенный рентгеновский аппарат, который был собран уже в восемнадцатом веке, чуть уступающую ему в размерах ВЧ-установку и прочие достижения австралийской медтехники. Впрочем, в

основном его интересовали не они, и по выходу он задал волнующий его вопрос:

– Скажите, а ваш лекарь... извините, у австралийцев иногда бывают очень трудные для запоминания имена... он не слишком молод?

– Что вы, это отличный специалист, да и я буду рядом и всегда смогу оказать консультативную помощь. Ну, а насчет его фамилии – это кому как. Мне, например, она сразу врезалась в память.

Действительно, фамилия была не только хорошо запоминающейся, но и имела довольно любопытную историю.

Семь лет назад мы завезли на Герцогский остров тутового шелкопряда, кусты тутовника и человек шестьдесят китайцев. Старшим среди них был пожилой крестьянин по имени Ван, в принципе неплохой руководитель, но слишком уж мягкий и малоинициативный. Так что вскоре губернатором острова стал выходец из России Кузьма Обьедков, с которым туда прибыло еще несколько русских, а Ван стал его заместителем. Китайцев новый начальник вполне устроил, остров помаленьку процветал, Кузьма, помимо огородов, развел там еще и пчел. Кроме того, он следил, чтобы его подопечные учили австралийский язык сами и, главное, не мешали образованию своих детей. В частности, старший сын Вана, Линь, обнаружил неплохие способности и, экстерном окончив начальную школу, был принят на медицинский факультет Ильинского университета.

Правда, когда дошло до переписи населения, губернатор оказался в некотором затруднении. Дело в том, что Ван – это был первый слог имени его помощника. Второй звучал как Сунь, но третий оказался крайне неприличным, считай его хоть русским, хоть австралийским словом. Однако унтерштурмпастьер отец Теодор, бывший дьякон Федька Задорожный из Зарываевки под Старым Осколом, нашел выход из положения. Он просто подобрал вызвавшему смущение Кузьмы слову чуть более прилично звучащий синоним и в таком виде внес фамилию в переписной лист.

Вот так получилось, что медсанчастью "Врунгеля" заведовал лейтенант медицинской службы Линь Ванович Суньелдугев.

Филипп все-таки немного опоздал и явился только утром четвертого дня. Сначала к нам подошла лодка с каким-то церемониймейстером, который сообщил, что ровно в полдень его величество... (далее он минут пятнадцать бубнил титулы) осчастливит своим присутствием сей корабль. Я тоже не ударил в грязь лицом и почти столь же пространно объяснил, сколь счастлив приближению этого события, после чего показал, куда швартоваться королевским лодкам.

На корме вторая палуба образовывала нечто вроде открытого балкона, специально предназначенного для приема гостей, которым в остальных местах корабля нечего делать. Попасть в этот загончик можно было только через бронированную дверь или через люк с верхней палубы. Я сильно подозревал, что король явится со свитой, так пусть она постоит тут, пока мы будем беседовать с их величествами. Для самых пожилых или знатных, это уж нехай они разбираются сами, было выставлено пять раскладных парусиновых стульчиков.

Король еще раз опоздал, то есть явился не в двенадцать, а в два. Но, учитывая, что он все-таки был с дамой, я счел это простительным. Венценосную чету сопровождал кардинал Портокарреро – кажется, он являлся их духовником. Кроме него, с королем приплыло человек двадцать сопровождающих обоих полов и всех возрастов, но эти были оставлены в загоне на корме.

Вживую королева выглядела даже немного страшнее, чем на портретах. В частности, там кожа была нарисована сравнительно ровной, а тут вся мордашка бедной девочки была покрыта какими-то тщательно запудренными прыщами и пятнами. Сколько ей лет, вроде совсем недавно стукнуло восемнадцать? А уже два раза рожала, да еще при своем явно рахитичном телосложении. Это еще удивительно, что у нее в той истории померли не все дети. Впрочем, сама она там дожила всего лишь до двадцати пяти лет.

– Представляю вам мою супругу, ее величество Марию Луизу! – торжественно

провозгласил король, только зайдя в адмиральскую каюту.

– Очень, очень приятно, – кивнул я. – Мария, вы предпочитаете сразу пройти на обследование или сначала пообедаете?

Королева покраснела и растерянно оглянулась на своего супруга. Тот что-то шепнул ей на ухо и заявил:

– Ее величество оставляет это на ваше усмотрение, но ставит в известность, что она не голодна.

– Тогда девушки проводят вас в медсанчасть, это рядом, а мы с его величеством пока побеседуем.

Вот тут я малость лопухнулся, ибо никакой беседы не получилось. Король сидел как на иголках, отвечал невпопад и вообще явно мыслями был не в адмиральской каюте, а в неведомой ему медсанчасти. Так что полтора часа прошли впустую, а потом девушки вернули нам совсем красную и глупо улыбающуюся Марию Луизу. Я вышел, чтобы послушать, что у нее нашли.

– Пациентка беременна, срок около четырех недель, – отрапортовал мне лейтенант Линь. – Кроме того, имеются остаточные явления от перенесенного в детстве рахита. Наличествует некоторая общая истощенность организма. Наконец, обнаружены хоть и слабые, но явственные признаки свинцового отравления.

– Спасибо, – кивнул я и вернулся в каюту. Там уже вовсю разыгрывалось что-то вроде сцены из бразильского сериала, то есть Мария плакала на груди у Филиппа, а кардинал громко и заунывно вещал по-латыни.

– Поздравляю вас, ваши величества, – сделал я попытку привлечь внимание к своей особе, но безуспешно. Пришлось прибегнуть к нагнетанию обстановки:

– Имеется в виду не только скорое рождение наследника, но и то, что вы вовремя обратились за медицинской помощью. Отравление свинцом еще не перешло в неизлечимую фазу, как это было с несчастным Карлосом Вторым.

– Что? – оторвалась от мужа королева.

– Вот именно то самое, что я сказал. Тебя, девочка, травят свинцом, как и предыдущего короля.

Царственная чета была настолько потрясена моими словами, что не обратила никакого внимания на явное и даже вопиющее нарушение этикета. Так что я подробно рассказал гостям о симптомах и клинической картине упомянутого отравления, в конце слегка утешив:

– Не утверждаю, что королеву травят умышленно. Это может быть от свинцовых труб водопровода, посуды на кухне или, например, содержащих свинец красках на ваших сервизах. Однако возвращаться в Мадрид я вам, Маша-Лиза, категорически не советую. По крайней мере до рождения ребенка поживите здесь, в Севилье, бригада для исследования здешнего замка, его кухни и прочего будет отправлена сегодня. В это же время завтра жду на процедуры, а пока позвольте проводить вас до трапа.

Чуть подумав, я обратился уже к Филиппу:

– Понимаю, что сейчас вам не до каких-то там островов и кредитов, но все же надеюсь обсудить это завтра.

Когда королевская чета уже спускалась с борта "Врунгеля", а свита еще толпилась на балкончике, я повернулся к двери – этих и без меня проводят. И тут бабахнул выстрел, меня как кувалдой ударило под левую лопатку, и я, не удержавшись на ногах, грохнулся на доски из железного дерева.

Первая мысль была – "эх, хорошая это штука – бронежилет!". Тут я попытался облегченно вздохнуть, но охнул и зашипел от боли в боку. Кажется, сломано ребро, и хорошо, если всего одно. То есть бронежилет-то он, конечно, бронежилетом, но ведь собирался же надеть под него толстый свитер! Решил, что будет жарко, вот теперь и разбирайся, сколько ребер сломалось.

За моей спиной быстро усиливался шум – слышались удары, чей-то придушенный визг, потом какие-то шлепки – арауканы личной охраны вязали всех гостей на балкончике, не

разбираясь, кто виноват, а кто просто стоял рядом. Все правильно, корабль является австралийской территорией, и, значит, степень вины или невинности каждого может установить только суд. Или, в порядке исключения, человек, имеющий право говорить от имени императора, то есть я.

Тем временем Филипп, привлеченный стрельбой и шумом, вновь появился на палубе.

– Этого не трогать! – крикнул я охране и снова согнулся от боли в боку. По подбородку что-то текло. Я мазнул рукой – кровь. Неужели осколки ребра проткнули легкое? Сплюнул – чисто. Значит, просто расквасил нос при падении, он тоже болит, хоть и не так сильно. Однако ну и видок же у меня, небось...

Судя по перекошенному лицу Филиппа, он был с этим полностью согласен. Я мельком глянул на себя – все в порядке, лежу в красивой позе, под головой растекается аккуратная лужица крови, прямо даже не к чему придраться. Так что королю было слабым голосом сказано:

– Ваше величество, по не зависящим от меня обстоятельствам наша завтрашняя встреча откладывается. Когда она станет возможна, вас известят. Если же мне придется покинуть этот свет, то тоже известят, но не устно и не письменно, а в более весомой форме. Вас я более не задерживаю, все прочие останутся здесь.

– И кардинал? – пискнул король.

Я осторожно поднял голову и осмотрелся. Точно, вот он лежит, как все – то есть носом в доски, руки и ноги связаны, в спину уперт ствол.

– Этого развязать и поставить на ноги, – распорядился я и уточнил для Филиппа:

– Если вы не против, святой отец тоже немного погостит на "Врунгеле", но обещаю, что с ним побеседуют в первую очередь и по возможности вежливо.

Около часа вся корабельная медицина занималась моим здоровьем. Рентген показал, что сломано одно ребро, но в двух местах, еще одно треснуло. Кровь из носа остановилась сама собой. Меня перетянули эластичным бинтом так, что я еле дышал, прописали полный покой и отпустили.

Приковыляв в свою каюту, я вызвал туда старшего особой группы, то есть выпускников школы имени Штирлица, которая готовила не только разведчиков, но и борцов с таковыми от противника.

– Вот, посмотрите, из чего в вас стреляли, – он протянул мне большой двустольный пистолет. – Обратите внимание на механизм воспламенения – он капсюльный. В нижнем стволе заряд сохранился, мы его извлекли. Вот пуля – она, как нетрудно заметить, сделана по образцу наших жаканов, серийно такие изготавливаются только в Англии. Капсюль заряжен смесью хлората калия и красного фосфора. Порох тоже хлоратный. Опять же такой делают только в Англии, малыми партиями и исключительно в Винзорском замке.

И когда же он снова взорвется, мрачно подумал я, продолжая слушать докладчика.

– Стрелявший – это дон Мануэль (тут докладчик заглянул в бумажку) Менендес де Авилес. Во всяком случае, так его единодушно называют все пятеро допрошенных на данный момент. Сам он разговаривать отказывается. Интенсивные меры пока не применялись, так как вы в сознании и, значит, надо ждать вашего разрешения.

– Все правильно, я вам его даю. А еще что-нибудь про этого дона его спутники сказали?

– Старичок, это который маркиз де Фигероа, говорит, что он был введен в свиту короля по протекции графа Оропеса. Учитывая, чьим клиентом является граф, а также тот факт, что хлорат калия, кроме нас, есть только у англичан, считаю заказчиками покушения именно их.

Все правильно, подумал я, отпустив особиста, но только в Англии живет много народу. Например, там есть некто, пока еще не герцог, а всего лишь граф Мальборо. С королем он в весьма натянутых отношениях, но его жена – ближайшая подруга Анны Стюарт, сестры покойной жены Вильгельма и наследницы английского трона. В таких условиях этому Черчиллю, хоть он и не Уинстон, а Джон, может оказаться очень выгодной моя смерть. Под шумок можно будет одержать пару громких побед, а виноватым австралийцы посчитают

Вильгельма, который после этого вряд ли будет ставить рекорды долголетия.

Стоп, напомнил я себе, ведь бертолетова соль, выкопанная англичанами на острове Махорий, вся пошла в Адмиралтейство, армии не досталось ничего. А связей в морском ведомстве у Черчилля нет. Получается, Вильгельм? Похоже, что так оно и есть. Взвесил, значит, вред и пользу, которую я приношу его стране, и принял решение. Пожалуй, нужно все-таки доковылять до радиорубки и лично связаться с посольством в Лондоне.

Я глянул в иллюминатор – погода портилась прямо на глазах. Того и гляди разыграется шторм, но нам-то что? Мы стоим в не такой уж широкой реке, да еще в неплохо защищенном от северного ветра месте.

Отец Юрий, услышав о покушении, сообщил мне, что где-то примерно с месяц назад господин Мосли подозрительно часто посещал Виндзорский замок, а затем исчез на десять дней. Есть и еще одна новость – король уже неделю болеет. Вообще-то у него каждую осень обострялась астма, начинались простуды, и он обращался за помощью к отцу Юрию. Теперь же наш посол спрашивал, как ему вести себя в сложившихся обстоятельствах.

– Как будто ничего не случилось, – отстучал я.

– Аспирин еще есть, но пенициллина всего две дозы, а я сильно подозреваю, что у короля воспаление легких, – последовал ответ. – Есть ли антибиотики на "Врунгеле"?

– Есть, но начинается шторм, и я запрещаю рисковать посыльной яхтой. Если Вильгельм доживет до улучшения погоды, высылайте гонца, а если нет – ну, значит, не судьба.

Я выключил рацию и под свист и завывание все усиливающегося ветра потихоньку отправился в свою каюту. Там мне предстояло наконец-то принять рекомендованное медициной горизонтальное положение, а то бок что-то совсем разболелся. Ну, а заодно в преддверии грядущей беседы с Филиппом освежить в памяти многократно читанный рассказ "Шерлок Холмс при смерти".

Глава 13

Король Испании отодвинул пустую австралийскую тарелку и с улыбкой глянул на королеву. Боже, как она похорошела за те десять дней, что каждое утро посещает "Врунгель" и принимает там какие-то таинственные... как же они называются... да, процедуры. Хотя обычно в начале беременности бывает наоборот. Но в Австралии медицина достигла невиданных высот, в этом король имел возможность убедиться лично. Отпущенные с австралийского крейсера свидетели покушения как один утверждали, что пуля попала герцогу Алексу точно в сердце! Что неудивительно, ибо этот негодяй, дон Менендес, имел заслуженную славу отличного стрелка. А герцог живехонек! Правда, когда через три дня после рокового выстрела король посетил борт "Капитана Врунгеля", герцог выглядел ужасно. Однако он не только нашел в себе силы для краткой беседы, но и не забыл о своем обещании отправить специалистов для обследования здешнего замка, а также подарил австралийский сервиз, есть с которого можно спокойно, не боясь отравления. Шесть белых гибких тарелок из необычайно легкого материала и две кружки, похожие на фарфоровые, но тоже легкие и очень прочные. На них были изображены какие-то австралийские животные. Мария выбрала себе ту, где красовался довольно милый зверек с большими ушами. Кардинал предположил, что это, скорее всего, горный чебуратор, после ледяной птицы самый страшный хищник австралийской метрополии, но королеву это не испугало. Она вообще проявила недюжинную силу духа во всей этой неприятной истории.

Когда лодка с королевской четой пристала к берегу, вся свита единодушно советовала королю немедленно покинуть это место. И уехать даже не в Севилью, которая скорее всего находится в зоне досягаемости австралийских ракет, а вообще в Мадрид. Однако пойти на столь явную демонстрацию трусости король не мог. Он даже поначалу распорядился ставить шатер на берегу, прямо напротив грозного австралийского корабля, но разыгравшаяся непогода заставила искать другое место для временной резиденции. Оно нашлось в доме

небогатого местного дворянина, ошалевшего от чести принимать у себя короля, примерно в полулиге верх по течению от места стоянки крейсера. Филипп хотел отправить жену в Севилью, но она твердо ответила, что поедет туда только с ним.

На следующее после покушения утро кормовая башня австралийского корабля вдруг зашевелилась и повернулась точно в сторону дома, где остановился король. Пушки подвигались вверх-вниз и уставились своими черными зрачками прямо в окна, это было отлично видно даже в не очень сильную подзорную трубу. Господи, как всполошилась свита! У половины тут же нашлись какие-то неотложные причины, в силу которых они немедленно исчезли. И хорошо, усмехнулся Филипп. Как там потом сказал герцог? "Да и хрен с ними, засранцами, воздух портить не будут!". Не очень понятно в деталях, но смысл ясен, да и в доме действительно стало гораздо просторнее.

Однако король и тут никуда, естественно, не уехал, хотя слухи про ужасающую мощь австралийского оружия ходили по всему Средиземноморью, и вряд ли они были так уж преувеличены. И королева снова отказалась расстаться со своим мужем, хоть ей наверняка было не менее жутко, чем сбежавшим, постоянно видеть направленные на нее грозные стволы мощных пушек крейсера.

Но, слава всевышнему, все, кажется, кончится хорошо. Герцог уже пошел на поправку. Причем он не пытался из-за покушения ужесточать свои условия, а, наоборот, стал даже немного уступчивей. В частности, Филиппу удалось убедить его не претендовать на весь Балеарский архипелаг, ограничившись Форментерой. Пусть взамен пришлось пообещать еще три острова на Филиппинах, и это кроме Себу, но кому они там, на краю земли, вообще нужны! Уж точно не ему, Филиппу Пятому. Который понимает, что австралийцы прекрасно могут отобрать их и просто так, в порядке компенсации за пулю в спину своему первому министру.

Король Франции имел все основания считать, что задуманная им комбинация развивается даже несколько успешнее, чем предполагалось. До чего же кстати случилось это покушение в Севилье! И к тому же неудачное, что ценно, ибо произошло оно до вручения испанцам первого взноса займа. Но герцог Алекс остался жив и сразу после достижения принципиальных договоренностей об обеспечении открыл Филиппу кредит, благодаря чему французской казне в этом году удастся как-то свести концы с концами.

Англичане же в этой истории наследили просто замечательно. Даже такой не очень умный человек, как заокеанский герцог, быстро разберется, кто направлял руку неудачливого стрелка. Ему, Людовику, это было ясно сразу, ну, а австралийцу, естественно, потребуется некоторое время, но результат уже предопределен. Им явится охлаждение отношений между Австралией и Англией. Если же Вильгельм, что весьма вероятно, не переживет подобного, на трон сядет сестра его покойной жены, Анна. Которая сама из себя ничего не представляет, и, значит, за нее будут править те, кто сможет убедить новую королеву слушать их советы. Наиболее вероятный претендент на место главного советника – граф Мальборо, и это отлично, что бы там не говорили. Ибо он, как ни прискорбно это признать, действительно великий полководец. Но из ныне живущих только он, Людовик, сочетает в себе величие сразу во многих областях. А граф как государственный деятель является полной посредственностью, если не хуже. И, значит, Англию постигнет сразу два удара. Она лишится лучшего своего полководца, ибо он не усидит на материке, когда в Лондоне начнутся перемены.

И еще в Лондоне появится никуда не годный советник при монархе.

Король Англии и Шотландии Вильгельм Третий умирал, это было ясно уже всем. Двенадцатого ноября ему стало совсем плохо, он причастился и исповедовался. Однако на следующий день произошло небольшое улучшение состояния, и он, несмотря на неудовольствие окружающих его царедворцев, потребовал пригласить к себе австралийского посла для беседы наедине. Тот явился, как всегда невозмутимый.

Вильгельм чуть приподнял голову над подушкой. Да, время властно и над австралийцами. Отец Юрий всегда был маленьким и тощим, а сейчас еще больше сморщился и, кажется, начал сесть. Но зато в петлицах его рясы сверкают серебряные ромбы, что соответствует чину бригаденпастыря, примерно равного европейскому кардиналу.

– Слушаю, ваше величество, – чуть наклонил голову австралийский священнослужитель, дипломат и разведчик.

– Похоже, сейчас мне не поможет даже ваша медицина, – еле слышно предположил король.

Отец Юрий кивнул.

– В таком случае я хотел бы исповедоваться еще и по вашему обряду, но не знаю...

– Согласно распоряжению за номером девять це дробь восемьсот семьдесят один, священнослужители в чинах от штурмбанпастыря и выше могут осуществлять таинство исповеди в произвольной форме. Так что просто рассказывайте, как вам удобнее, и все. Я могу вам помочь, если хотите. Вы ведь собирались пролить свет на покушение в Севилье?

Вильгельм опустил веки.

– Мы уже все знаем. Более того, недавно пришло сообщение от герцога Романцева – он вас простил.

– Благородный человек, – слабо усмехнулся король, – но я хотел вам сказать не только это. На пороге смерти, знаете, появляется какая-то удивительная ясность мысли. Понимаешь вещи, о которых до того не задумывался, и с удивлением приходишь к парадоксальным выводам... Нет никакой Австралийской империи! Есть просто маленькая кучка авантюристов, каким-то образом овладевших непонятными знаниями – возможно, доставшимися им от давно исчезнувших народов.

– Вы почти правы, ваше величество, но все же допускаете небольшую ошибку. Вам следовало употребить не настоящее, а прошедшее время, тогда все получилось бы точно. И что, мало ли где чего было или не было? Пусть над этим ломают головы будущие историки, а в Австралии не так уж мало людей занимается подготовкой материалов для этих грядущих споров. Но сейчас-то великая и могучая Австралийская империя есть! И будет продолжать расти и крепнуть, в этом уже нет никаких сомнений. К ее появлению приложили руку многие незаурядные люди, в том числе и вы лично. Специальной депешей император оценил ваш личный вклад в становление империи как выдающийся, поэтому...

Отец Юрий вытянулся и торжественным голосом произнес:

– В знак подтверждения ваших заслуг – возьмите!

С этими словами он протянул Вильгельму небольшой, примерно два на три дюйма, прямоугольник из материала, который австралийцы называли "пластик". Но главным был не материал, а изображение. Оно казалось объемным, а в зависимости от угла зрения меняло не только цвет, но и некоторые детали. Как человеческие руки могли изготовить такое, подумал Вильгельм, боясь поверить внезапно мелькнувшей безумной догадке.

– Да, вы правы, – подтвердил отец Юрий. – Это пропуск.

Он поднял голову и указал пальцем в потолок.

– Если на вратах будет дежурить святой Фомен, то по этому знаку он сразу определит вас на достойный уровень. Если же святой Петр, то это может занять некоторое время, но и только. Не волнуйтесь – все, что надо, наверху давно схвачено. До встречи там, сын мой! Надеюсь, вы простите мне мою надежду, что она все-таки получится не очень скорой.

С этими словами бригаденпастырь повернулся и вышел из комнаты умирающего. Прошел мимо шарахнувшихся в стороны придворных, толпившихся перед дверью, спустился по лестнице, но свернул не к выходу, а в боковой коридор. В самом его конце одиноко стоял королевский камердинер Натаниэль Мосли. Его обычная невозмутимость куда-то делась, и теперь перед отцом Юрием был просто глубоко несчастный пожилой человек.

– Примите мои соболезнования, – сказал дипломат. – Королю осталось жить самое большее три часа. Он был великим государственным деятелем, и сейчас мы с вами

проводим целую эпоху. В той, что последует за ней, к величайшему моему сожалению, скорее всего не найдется места для созданной вами великолепной службы, у которой я многому научился. Но она будет не нужна новым властителям Англии, вы это понимаете даже лучше меня. Однако я не зря употребил оборот "скорее всего". Есть вариант, при котором ваше детище не только не умрет, но и будет набираться сил, неустанно трудясь на благо Англии. Этот вариант – ваше согласие принять австралийскую помощь. Да, скажу честно, в таком случае в работе вашей службы появятся некоторые... э... нюансы. Но зато она выживет и окрепнет! Подумайте над этим, господин Мосли, время у вас еще есть, хоть его и не очень много.

Глава 14

Вечером того дня, когда в меня стреляли, я перед сном в порядке самолечения мысленно представил себя на страницах произведений Конан-Дойля. Все равно бок болел так, что заснуть было проблематично, вот я и дал волю фантазии.

В общем, мне самим собой были поставлены следующие условия. Предположим, я хочу кого-нибудь прибить... нет, пожалуй, все-таки лучше будет что-нибудь украсть. И с моральной точки зрения лучше, и с финансовой. Но я же не где-нибудь, а на страницах "Рассказов о Шерлоке Холмсе"! Который, естественно, сразу после осуществления моих планов может заинтересоваться, чьи это шаловливые ручки вдруг хапнули столь нагло и так много. Каким образом можно хоть немного затруднить работу этому гению сыска? Разумеется, заранее сочинять себе алиби, а потом бежать с ним наперевес и орать "мистер Холмс, вы только гляньте, какое оно у меня безупречное!" глупо. От этого он разве что быстрее обратит на меня внимание и задумается – да на кой же хрен этот тип им заранее обзавелся и не применить ли тут метод дедукции?

Но именно исходя из выдающихся способностей лица, ведущего расследование, можно попытаться попробовать противоположный способ – вместо алиби приготовить доказательства своей вины. Причем сразу много и как можно более развесистых. Ну типа что-то вроде паспорта или на худой конец визитки, потерянных во время кражи. Потом обеспечить пару свидетелей, кои расскажут, что последнее время я был какой-то не такой и явно о чем-то думал. Еще не помешает разлить на месте преступления ведро краски и перемазаться в ней, да мало до чего может дойти пытливая мысль, если указать ей именно это направление.

Холмс, только глянув на этот ушат потрясающих по своей идиотской бесспорности доказательств, первым делом прикинет – а кому это так приспичило столь активно топить милейшего Алекса? Уж не тому ли, кто на самом деле спер это самое? И, значит, в таком случае круг подозреваемых сильно сузится, ибо виноватого надо будет искать среди недоброжелателей сэра Романцева.

Примерно с таким мыслями я смотрел на пистолет, из которого мне недавно шандарахнули по ребрам. Потом забылся и попробовал тяжело вздохнуть, но, во-первых, этого не дала повязка. А во-вторых, бок так дернуло болью, что я даже прошипел что-то вроде "у-уу, гад!". Естественно, имея в виду типа, который днем нажимал на спусковой крючок. И чьи истошные вопли иногда доносились сквозь приоткрытый иллюминатор. С гадом сейчас при помощи двух араукан беседовал дознаватель из особой группы, и меня утешало, что стрелок наверняка испытывает примерно те же ощущения, что и я, только заметно более интенсивные. Разумеется, допрос можно было проводить и в помещении с лучшей звукоизоляцией, но этого не делалось специально. Пусть остальные, те, что ждут своей очереди поделиться впечатлениями на кормовом балконе, тоже послушают, авось это им поможет лучше сориентироваться в обстановке.

Переждав приступ боли, я снова обратил свое внимание на пистолет. Его будто специально делали для того, чтобы он каждой деталью вопил – это Вильгельм! Стоп, а тут еще что такое?

Взяв лупу, я получше разглядел миниатюрное клеймо. Ну точно, нате вам паспорт, потерянный на самом видном месте и заботливо раскрытый на нужной странице. Уж что-что, а значок оружейных мастерских Английской Ост-Индской компании я знал хорошо. И вот он, пожалуйста – почти как настоящий! Что-то вроде сердечка с хвостиком, перечеркнутого косым крестом. И маленький такой, совсем незаметный намек – буква "V" образована не прямыми, как положено, а чуть вогнутыми линиями! Наверняка потом окажется, что так ее чаще пишут французы.

Попробуем подвести первые итоги. Пистолет капсюльный, что указывает не просто на Англию, а конкретно на лабораторию в Виндзорском замке. Хлоратный порох, который делается там же и больше пока нигде. Наконец, клеймо. Мало? Наверняка по результатам допроса стрелка появится еще что-нибудь, причем столь же убойное.

А теперь поставим себя на место Вильгельма и его верного помощника господина Мосли.

Итак, требуется небольшое, но мощное оружие. Небольшим оно должно быть по условиям скрытности, ну, а с мощностью и без особых раздумий все понятно. Мало ли, вдруг герцог под рубашкой носит кольчугу? Элли им, кстати, как-то раз говорила именно про это. Кроме того, выстрел должен следовать за нажатием на спусковой крючок почти мгновенно, иначе есть риск, что или герцог сможет уклониться, или среагирует его охрана.

Стандартные решения, то есть давно применяющиеся в оружейном деле, тут не годятся. Ведь черному пороху для быстрого сгорания нужно немалое давление, без которого он не взрывается, а просто задумчиво пыхает. И в коротком стволе это давление просто не успеет развиться, а длинный трудно спрятать и еще труднее быстро выхватить. Но хлоратный порох лишен данного недостатка! Кроме того, он почти в два раза мощнее классического черного, что позволит еще уменьшить габариты оружия. Для мгновенного же производства выстрела очень подходит капсюльное воспламенение.

Вот тут Вильгельму с его камердинером самое время задуматься – а что будет, если вдруг этот пистолет попадет в руки тех, кто начнет расследовать покушение на герцога? Должны же они допускать, что стрелявшему не удастся скрыться или просто утопить оружие, что, между прочим, он пытался сделать. Но не очень удачно – от выстрела одна из дам свиты с визгом шарахнулась в сторону и получила летящим пистолетом по пятой точке. Я, кстати, уже обратил внимание – зад действительно выдающихся габаритов, да еще и пышное платье... в общем, тетя перекрыла метателю практически весь сектор.

Так вот, англичане просто обязаны были предусмотреть и подобное развитие событий. Как быть? Да очень просто – добавить к тем доказательствам, которые вынужденно содержит орудие покушения, еще несколько, причем как можно более вопиющих. Например, жаканоподобная пуля. Такие делают только в Англии, но как раз при стрельбе в упор она абсолютно не нужна! Значит, в ствол ее, и во второй такую же. И клеймо выбить, но с каким-нибудь очень малозаметным отклонением от стандарта. Тогда, если расследование будет проводить умный человек, а у австралийцев именно так и произойдет, он задумается – да кто же это так упорно катит бочку на чистейшего душой Вильгельма Оранского? Если же за дело возьмется дурак, то все равно он сочтет виновным того, кто ему меньше в данный момент нравится, независимо ни от каких доказательств.

Через день мне стало заметно лучше, а Вильгельму, судя по радиограмме, существенно хуже. Но непогода еще продолжалась и в Испании, и на Силли, так что я просто подтвердил запрет на выход в море посыльной яхты и напомнил отцу Юрию, что пора прикинуть, как конкретно проводить операцию "пропуск".

В числе барахла, взятого в прошлое, имелись две голографических визитки, да не простых, а со светодиодной подсветкой от пары сверхтонких батареек. Их, правда, я захватил десятка два. Так вот, в неактивном состоянии карточки выглядели довольно бледно, но стоило взяться за любой из четырех углов, как картинка с цветочками оживала, приобретала объем, а заголовок "Экспоцентр – рай для садовода" начинал переливаться

всеми цветами радуги. Кроме того, появлялись совсем мелкие надписи с какими-то датами и номерами павильонов, в обычном состоянии не просматривающиеся. Продолжалось это около минуты, после чего карточка засыпала до следующего взятия за угол. Когда я их только купил, комплекта батареек хватало на два десятка циклов, но за пятнадцать лет хранения они здорово подсели, так что теперь карточка могла активироваться максимум четыре раза, да и то последний выходил уже каким-то бледным.

Выждав еще сутки, я отправил Филиппу сообщение о некотором улучшении своего здоровья и пригласил их величества в гости. Голодать три дня, как это вроде полагалось по инструкции от Конан-Дойля, я не стал, эти король с королевой и так обойдутся, чай, не Станиславские, чтобы восклицать "не верю". Но грим на морду нанес и даже капнул в глаза атропина, из-за чего потом до вечера не мог читать.

Пока королева посещала медсанчасть, я попытался поговорить с Филиппом по поводу островов и кредита, но после первых же трех фраз вынужден был заткнуться и перевести разговор на сервиз, который я дарил королевской чете. Потому как Филипп, судя по его виду, сейчас боялся только одного – чтобы я не помер прямо при нем. Не знаю уж, что он представлял себе в качестве ответных действий экипажа "Врунгеля", но явно ничего хорошего. Если сейчас начать торг про острова, так он, чего доброго, всучит мне их оптом, только чтобы я зря не волновался.

Однако имелась еще одна проблема, по которой требовалось согласие короля, и я познакомил с ней Филиппа. Суть состояла в том, что, по многим свидетельствам, стрелок попал в свиту при помощи графа Оропеса, и теперь мне очень хотелось побеседовать с этим достойнейшим человеком. Так можно ли надеяться, что ваше величество пригласит его в Севилью, спросил я слабым голосом.

Король впал в явное беспокойство. Судя по всему, он представлял себе дальнейшую судьбу графа в весьма мрачных красках, но не видел, под каким предлогом мне можно отказать. Пришлось уточнить, что я хочу побеседовать с графом не о покушении, которое уже в прошлом, а его подробности нетрудно узнать у ставшего очень словоохотливым дона Менендеса. Истинным государственным мужам надлежит смотреть в будущее, что и является главной причиной моего приглашения.

Действительно, весьма заметную часть доходов графа составлял пенсион от Вильгельма, но Оропеса по идее должен быть в курсе, что в ближайшее время этот животворный родник иссякнет. И, если он не дурак и не трус, то может рискнуть, предположив, что я захочу, образно выражаясь, не только восстановить подачу воды, но и увеличить ее. Ну, а не рискнет – так и хрен с ним, в конце-то концов.

Воспрянувший духом испанский король подхватил пакет с сервизом, королеву и отбыл, пообещав, что он немедленно передаст графу мое приглашение и сопроводит его своей настоятельной рекомендацией, а я осторожно поднялся со своего смертного одра и сел смывать тени под глазами и прочие приметы больного с диагнозом "сквозная дыра в сердце".

Вскоре отец Юрий радировал, что его величество Вильгельм Оранский почил в бозе. Пропуск королю вручен, уточнил бригаденпастыр, и произвел должное впечатление. Более того, перед смертью Вильгельм успел показать его Мосли. А когда тот взял карточку с тела только что испутившего последний вздох короля, она пару раз неуверенно вспыхнула, а потом окончательно погасла. Натаниэль вернул ее отцу Юрию и попросил разъяснений. И получил их – мол, так и должно быть. Ибо пропуск состоит из двух сущностей – астральной и вещественной. Вещественная осталась, она на небе ни к чему. Астральную захватил с собой Вильгельм. Какие вопросы?

Мосли вздохнул и сказал, что он очень благодарен отцу Юрию за предложение помощи в трудную минуту, однако перед его принятием вынужден просить уточнить некоторые деликатные моменты.

И, значит, в данный момент в посольстве происходил торг, но отец Юрий считал, что итоговое соглашение будет для нас достаточно выгодным.

Скажу честно, при получении известия о смерти Вильгельма мне стало немного грустно. И не из-за того, что теперь наши отношения с Англией наверняка хоть как-то, но испортятся, ибо как раз в этом ничего плохого для Австралии не просматривалось. Английские поставки нам были позарез нужны в самом начале становления, но уже лет пять назад они перестали быть остро необходимыми, а сейчас и вовсе там покупалась в основном шерсть, да и то в умеренных количествах. Потому как чугун и сталь мы научились плавить сами, но не особо усердствовали, ибо поставляемые из России обходились дешевле. Недавно Демидов начал продавать нам довольно чистую медь, и тоже по не очень высоким ценам. С продовольственными поставками неплохо справлялись французы и целая бригада лиц неопределенной национальности под общим руководством Ицхака Хамона. Наконец, как источник эмигрантов Англия тоже потеряла интерес – желающие переселиться за океан находились и в России, и у них было два серьезных преимущества. Первое – здесь мы могли брать не кого попало, имелась возможность сначала внимательно приглядеться к кандидатам. Второе – они, в отличие от англичан, французов и прочих, изначально говорили на языке, очень мало отличающемся от австралийского.

Так что наши дружеские отношения с Англией последнее время являлись в основном данью традиции.

Вильгельма же мне было просто жалко. Умный человек, приятный собеседник, у которого есть чему поучиться. И ведь предупреждал же я, что с его здоровьем осенью и зимой вообще лучше не выходить из дворца! Нет, понесло короля на охоту, где он и простудился. Да еще перед этим поручил Оропесе найти исполнителя для стрельбы по мне, что тоже в немалой мере способствовало печальному концу. Прискорбно, но что поделаешь – такова жизнь.

Анну Стюарт, уже ставшую королевой, я как-то раз видел, но, скажем прямо, никакой симпатии мы друг к другу не почувствовали. Будем надеяться, что она отнесется к контактам с Австралией так, как и ко всем прочим государственным делам, то есть без малейшего интереса. Ибо предполагалось, что отныне и надолго взаимоотношения нашей империи с Англией, которая вот-вот станет Великобританией, будут происходить в основном на уровне частных лиц. Впрочем, встречи с Анной пока не исключены. Хотя бы потому, что деньги у Австралии занимал именно король, а не конкретно Вильгельм, и нынешняя королева вместе с тронном приобрела почти два миллиона рублей долга.

Однако вскоре оказалось, что мои прогнозы относительно невмешательства новой королевы в развитие англо-австралийских отношений не совсем точны. Где-то в середине декабря в посольство явилась довольно скромно одетая посетительница, которая очень хотела встретиться с отцом Юрием. Когда ее желание исполнилось, она представилась, оказавшись Сарой Черчилль, женой того самого Джона Черчилля и ближайшей подругой Анны Стюарт. Дама заявила, что королева не против неофициальной беседы с его светлостью герцогом Алексом. В ответ бригаденпастырь поведал, что в данный момент моя светлость еще не оправилась от ранения. Кроме того, меня удерживает в Испании обещание испанскому королю наблюдать за протеканием беременности его жены, поэтому просто так, без озвучивания темы предполагаемой беседы, встреча вряд ли состоится раньше августа следующего года.

Некоторое время Сара пыталась давить на то, что тема очень важная, но является секретом королевы, который она может открыть только сама, и услышала, что отец Юрий лично походатайствует о переносе срока с середины августа на начало июля, но большего обещать не может. Наконец жена Черчилля сдалась и попросила поклясться, что сказанное ей будет доложено только мне и никому больше. После чего выслушала цитату из евангелия от Матфея – "Да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого", вздохнула и рассказала, в чем дело.

Ай да Анна, подумал я. Интересно, сами по себе ее планы уже тянут на обвинение в государственной измене или для этого надо подождать хоть каких-то шагов по их

осуществлению?

Только что севшая на трон королева, оказывается, уже задумалась о престолонаследии. И желала, чтобы после ее кончины королем стал ее младший брат, которого она, кстати, никогда не видела – сын свергнутого Вильгельмом Якова Второго.

Я быстро припомнил, что нам известно об этом индивидууме.

В историю он вошел под именем Джеймс Старый Претендент. Действительно, прожил он немало, семьдесят восемь лет, и шестьдесят пять из них безуспешно претендовал на английский престол. С кем он только не связывался для достижения своей мечты! Кажется, в это время у Англии не было ни одного врага, которому этот тип не предложил бы свои услуги. Правда, в текущей истории он еще не развернулся, потому как объявить себя королем было возможно только после смерти Вильгельма. Однако она все-таки случилась, и теперь, значит, будущий непризнанный король возбудился. Но Анна-то с чего лезет в это дурно пахнущее дело? Ведь ей жить еще целых семь лет!

Однако новость была интересной, и следовало подумать, как потактичней задать королеве единственный оставшийся у меня вопрос – "а что мы будем с этого иметь?".

Глава 15

Весьма недолгие размышления привели к тому, что тот самый вопрос слегка трансформировался и уже на следующий день выглядел примерно так:

"Что можно взять с барана, кроме шерсти?"

Сколько я не думал, в голову ничего путного не приходило. Не на мясо же пускать этого хоть и молодого, но уже вполне оформившегося козла Джеймса Стюарта! Денег у него нет не только по нашим, но даже по французским меркам. Ладно, представим себе, что этот тип каким-то образом просочился в английские короли. Тут, кажется, возможны два варианта. Первый – этот претендент на радостях, что так быстро перестал им быть, и в силу общей слабости на голову наворотит такого, что в ближайшее время Англии не надо будет никаких врагов. Хорошо ли это для Австралии? Да не совсем, потому что страна-то находится в начале бурного промышленного развития, и в ней найдутся силы, которые быстренько скovyрнут козла с трона. Как это случилось, например, с его отцом. Но в этом случае велика вероятность, что на троне окажется какая-нибудь незаурядная личность вроде Кромвеля или даже Бонапарта. Оно нам надо? Да как-то вроде не очень. Хватит с Англии одного Вильгельма, почти сразу еще кто-то столь же яркий – это уже будет перебор.

Возможен, конечно, и второй вариант. Козел, успокоившись и короновавшись как Яков Третий, будет ровненько сидеть на пятой точке и внимательно слушать советы своих министров. Так именно этим сейчас занимается Анна, а после ее смерти эстафету перехватит Георг Первый! Причем у них есть то преимущество, что мы уже представляем себе персоналии и политические линии их советчиков, чего нельзя сказать про Джеймса Стюарта.

Значит, решено – за какую-нибудь мелочь мы в эту историю не полезем. Остается прикинуть, чего такого серьезного нам могут предложить. Колонии в Америке? Спасибо, кушайте сами, у нас и так освоены только три совсем небольших участка на Австралийском материке, и на расширение границ людей просто нет. Тем более что Аляску вскоре начнут осваивать русские, с нашей, разумеется, помощью. К тамошнему климату они вполне привычны, насчет минус семидесяти градусов по ночам Джек Лондон малость преувеличивал. С Петром уже достигнута договоренность, что все добытое золото поделится на три равных части. Первая будет являться собственностью старателей. Вторая пойдет в русскую казну, а последняя – нам. Учитывая, что снабжение приисков возьмет на себя Австралия, нетрудно догадаться, что заметная часть старательской доли тоже окажется у нас.

Пожалуй, следует уточнить, что мы с Ильей вовсе не собирались грабить своих бывших (или будущих?) соотечественников. Кроме одежды, инструментов, оружия и продуктов они получают за свое золото сертификаты Ост-Австралийской компании, а она уж как-нибудь обеспечит покупательную способность своих бумаг так, что старатели ничего не потеряют.

Для иллюстрации – маленький пример.

Зимой на Юконе одно яйцо будет стоить как минимум половину своего веса золотым песком. Летом в России десяток можно будет купить за одну крупинку. А за сертификат дадут сотню, если не полторы, то есть старатели в случае возвращения в Россию окажутся с немалой прибылью, а Австралия – с золотом, примерно на десятую часть которого она купит те самые яйца для новых золотоискателей, а все остальное употребит на свое развитие.

Но завоз русских на Аляску будет происходить явочным порядком, то есть интересоваться мнением Англии по данному вопросу мы не планировали.

Мелькнула мысль посоветовать Джеймсу объявить себя не английским, а для начала ирландским королем, с последующей поставкой оружия борцам за независимость. Однако, подумав, я пришел к выводу, что это не лучший вариант. Потому как ирландцев жалко! После того, как Кромвель усмирил эту страну, там осталось меньше миллиона коренного населения. А во время "славной революции" Ирландия поддерживала Якова Второго, так что Вильгельм действовал вполне в духе Кромвеля. И теперь его стараниями число ирландцев еще уменьшилось. Переписи никто не производил, но отец Юрий считал, что даже пятьсот тысяч скорее всего являются завышенной цифрой. Кроме того, население Ирландии в настоящий момент социально пассивно, ибо все активные выбиты.

В общем, поднимать остров на борьбу еще рано, решил я. Толку все равно не будет, но третий бунт за неполные сорок лет может привести к полному исчезновению ирландского народа как этноса. Нет уж, пусть остров поживет в мире, вырастит новых борцов, доведет свое население миллионов хотя бы до трех, тогда можно будет подумать о поддержке его стремления к свободе.

Примерно на этой ноте мои размышления были прерваны докладом вахтенного о приближении к "Врунгелю" какой-то богато выглядящей лодки. А через полчаса я принимал в своей каюте старого знакомого, который в прошлую нашу встречу немного сплоховал, но сейчас смог меня удивить. Ибо это оказался маркиз де Маргон, и первое, что он сделал – предъявил щедро заляпанную печатями справку от главного королевского медика о том, что у него, маркиза, разлитие желчи, нервная лихорадка и загустение крови, в силу каковых причин горячительные напитки он употреблять не может. Я сочувственно покивал, предложил гостю стакан кипяченой воды и выслушал, что привело его на борт нашего крейсера.

Оказалось, со мной желает встретиться его величество Яков Третий или, иными словами, тот самый Джеймс Стюарт.

– Буду рад видеть... э... господина Джеймса Стюарта, – пожал плечами я, – ибо мне неизвестен король Яков Третий.

Маркиз проглотил мой демарш без возражений, из чего я сделал вывод, что будущий "Старый Претендент" явно обуреваем какими-то глобальными планами, трудноосуществимыми без нашей помощи.

Мы договорились, что визит состоится через три дня. Маркиз уточнил, что его величество постарается не опоздать, но гарантировать своевременного прибытия не может по причине тяжелой раны.

– Где это его угораздило? – поинтересовался я.

– Его величество получил рану в сражении при Фридленгене, где проявил чудеса героизма, – просветил меня маркиз, – и во многом именно благодаря его беззаветной отваге, а также умелому командованию вверенным ему подразделением это сражение было выиграно.

Вообще-то я следил за ходом войны, но никакой хоть сколько-нибудь масштабной битвы с таким названием припомнить не мог. Но какая, в сущности, разница? Или мне намекают, что и этого якобы короля тоже желательно подлечить? Я так и спросил.

Маркиз с видимым отвращением отпил глоток воды и поведал:

– Главная забота его величества – вовсе не о собственном здоровье. Он желает обсудить некоторые политические аспекты сложившейся в Европе ситуации.

Несмотря на объявленную тяжелую рану, Стюарт не опоздал и явился на борт ровно в полдень третьего дня, хоть часы по нему проверяй.

Я ожидал увидеть расфуфыренного попугая, но ошибся. Вошедший молодой человек был одет в пехотный мундир французского образца, примерно в таких у Людовика ходили лейтенанты. Его левая рука висела на повязке из черного бархата, и вообще вид гостя не вызывал неприязни. Правда, и подозрений в незаурядном уме тоже.

– Здравствуйте, ваше потенциальное величество, – встретил я Джеймса, – проходите, садитесь и вообще чувствуйте себя как дома. Вам чего налить?

– Спирта, только немного! – огорошил меня претендент на незнамо какой престол. После чего действительно опрокинул стопку, не закашлявшись. Похоже, перед визитом он брал уроки у единственного во Франции специалиста по австралийскому этикету – де Тасьена, подумал я. И начал слушать речь визитера.

Уже минут через пять мне пришлось признать, что ничего подобного мы не ожидали. Дурак-то он, может быть, и дурак. Но до чего же умную штуку придумал! Даже если автор идеи кто-то другой, все равно Стюарт молодец, что сумел ее оценить. В общем, человек предлагал нам дельную и, главное, своевременную вещь.

Помочь ему стать королем. Но не английским, шотландским или ирландским, а американским! То есть он хотел оторвать от Англии и подгрести под себя ее владения в Новом Свете. Пообещав колонистам отмену налогов в пользу метрополии, свободу вероисповедания, равенство всех перед законом и много чего еще.

Не знаю, как Стюарт, а я так сразу оценил всю красоту высказываемой им идеи. Ибо что нам гласит выверенная веками мудрость поколений? Если какое-то явление нельзя предотвратить, его надо возглавить.

Так вот, что-то вроде США все равно возникнет в Америке, причем в этом мире скорее всего даже раньше, чем в покинутом нами. Просто потому, что интересующиеся люди в курсе – все эти замечательные установления уже реализованы в Австралии. Примерно так в свое время Советский Союз одним фактом своего возникновения вызвал повышение результативности профсоюзной борьбы и прочего рабочего движения. И его величество Яков Третий совершенно прав – пусть уж Штаты возникают в виде королевства под его мудрым управлением и нашим доброжелательным присмотром! Вот только в каких границах? Лучше, конечно, сразу разделить их на Север и Юг, чтобы в зародыше придавить предпосылки будущей гражданской войны. Нехорошо, когда граждане одного государства занимаются стрельбой друг в друга. Пусть уж они изначально окажутся в разных странах. Война, правда, скорее всего начнется и в этом варианте, но зато она уже не будет гражданской.

Да, но кандидат в короли-то пока всего один...

Так ведь больше и не требуется, быстро сообразил я. Потому как единодушной поддержки всех колонистов у претендента ну никак не будет. И именно Север, где сейчас бродят вольные охотники типа куперовского Зверобоя-Следопыта, вряд ли восплает желанием лечь под какого-то непонятого короля-католика, что бы он им не обещал. Значит, по результатам войны за независимость там образуется демократическая республика, которая первое время будет вести себя как мышь под веником. Но потом окрепнет, наберется сил и начнет собачиться с соседом, то есть королевством Яши Стюарта. Глядишь, в процессе боевых действий на североамериканском континенте образуется еще пара-тройка государств. А то и поболее, чем черт не шутит.

Осталось оценить, не грозит ли чем-нибудь Австралии рассматриваемый вариант. Уменьшится приток иммигрантов? Так из Англии он это давно сделал, и ничего. Правда, тут может проявиться одна тонкость...

В Америку перебирались не только ссыльные, разорившиеся, всякие авантюристы, но и люди с повышенным свободолобием. Особенно после обретения ей независимости в нашем

мире. Потому что есть люди, которым любой монарх покажется зримым воплощением тирании. Среди них наверняка окажутся очень способные и активные, но поедут они не к Якову не к нам, а в те самые северные штаты, как бы они не назывались. Вот это как-то не очень хорошо, а все остальное вроде нормально.

Но тут вспомнилось содержимое недавней радиogramмы от Ильи, и меня осенило. Ей-богу, я чуть не воскликнул "Эврика!", но все же удержался, ибо будущий американский король еще не закончил свою речь.

Не так давно мы с большим удивлением обнаружили, что на Тасмании существует вполне оформившееся государство во главе с каким-то царьком Вельсаром Туки-Пуки. И, как только появилась возможность, туда были посланы четыре агента из мориори, которые внешне не очень отличались от тасманийских аборигенов. Вскоре от них пришел доклад о том, что государство на соседнем острове возникло совсем недавно, всего пять лет назад. Его организовали приплывшие на огромной лодке белые люди, и один из них стал местным монархом. В языке аборигенов появились французские и голландские слова, особо доверенным белые пришельцы выдали мушкеты, а остальным — по несколько железных ножей и топоров на племя, отчего жизнь одаренных изменилась к лучшему. Далее сообщалось, что монарх именует себя королем, а его официальное имя звучит как Велизарий Непобедимый.

В общем, кто именно подстроил нам эту бяку, Людовик или Вильгельм, было пока неясно, да и не очень интересно. Илья просто внес в маршруты патрулирования недавно построенного нового дирижабля "Барон Мюнхгаузен" восточное побережье Тасмании, вот и все.

Однако в свете речей моего гостя тасманское королевство оказывалось очень кстати. Зачем свободолюбивым людям эмигрировать к берегам какого-то Потомака? Пусть лучше туземцы восстанут против тирании, учинят буржуазную революцию и скинут к чертям собачьим своего Велизария! Аборигенам нечего терять, у них даже цепей нет. Зато приобрести они смогут хоть и не весь мир, но по иголке с наперстком каждой женщине, ножу с топором мужчине и лопате — старику, плюс несколько пил на племя в случае победы они получают обязательно. Заодно у детей природы появится новое развлечение — каждые четыре года с песнями, плясками и битьем в бубны голосовать за одного из двух абсолютно одинаковых кандидатов. Илья распечатает им конституцию в таком виде, как она была подписана Франклином. Правда, Белый Дом придется построить нам, аборигены не справятся. Ничего, для начала сойдет и небольшой, размером где-то шесть на шесть, из бруса и о полутора этажах. Элли в своем ателье pošлет несколько звездно-полосатых флагов, кто-нибудь из четверки уже внедрившихся разведчиков откроет оружейную мастерскую, где под именем Сэмюэля Кольта начнет без лицензии клепать австралийские револьверы устаревших моделей. Это же получится просто сказка, а не страна! И все, кому дороги идеалы свободы и противны сами слова "король", "император" и так далее, попрут именно туда, а не в какую-то дикую Северную Америку. Когда же выяснится, что на Тасмании есть золото, поток многократно возрастет.

Как раз в это время мой визитер замолчал. То ли у него просто пересохло в горле, то ли он уже высказался — я не понял. И с энтузиазмом подхватил эстафету:

— Ваше величество, у меня просто нет слов, кроме одного — гениально! Я счастлив, что судьба дала мне шанс познакомиться со столь выдающимся государственным деятелем, как вы. Еще стопочку не желаете? Ну, за будущее американское королевство! Я убежден, что под вашим мудрым руководством его ждет невиданное процветание. Прямо вижу, как какой-нибудь захудалый форт Васюки на глазах превращается в Нью-Лондон. Стесненные жилищным кризисом и разгулом тирании в Европе, туда могучим потоком устремятся жители Англии, Франции и прочих стран помельче, после чего лишившийся лучших своих жителей Лондон сам собой переименуется в Старые Васюки. Нью-Лондон станет элегантнейшим центром цивилизованного мира!

Эх, не надо было мне завтракать, мелькнула запоздалая мысль. Остап произносил свою

знаменитую речь натошак и без копейки в кармане, потому она у него и получилась столь блестящей. А у меня, кажется, выходит не так убедительно.

Однако, судя по виду Джеймса Стюарта, он так не думал, и я закруглил свое выступление:

— Буду счастлив внести посильный вклад в осуществление столь грандиозного проекта. И, помимо кредита под совершенно символический процент, предлагаю вам помощь иного плана. Мне просто невыносимо думать, что вместо генерирования, не побоюсь этого слова, гениальных мыслей вы будете вынуждены заниматься недостойной вас мелочной текучкой. Поэтому я предоставлю вам помощников, которые, не отвлекая ваше величество от стратегических размышлений, в рабочем порядке сами решат, кому и сколько дать денег, кому — в рыло, ну и так далее. Согласны? Спасибо, я ни минуты не сомневался в вашей прозорливости, далеко выходящей за пределы обыденного. Тогда давайте в завершение текущей встречи примем еще по чуть-чуть — за здоровье и долгие лета его величества Якова Третьего Американского!

Глава 16

Вслед за визитом будущего короля США наступил новый год. В преддверии этого праздника в Севилью съехались толпы зевак чуть ли не со всей Испании, потому как я пообещал Филиппу устроить такой фейерверк, какого еще никто не видел. Сдержать слово было нетрудно, ибо чего-чего, а всяких стволов и пусковых установок для ракет на борту "Врунгеля" имелось вполне достаточно. В общем, грохот и сверканье стояли ровно час, а потом начался торжественный прием для избранных, посвященный очередной смене цифр на календаре.

Этим самым избранным кто-то наплел, что гвоздем программы будет показательная казнь дона Менендеса, но тут их ждал облом. Я объявил, что почтенных господ обманули, и злокозненный дон уже несколько дней как отправлен в Австралию, где с ним поступят сообразно его деяниям.

На лицах гостей проступило понимание вперемешку с разочарованием — люди решили, что там его ждет какая-то совершенно фантастическая казнь, которую они, к сожалению, не увидят. Хотя некоторые явно были удивлены — чего же не хватает на "Врунгеле", оборудования или специалистов, чтобы достойно провести данное действие тут?

На самом же деле никто этого Менендеса убивать не собирался, и он это уже знал. Если бы у нас были такие планы, то он давно получил бы свою пулю в затылок прямо на борту, но у дона вдруг обнаружились выдающиеся способности. Оказывается, он был совершенно феноменальным стрелком.

Экзаменовавший его Вака заявил, что этот самородок немного уступает ему в стрельбе из кавалерийского револьвера, но только в том случае, если у соревнующихся есть время на прицеливание. В упражнении же, где требовалось поразить шесть мишеней за шесть секунд, результаты дона были чуть лучше, чем у нашего старшего артиллериста. Поэтому дону было сделано предложение, от которого он не смог отказаться и теперь плыл к своему новому месту службы. Там он займется преподавательской деятельностью, и, кроме того, будет принимать участие в испытаниях предсерийных образцов нового стрелкового оружия. Как все-таки хорошо, что тут принято целить в сердце, а не в голову!

А второго января пришла радиограмма, что в Ильинске на семьдесят девятом году жизни скончался посол Англии в Австралии сэр Уильям Темпл. Последнее время старый дипломат часто болел, но до сих пор как-то выкарабкивался. Однако сейчас очередное недомогание совпало с получением известия о смерти Вильгельма, и сэр Уильям пережил своего короля всего на три недели. Свифт же покинул Австралию еще в четвертом году, так что теперь послом стал Ричард Эвери, по интеллекту в подметки не годившийся своему предшественнику.

Жалко, конечно, старика, подумал я, хотя он и так прожил в Австралии на семь лет

дольше, чем ему было отмеряно в Англии. Интересно, сообразит Илья насчет памятника, кроме того, что будет на кладбище? Как раз напротив посольства есть очень хорошее место, куда так и просится какая-нибудь статуя.

Вскоре из посольства в Лондоне сообщили, что шотландский парламент принял декларацию об унии с Англией, после чего самораспустился. Торжества по поводу образования Великобритании назначены на двадцатое – двадцать второе января, и королева соизволила лично вручить отцу Юрию приглашение для моей светлости.

Будучи глубоко воспитанным человеком, я не смог отказать даме, тем более в такой мелочи, и утром четырнадцатого числа "Врунгель" снялся с якорей. Испанским величествам было обещано, что сразу по завершении торжеств я вернусь, так что они и соскучиться не успеют.

Впрочем, королю было не до скуки. Первый транш кредита он получил две недели назад и тут же нашел ему применение, затеяв строительство малой королевской резиденции напротив места стоянки нашего крейсера.

Перед отбытием я получил от Филиппа две немалой ценности бумаги. В одной сообщалось, что в силу оформившихся дружеских отношений между Испанией и Австралией остров Себу с прилегающей акваторией приобретает статус особой территории. Он, то есть статус, заключается в том, что отныне на острове все распоряжения как губернатора, так и генерал-капитана Филиппин считаются действительными только при наличии утверждающей подписи австралийского представителя, именуемого обер-бригадиром. С другой стороны, распоряжения одного лица тоже обретают силу лишь при наличии утверждающей подписи губернатора. Правда, в конце документа было приписано мелким шрифтом, что в случае ее отсутствия обер-бригадиру придется поставить еще одну свою подпись, и на этом проблема окажется исчерпанной. Такой порядок будет существовать вплоть до его отмены королем Испании, каковая отмена должна подкрепляться справкой из австралийского госбанка о погашении задолженности.

Второй документ был значительно короче, не содержал мелкого шрифта и представлял собой указ о назначении дона Себастьяна де Вальдоре губернатором острова Себу. Я сильно подозревал, что наш старый знакомый дон Себастьян все поймет правильно и не станет расстраиваться из-за пунктов, которые якобы дают слишком большую власть обер-бригадиру. Он же знает, что она будет использована во благо, в том числе и ему лично.

Примерно на траверсе Лиссабона "Врунгель" встретился с "Кадиллаком", который направлялся с архипелага Силли в Ильинск, и я передал документы для отправки в Австралию. Впрочем, дону Себастьяну о грядущей перемене в его судьбе наверняка заранее сообщит почтенный Гонсало, коего скорее всего уже предупредили о новациях на острове Себу.

Восемнадцатого января одна тысяча семьсот седьмого года наш крейсер вошел в устье Темзы, но не стал останавливаться в Куинборо, а двинулся вверх по реке. Темза была заметно шире Гвадалквивира, и "Врунгель" без проблем прошел чуть более полпути, остановившись примерно в километре за Грейвсендом. Как и в Испании, он развернулся и встал на якоря. Сразу после этого от него отчалили две моторные лодки. В первой я двинулся в наше посольство, а вторая поплыла по течению, имея на борту молодого штурмбанпастьера с полутора тысячами золотых австралийских рублей. Задачей юноши было явиться в магистрат города Грейвсенда, где предложить профинансировать изготовление и установку памятника индейской принцессе Покахонтас. Эта девушка спасла какого-то английского капитана, когда индейцы совсем уже собрались было проломить ему череп – причем, как я всегда подозревал, не без оснований. Но дочь местного вождя вступилась за этого англичанина, а потом вообще вышла замуж за другого и переехала с ним в Англию, где быстро стала знаменитостью. Но, не прожив там и года, заразилась оспой и умерла, вот такая грустная история. В покинутом нами мире американцы поставили ей небольшой памятник в

Джорджтауне, а потом подарили точную его копию Англии, она была установлена в Грейвсенде, где умерла индейская принцесса. Сам я ни того, ни другого памятника не видел даже на фотографиях, но зато смотрел мультфильм про эту индианку, так что сейчас решил вмешаться. Ведь в силу наших с Яшей Стюартом планов в Америке скоро начнут происходить всякие интересные вещи, и черт его знает, как там оно потом сложится – вполне возможно, что гражданам нового государства станет не до статуй всяким принцессам. Так пусть стоит хотя бы тут, подумал я и отправил молодого дипломата, следующего на стажировку у отца Юрия, с первым заданием.

Торжества по случаю унии оказались весьма бледными – парадное заседание в парламенте, где мне выделили место в самом дальнем уголке, прямо-таки на галерке, и королевский обед в Кенсингтонском дворце. Никаких народных гуляний или там военных парадов не было.

В конце обеда ко мне подошла Сара Черчилль и передала, что завтра королева приглашает меня на файв-о-клок, то есть полдник, за которым ее величество желало бы обсудить важные вопросы.

Глядя на подругу королевы, я думал об именах этих дам. Вот Саре, например, гораздо больше подошло бы имя Анна. Или вовсе Прасковья. А ее величество – это же натуральная Сара! Ей бы еще соответствующее отчество наподобие Моисеевны, и был бы полный ажур, даже фамилии Рабинович не нужно.

Заверив гостью, что моя светлость счастлива, я решил еще раз обновить в памяти доклады отца Юрия про текущий расклад в кругах английской правящей элиты, то есть взаимоотношения между тори и вигами.

Помню, в самом начале наших отношений с Англией я долго пытался запомнить, кто же из них консерваторы, а кто либералы, изобретал какие-то мнемонические правила, пока не понял очень простую вещь. Эти партии изначально выражали интересы входящих в них семей, и не более того. Поэтому те, кто сегодня поддерживали консервативные течения, завтра вдруг начинали заигрывать с так называемыми диссидентами, а их оппоненты в ответ вопили о нарушении вековых устоев. Как правило, членами партий люди становились по факту рождения, но и тут встречались исключения. Например, тот же Мальборо, который уже успел стать герцогом, в начале своей карьеры был явным тори, потом переметнулся к вигам, а сейчас, кажется, задумывал обратное телодвижение. Впрочем, в данный момент его в Лондоне не было, он громил французов в Германии.

Вообще-то в Англии, конечно, была очень правильная партийная система. Потому что везде эти самые партии выражают именно интересы узкой группы влиятельных лиц, но иногда трудно понять, кто же именно дирижирует из-за кулис вдруг выскочившим откуда-то народным трибуном. Ну, а тут люди пока еще не маскировались всякими декларациями и программами, только и всего.

При встрече с королевой я, как всякий воспитанный человек, начал беседу с заготовленного заранее комплимента, успев подумать, что, пожалуй, "цветущая свежесть" в нем явно лишняя, да и половина прочих эпитетов могут вызвать сомнения. Не приняла бы их дама за издевательство! Ведь на вид это типичная старая еврейка, да к тому же явно больная.

– Ах, оставьте, – слабо махнула рукой Анна, – если бы вы сказали подобное лет двадцать назад, я бы еще могла поверить в вашу искренность, но сейчас... Лучше скажите, как вам удастся столь молодо выглядеть в ваши годы? Ведь вы же, кажется, ровесник недавно почившему Вильгельму?

Эх, подумал я, знала бы ты, какое событие я отмечал в одиночестве, не считая связи по радио с Ильей, полгода назад! Если иметь в виду не даты, а реально прожитые годы, мне стукнуло сто лет. И подтвердил:

– Да, почти ровесник, самую малость постарше. Как удастся? Секрет, в общем-то, довольно прост. Активный образ жизни, физические упражнения на свежем воздухе,

регулярное тесное общение с женами, отсутствие вредных привычек, морские прогулки и сбалансированное питание без излишеств – вот и весь набор.

Далее беседа плавно перетекла на состояние здоровья королевы. Она страдала артритом, а умереть ей, насколько я помнил, предстояло от подагры. Кроме того, время от времени Анну начинали мучить мигрени.

Про артрит я мог рассказать ей и сам, на основании своего опыта в том мире. Подагры, правда, я там приобрести не успел, но теорию все-таки как-то знал, так что где-то минут пятнадцать разъяснял даме важность соблюдения диеты, а под конец пообещал помочь лекарствами, в том числе и против мигрени. Сам же прикидывал – как бы поделикатнее задать основной вопрос. С чего это она вдруг озаботилась правами своего ни разу не виденного младшего брата Яши Стюарта?

С Вильгельмом в этом отношении было проще, он сам всегда сворачивал беседу на то, что в данный момент считал самым важным. Но потом обязательно освещал и те проблемы, которые, по его мнению, интересовали меня. Что характерно, король почти не ошибался. Разумеется, не было никакой гарантии, что он говорит правду. И уж тем более всю правду, но по крайней мере я ставился в известность, что в данный момент считает ей английский монарх. А эта – она что, пригласила меня только для того, чтобы поплакаться про здоровье? Меньше надо шоколада жрать, хоть и любишь его, а то дело может не ограничиться только подагрой.

Но, как оказалось, Анна считала вопросы престолонаследия и собственное здоровье взаимосвязанными.

– Понимаете, – пояснила она, – я вовсе не надеялась и не собиралась стать королевой, ведь Вильгельм не производил впечатления тяжело больного. И то, что так получилось, я воспринимаю как последний шанс свыше. Мне предоставлена возможность достойно завершить свою жизнь, чтобы без страха предстать перед высшим судом. Говорят, вы очень сведущи в медицине. Можете сказать, сколько мне осталось?

Разумеется, я мог. Поэтому взял королеву за левую руку и задумчиво уставился в потолок. Ничего интересного там не наблюдалось, так что на всякий случай посчитал пульс. Когда за тридцать секунд набралось тридцать восемь ударов, я опустил взор и сообщил:

– Если вы ограничите заботу о своем здоровье теми мерами, кои предпринимали до встречи со мной, то вам осталось жить семь лет.

На лице дамы проступило разочарование, причем какое-то смешанное. Ну да, она боялась услышать "помрете через полгода", но втайне надеялась на заверения типа "да вам еще лет двадцать нечего беспокоиться". А тут ни то, ни се.

Я давно заметил, что, как правило, чистая правда нравится людям куда меньше, чем отступления от нее, причем, что удивительно, в любую сторону. И, значит, надо внимательно рассмотреть голографическую карточку, которую Мосли вернул отцу Юрию. На предмет – получится ли у меня еще одна замена батареек? Визитка-то явно создавалась как одноразовая. И если возникнут сомнения, заказать доставку из Австралии второй. Но пока не помешает попытаться пробудить в даме какие-то надежды.

– Возможно, вы в курсе, что его величество Илья Первый приглашал Вильгельма посетить Ильинск, – начал я. – Но, к сожалению, государственные дела, кои он самоотверженно взвалил на свои плечи, не позволили королю столь надолго покинуть Англию. Я же не всегда могу в нужный момент оказаться рядом, что и сказалось не так давно. Или вспомним историю с Карлосом Вторым – мне ведь удалось буквально вытащить его с того с того света. Но, к сожалению, в дальнейшем обстоятельства потребовали моего присутствия в Австралии. Так что подумайте, я официально приглашаю вас от имени его величества. Разумеется, какая-то медицинская помощь может быть оказана в ближайшее время, и она будет оказана, но возможности медсанчасти моего крейсера сильно уступают тем, что есть в Ильинске. Опять-таки хоть я, скажем без ложной скромности, кое-что понимаю в медицине, за океаном есть специалисты несравненно более высокого класса, к каковым, между прочим, относится и наш император. Относительно же Джеймса Стюарта –

пока могу сказать только то, что в недавно состоявшейся беседе я именовал его исключительно "ваше величество". Как вы наверняка догадываетесь, для этого нужны достаточно веские основания, и они у меня есть.

Поздним вечером мне пришлось отвлечься от размышлений на английские темы, потому как из Донецка пришла радиограмма. В ней сообщалось, что Петр осадил Нарву, и, по данным разведки, на помощь осажденной крепости спешит шведский король во главе отборного двадцатитысячного отряда.

Глава 17

Ночная метель кончилась, и Карл Двенадцатый считал, что это неплохо. Да, теперь, скорее всего, не удастся повторить прошлую победу под Нарвой, когда под прикрытием летящего в лицо русским снега шведам удалось подойти незамеченными на тридцать шагов. Но король допускал, что теперь русские могут быть готовы к такому развитию событий, и внес соответствующие коррективы в свои планы.

Еще год назад ему стало ясно, что Россию нужно как можно быстрее выводить из войны, потому как, имея за спиной такого врага, думать об окончательном завоевании Саксонии не приходилось.

Карл умел рассматривать явления в динамике и понимал, что может означать наблюдаемое в Ингрии развитие событий.

Самое начало нового века – русских войск там вообще нет. А те, что есть у Петра, правильнее было бы назвать сбродом.

Семьсот четвертый год – войска уже есть, и их довольно много. Правда, в основном это все тот же сброд. Но ведь среди него нашлось три полка, которые несколько дней успешно оборонялись против превосходящих сил шведов! А русская артиллерия...

Поначалу артиллеристы воротили нос от трофейных чугунных пушек, но потом убедились, что их не разрывает и от полуторного заряда, а стреляют они дальше и точнее, чем бронзовые шведские. И лафеты у них удобнее. Сейчас в Швеции наладилось производство таких пушек, а лафеты даже были немного улучшены.

Настоящее время – войск примерно как в четвертом году, но уже две трети их составляют полки нового строя. И вооружены они отличными фузеями, которые превосходят шведские! Кроме того, у русских фузей не багинеты, а примыкаемые под ствол штыки, что повышает возможности пехоты в атаке. Наконец, в армии Петра стали появляться австралийские штуцеры. Они допускают прицельную стрельбу на триста, а то и четыреста шагов! И, в отличие от шведских, времени на перезарядку тратится даже меньше, чем у фузеи. Правда, патроны к ним тяжелые, в носимом комплекте стрелка их всего десятков, но ведь граф Пипер утверждает, что таких стрелков у царя Петра уже два батальона.

Кроме того, у русских появились какие-то сверхскорострельные мортиры, которые могут давать до пяти выстрелов в минуту, а разведчик, вчера вернувшийся из-под Нарвы, вообще говорил про десять. Проклятые австралийцы, с чего это им взбрело в голову вооружать именно царя Петра?

Имея перед глазами картины прошлого и настоящего, Карл был вполне способен спрогнозировать будущее, и оно получалось весьма неприятным для его страны. А это означало, что надо как можно быстрее нанести русским такое поражение, которое гарантированно приведет к их выходу из войны.

Когда этой осенью русские вдруг сравнительно малыми силами и очень быстро взяли сначала Нотебург, а потом Ниеншанц, Карл понял, что тянуть больше нельзя. Нарвский гарнизон был демонстративно усилен, а у Ивангорода начались работы по возведению дополнительных укреплений. Столь же демонстративно король отбыл к саксонской группе войск, а на самом деле руководил тайно формируемым в Вазенберге ударным отрядом. Когда основные силы Петра увязнут под Нарвой, этот отряд должен ударить по ним, причем

с юга, от Чудского озера, откуда русские его ждать не могут.

И вот сейчас Карл во главе основных сил отряда приближался к Нарве, до которой оставалось порядка одной шведской мили.¹ Вспомогательный отряд под командованием генерала Отто Веллинга должен был подойти к Нарве с запада, имитируя удар основных шведских сил.

Старший лейтенант австралийской армии, стрелок первого класса, командир второй снайперской группы Михаил Евграфович Окунь чуть повернулся в своей лежке на немного выступающей из леса кряжистой сосне. Впереди три раза подряд шевельнулась заметная ветка орешника, расположенного между сосной и лесной дорогой, что означало – отряд приближается.

Михаил снял заглушки с оптики, убедился, что линзы не запотели и не загрязнились, после чего дослал патрон. Скосив глаза, осмотрелся. Но с маскировкой все нормально, позиция была занята еще с вечера, а потом всю ночь шел снег. Группы прикрытия не видно совершенно, да сам Михаил кажется просто снежным наплывом меж веток. Нет, не зря прошли годы упорной учебы...

Лейтенант вспомнил позапрошлогодную командировку на остров Юнг, лежащий в тысяче километров южнее Махория, у самой границы территориальных вод таинственной метрополии. Там снайперские группы учились работать в условиях суровой зимы. Да уж...

Вроде было и не очень холодно, даже ночью температура не опускалась ниже минус двадцати, но сильнейшие ветры при почти стопроцентной влажности делали жизнь невыносимой. Как в таких условиях мог стрелять его верный карабин "Тигр"? Но ведь стрелял же, и безотказно! Тем самым платя за хороший уход. Здесь же по сравнению с теми ледяными скалами почти курорт. Еле заметный ветерок, температура минус четыре...

Михаил любовно погладил ложе карабина. Он неплохо разбирался в оружии и видел, насколько тот превосходит по качеству изготовления не только барабанные, но и недавно появившиеся магазинные винтовки. Понятно, что это бесценная вещь. Сколько же лет и сколько мастеров делали этот шедевр? Во всяком случае, в Россию было отправлено всего два таких карабина.

Со вторым сейчас по ту сторону дороги сидит его друг и конкурент, старлей Эдик Куикаро. Кажется, он родом из метрополии, но не кичится этим, да и вообще не любит говорить на подобные темы.

Но тут из-за поворота дороги показались первые всадники, и лейтенант отбросил посторонние мысли. Начиналась работа.

Петр Алексеевич с сомнением посмотрел на жену. Катя, конечно, молодец. В окружении царя уже привыкли к тому, что эта странная царевна не только поехала с государем к армии, но командует каким-то непонятным отрядом, составленным из солдат Ост-Австралийской компании и, кажется, включающим в себя небольшое количество бойцов заокеанской армии.

Поначалу, конечно, никто не принимал всерьез эту бабу в штанах. Но когда ее головорезы тайно проникли в Нотебург и открыли ворота, да так, что шведы спохватились, только увидев гурьбой бегущих туда русских солдат, отношение резко изменилось. А потом оно поменялось еще раз, когда после штурма она настояла перед царем на расстреле командира передового отряда полковника Долгорукова, из-за медлительности и нераспорядительности которого в ее отряде произошли потери. И не отставала от Петра, пока он не произвел в офицеры полтора десятка особо отличившихся солдат и унтеров из отряда только что расстрелянного полковника. Денежные премии, и немалые, она потом раздала из своих средств.

¹ Около десяти километров.

Хорошо хоть Катя не лезет под пули. Правда, и его, Петра, тоже старается туда не пускать. Как же она не раз говорила? "От хорошего начальника требуются только четыре вещи. Первая – безукоризненно провести материальную подготовку. Вторая – коротко и ясно поставить подчиненным задачу. Третья, самая важная – не мешать им ее выполнять, путаясь под ногами! И четвертая – по завершении дела наградить отличившихся и наказать нерадивых, но ни в коем случае не наоборот".

Вот и сейчас почти весь ее отряд ушел навстречу приближающемуся Карлу, а она с десятком бойцов осталась у Ивангорода, в царской ставке. Что смогут сделать неполные сорок человек, пусть даже они отлично вооружены, и в бою каждый стоит пятерых? Разве что немного задержать Карла, и все. Но Катя настаивает, чтобы три пехотных полка и две казачьих тысячи были готовы к преследованию бегущего противника, и Петр решил ей не отказывать. Хотя Шереметев был против такого ослабления передовой линии обороны от шведского сикурса, но с ним-то как раз понятно. Как Катя неделю назад его материла за медлительность, из-за которой передовой шведский отряд, напоравшийся на русские полки, ушел почти без потерь! Петр и то заслушался, даром что считал себя неплохим мастером крепкого слова. Причем по сути жена была права, ведь смысл ее тирады – если бы Борису Петровичу самую малость убавить осторожности, какой полководец получился бы! Почти как Меншиков, если тому ее немного добавить.

Карл сразу понял, что в голове колонны что-то случилось. И совсем было уже собрался пришпорить коня, чтобы разобраться в заминке лично, но тут к нему подскочил адъютант.

– Ваше величество, засада! Полковник Биглер убит, генерал Реншильд тяжело ранен, неизвестный противник ведет огонь по офицерам! Вот, я захватил солдатский плащ, накройтесь им!

– Что?! Вы предлагаете мне прятаться посреди своего же...

Но договорить Карл не успел, потому что с адъютанта вдруг слетела треуголка, а сам он свалился с коня прямо под ноги королю, орошая снег кровью. Секунду король непонимающе смотрел вниз, и тут до него донесся далекий звук выстрела.

Да как же это может быть, чтобы пуля прилетала раньше, чем дойдет звук, подумал король, привставая в стременах и оглядываясь, но вдруг почувствовал сильный удар в спину и, чтобы не упасть, обхватил руками шею своего коня.

– Ваше величество, что с вами? – подскочил генерал Майдель.

– Стреляют с большой дистанции, – с трудом прохрипел Карл, – помогите слезть...

И потерял сознание, но генерал этого уже не видел, он упал с пробитой головой.

Короля сняли с лошади и положили на расстеленный плащ, а какой-то капитан, взявший командование на себя, распорядился, чтобы солдаты встали вокруг тремя рядами. Вскоре командование принял артиллерийский полковник, который догадался снять головной убор и надеть поверх мундира солдатский плащ. Он приказал отправить отряды для прочесывания леса в направлении предполагаемых выстрелов, но это оказалось очень непросто, солдаты вязли в глубоком снегу, а потом начали падать под пулями. Но за это время удалось более точно определить места, откуда стреляли, и развернуть батарею легких орудий, которые вскоре открыли беглый огонь картечью. А затем прискакал гонец от генерал-фельцейхмейстера Шеблада с приказом начать отступление, чтобы как можно быстрее вынести из опасной зоны тяжелораненого короля. Дабы задержать противника, если он вздумает преследовать отходящих, следует оставить заслон – полк при батарее легких орудий. Но не в этом месте, а примерно в полутысяче саженей назад, где дорога проходит через поле. Задача заслона – продержаться часа три, после чего можно отходить. Если противник не появится, отходить через три с половиной часа.

Михаил Окунь спустился с дерева. Карабин, уже зачехленный, висел у него за спиной. Уф, вроде обошлось! А ведь минут сорок назад, когда солдаты под прикрытием пушечного огня поперли прямо на его позицию, ему казалось, что дела совсем плохи. Снайперские

патроны были уже израсходованы, обычные тоже кончались, а на месте каждого упавшего шведа появлялось два новых. Но, слава богу, они не понимали, что по ним стреляют с дерева, группа прикрытия позволила себя обнаружить, после чего отступила в лес. В ней есть два раненых, но легко, идти на лыжах смогут сами. Судя по отсутствию согласованных сигналов, Эдику помощь не требуется, у него тоже все в порядке. Хорошо, что не пришлось прибегать к крайнему варианту, по которому группа прикрытия остается на месте и ценой своих жизней дает уйти обнаруженному снайперу с бесценным карабином "Тигр". Напор шведов быстро сошел на нет, и вскоре стало ясно, почему – отряд начал поспешно, но довольно организованно отступать той же дорогой, что пришел. Значит, не всех высших офицеров выбили, сокрушенно подумал Окунь. Сколько же их там было? Он, Михаил, положил восемнадцать человек. Наверняка примерно такой же результат и у Эдика. Правда, группы прикрытия стреляли в основном по атакующим солдатам, но и они положили как минимум по два-три офицера. Значит, этого все равно оказалось недостаточным, соображал старший лейтенант, идя по лыжне за лидером – огромным арауканом из Иностранного легиона.

Петр Первый был в некотором затруднении – как же ему наградить свою собственную жену? Будь на ее месте любой другой, все было бы ясно. Но тут...

Титул у нее и так самый высокий после него – надо думать, австралийская принцесса выше даже светлейшего князя. Произвести в генералы? Но она капитан австралийской армии. Герцог Алекс сказал, что это будет пониже генерал-фельмаршала, но повыше генерал-аншефа. Судя по тому, что сам он дослужился как раз до капитана, так оно и есть. Да и в Европе, будь она неладна, начнут скалить зубы. Кроме того, Катя не хочет, чтобы про ее роль в этом деле знали лишние люди. Хотя как такое скроешь, чай, в армии не слепые. Пожаловать ей деревенек с людишками? Она и так царевна. Деньги предлагать вовсе смешно – ей отец, если понадобится, даст куда больше, чем сможет Петр.

Награжу орденом, решил царь. А если кто вздумает судачить – пожалеет, что родился! Ну, а теперь надо как можно быстрее брать Нарву.

Разгромить отходящих шведов не удалось – они оставили полк, который при поддержке нескольких пушечек больше трех часов стоял насмерть против вчетверо превосходящих его сил русских. Пленных почти не было, но те, которых все-таки удалось взять, сказали, что король Карл Двенадцатый тяжело ранен, а почти все генералы убиты. Значит, теперь можно бросить все силы на последний штурм Нарвы, не опасаясь, что к шведам придет подкрепление. Интересно, что на это скажет Катя?

Петр услышал от жены не совсем то, что ожидал.

– Милый, ну куда же ты всегда спешишь? – устало вздохнула она. – Когда мы со дня на день ждали, что шведы придут на помощь своим осажденным крепостям, и было неясно, чем это кончится, имело смысл пытаться взять Нарву поскорее. Не получилось, больно уж сильная крепость, хороший гарнизон и дельный комендант. Но сейчас-то ради чего лезть из шкуры? Дня через четыре подойдет большой обоз с минами, еще недельку постреляем, так там и вовсе живых не останется. Зачем зря класть солдат? Они тебе еще пригодятся.

Глава 18

Получив известие о произошедшем под Нарвой, я решил, что, несмотря на неясную судьбу Карла Двенадцатого, действовать следует по ранее согласованным планам. То есть исходить из того, что этот самый Карл в ближайшее время не примет никакого участия в грядущих событиях. А вся Северная война держалась, в общем, на нем. Например, когда турки воевали с русскими за Азов, стрелять по султану было абсолютно бессмысленно – грохнешь одного, на трон влезет следующий, причем точно такой же. Или даже хуже. Ну, а тут армия противника лишилась сразу и главнокомандующего, и знамени, кое олицетворял собой король. Да и с утверждениями, что ему помогает сам господь, теперь могут

возникнуть определенные трудности. Правда, пациент не убит, а всего лишь ранен, то есть о наследовании престола говорить пока рано. Но, надо полагать, ранен очень серьезно, иначе он воспрепятствовал бы поспешному отходу, поставившему под удар все завоевания шведов в Ингрии. И, значит, надо начинать подготовку к завершению этой самой Северной войны.

Тут следовало учесть, что, хоть ее и вел король, но все-таки он делал это с одобрения парламента. С самим Карлом говорить о мире было бессмысленно, так что оный разговор следовало планировать в Стокгольме, с народными избранниками. И заодно реализовать одну мою давнюю идейку о том, что вообще-то органы народовластия должны принимать судьбоносные решения в присутствии тех, кого это непосредственно касается.

Осенило меня еще в том мире, за несколько лет до эмиграции в семнадцатый век, когда наша дорогая дума приняла закон о... блин, как же ее... кажется, монетизации льгот пенсионеров. То есть льготы просто отменили на хрен, а старикам, чтобы не вякали, кинули по паре мелких монеток, отсюда и произошло название реформы. Ох, размечтался я тогда, вот бы сейчас в зал заседаний сотен пять этих самых пенсионеров! Не обязательно с автоматами, простых двустолок вполне хватит. До чего же демократические решения тогда были бы приняты! Наступила бы не жизнь, а натуральная сказка. Я тогда, наверное, и в семнадцатый век сдернул бы не с таким энтузиазмом.

Но возможности повлиять на парламентский процесс появились у меня только здесь, и следовало уточнить, как именно ими пользоваться. Причем начать, как и положено, с рассмотрения максимального ожидаемого результата. На что он может быть похож?

Итак, парламент собирается принять решение о войне или мире, одинаково судьбоносное как для России, так и для Швеции. Причем шведы там есть, и в немалых количествах. А русских – ни одного! Непорядок. Значит, надо как-то отправить на заседание своих делегатов. Не очень много, Преображенского полка плюс батальона осназа Ост-Австралийской компании парламентариям вполне хватит. И можно быть уверенным, что в таком случае они примут самое что ни на есть взвешенное решение. Осталось только продумать детали данного делегирования, и проблема будет решена.

Кроме всего прочего, следовало показать мировому сообществу, что в данный момент Швеция поступает не очень правильно. Вот возьмем, например, Россию с Турцией. Эти страны спокон веку относились друг к другу хуже, чем кошка к собаке. Но, как только обе они установили нормальные отношения с Австралией, процесс тут же вошел в цивилизованные рамки. Грубо говоря, теперь требовалось получить наше согласие, прежде чем начинать пакостить соседу. А мы его даром никогда не давали, так что противоборствующие стороны старались разрешить конфликты как-нибудь подешевле. То есть с минимальными разрушениями и потерями.

В войне за испанское наследство все воюющие стороны опирались на поддержку Австралии, причем, как правило, они заручились ей заранее. А тут какая-то, извините за выражение, Швеция ведет себя так, будто в мире вообще нет никаких великих держав, кроме нее! Такие поползновения необходимо давить в зародыше, в этом мы с Ильей были абсолютно солидарны.

Способ же делегирования наших представителей в Стокгольм был уже не только давно придуман, но и столь же давно опробован, показав прекрасные результаты. Произошло это в одна тысяча восемьсот девятом году, автором же идеи был лично царь Александр Первый. Что интересно, когда он предложил воплотить ее в жизнь командующему соответствующей группы войск генералу Кноррингу, тот отказался, сочтя задачу трудновыполнимой. Посмотрел бы я на теперешнего генерала, ляпнувшего подобное в ответ на приказ Петра! Впрочем, и в Австралии было бы почти то же самое. Разница лишь в том, что русский царь такого генерала повесил бы, а австралийский император – расстрелял.

Но Александр как-то не ощущал всей прогрессивности подобных методов воспитания генералитета, так что он просто поручил операцию Барклаю де Толли. Который хорошо понимал, что такое дисциплина, в силу чего, получив приказ, ответил "есть!" и приступил к

подготовке операции. Времени было очень мало, но он блестяще справился и с ее подготовкой, и с проведением. Меньше чем через месяц, седьмого марта, жители Стокгольма были разбужены громом русских орудий. Беспрецедентный марш тридцати тысяч человек при тридцати восьми орудиях по льду Ботнического залива завершился у стен шведской столицы, что очень способствовало скорейшему окончанию войны со Швецией и, в качестве бонуса, присоединению Финляндии к России.

Разумеется, наши условия несколько отличались от тех, в которых пришлось действовать Барклаю и его войскам. Но, что характерно, в обе стороны. В одном задача была явно труднее – мы не могли позволить себе стартовать с территории Финляндии, и, значит, путь даже в самом благоприятном случае оказывался раза в полтора длиннее. Зато у нас было достаточно времени на подготовку – как минимум год. Наконец, сейчас для душевной беседы с господами парламентариями вовсе не требовалось тридцатитысячного войска. Карл почти подчистую выгреб из Швеции всех, способных держать ружье, и, по моим прикидкам, для одоления оставшихся там малочисленных и разбросанных по стране частей хватит десяти тысяч человек. Правда, пушек надо побольше, а еще минометов, но для чего, спрашивается, заводы компании работают в Донецке в две смены?

Во исполнение этих планов, хоть он о них и не подозревал, Петру нужно было к следующей осени отвоевать шведскую Эстляндию вплоть до Таллина, который сейчас назывался Ревель. Но он и сам собирался заняться именно этим, да еще раскатывал губы на Ригу. Но тут, я думаю, Свете удастся уговорить царя немного повременить. Пусть у шведов останется какой-то плацдарм, где они смогут сосредотачивать войска для отвоевания в зад своей будущей Эстонии! Чем больше они их там сосредоточат, тем меньше останется в Стокгольме. С этой точки зрения то, что Карл не убит, а только ранен, может оказаться даже хорошо. Как минимум всю весну он не сможет командовать, а за это время Петр успеет закрепить и развить достигнутые успехи. Зато потом, дай бог, шведский король оклемается и начнет строить планы по восстановлению статус-кво. И уж он-то сможет выдавить из парламента максимум людей и оружия, да так, что в Швеции останутся одни полицейские или кто там сейчас вместо них. Но надо, чтобы требования короля упали на подготовленную почву, и, значит, мне пора отправляться в оранжерею посольства. Послушать лирическое пение попугаев и еще каких-то столь же визгливых птичек с красными брюшками, полюбоваться на цветочки, духовно очиститься...

Ну и побеседовать с одним интересным человеком. Потому как после смерти Вильгельма его верный камердинер, господин Мосли, остался безработным. Но отец Юрий из самых что ни на есть христианских побуждений вошел в трудное положение пожилого человека и предложил ему место главного садовника при посольстве. Как и следовало ожидать, господин Мосли с благодарностью принял это предложение. Правда, не безоговорочно, а с условием, что вся его деятельность, а так же усилия людей, с ним связанных, никогда не будут направлены во вред Англии. Про ее союзников Натаниэль не был столь категоричен, но выторговал себе право на особое мнение в каких-либо исключительных случаях. Так что перед беседой про Швецию мне придется познакомить посольского садовника с итогами бесед со Стюартом, благо о самом факте нашей встречи он уже наверняка знал.

Мы уселись на лавочку под каким-то фикусом, после чего я предложил Натаниэлю почитать стенограмму разговора с будущим американским королем.

– М-да, – хмыкнул он, протягивая мне прочитанные бумаги, – очень познавательно. Я бы, наверное, не рискнул изображать перед этим идиотом столь бурное преклонение перед его гениальностью, но, кажется, он принял все за чистую монету. Насколько я понял, вы ввели меня в курс дела во исполнение третьего пункта наших договоренностей?

В этом самом третьем пункте говорилось, что отец Юрий будет ставить его в известность о всех операциях, могущих серьезно повлиять на обстановку в Англии.

– Совершенно верно, но надо уточнить, что имеется в виду подпункт "а" – то есть

планируемая операция скорее всего принесет пользу вашей стране. А если вы решите ее поддержать, то разговор будет только о том, насколько эта самая польза окажется велика.

– Слушаю, – флегматично кивнул Мосли.

Я уже знал, что он не считает английские колонии в Новом свете столь уж жизненно важными для Англии. Его, как и недавно почившего короля, куда более волновала Индия.

– Итак, – начал я, – имеется, как вы правильно заметили, идиот. Но он, зараза, упертый и деятельный! Причем ужасно хочет поцарствовать хоть где-нибудь. Если пустить дело на самотек, то можно догадаться, что в ближайшее время у Англии не будет ни одного врага, которому онный Стюарт не предложил бы союз и свою кандидатуру в качестве знамени. Сейчас он паразитирует на Людовике, но тот, кажется, уже начал в нем помаленьку разочаровываться. А вот австрийцы – наоборот, ведь война за испанское наследство когда-нибудь да кончится. Насколько я в курсе, они уже зондировали со Стюартом почву насчет ирландского престола.

То, что это произошло в общем-то с моей подачи, я пока решил не афишировать, а продолжил:

– Оно вам надо – новое восстание в Ирландии?

– Не очень, но ведь и восстание в Америке тоже не подарок.

– А вот здесь позвольте с вами не согласиться. Что дают вашей стране колонии в Новом Свете? В основном хлопок и сахарный тростник, которые вы получаете в обмен на продукцию английской промышленности и товары из Индии. Насколько я знаю, главными образом чай. Но при этом Англия вынуждена держать там свои войска, да еще и снабжать их. Они вам в Европе лишние или в Индии? Получив независимость, бывшие колонии вынуждены будут продавать вам то же самое, а цены можно будет даже немного уменьшить.

– Каким образом?

– Например, пригрозив в противном случае признать и даже материально поддержать северные области, которые вряд ли воспылают желанием лечь под Якова. Но самое главное – тем или иным способом, но американские колонии все равно отделятся от Англии, потому как ни к чему другому ее теперешняя политика привести не может.

Мосли снова кивнул, потому как примерно это говорилось в докладе, который он составлял для Вильгельма несколько лет назад. Я же подытожил:

– У нас в Австралии есть поговорка – "не можешь предотвратить – возглавь". Вот я предлагаю вам принять участие в руководстве борьбой колонистов за свои свободы. Там, конечно, будут и наши люди, но не очень много, да и следить они станут, естественно, за соблюдением в первую очередь австралийских интересов. Но неужели вы хотите оставить молодую, только что образовавшуюся страну вовсе без своего отеческого внимания?

Мосли рассмеялся.

– У вас несколько необычные аргументы, но, кажется, достойные внимания. Давайте вернемся к этому разговору недели через полторы-две. А теперь позвольте поинтересоваться – я правильно понимаю, что следующим пунктом нашей беседы должна стать Швеция? Да? В таком случае, вот, возьмите – это обзор текущего состояния ее армии. Тут и принципы комплектования, и краткие характеристики генералов, и много чего еще. Когда вы ознакомитесь с документами, я отвечу на возникшие у вас вопросы.

– Собственно, один у меня уже есть. Могут ли ваши люди где-нибудь поделиться сведениями, и так, чтобы это быстро дошло до Стокгольма, что коварные русские собираются завоевать Финляндию?

– Странно, мне казалось – царь Петр действительно не прочь это сделать.

– Все правильно, но это не первоочередная задача. Однако лично мне хотелось бы, чтобы шведы считали ее таковой. Поможете?

Мосли пообещал помочь, и на этом наша текущая встреча завершилась. Я отправился в свой кабинет, дабы составить список исследовательских работ, которые надо будет провести в Донецке за остаток этой зимы.

Пусть ребята построят и испытают буер, причем универсальный, то есть лыжно-

коньковый. Большого ажиотажа это не вызовет, ведь на железной дороге зимой периодически возникают перебои в движении. Ничего удивительного, если кому-то придет в голову использовать опыт метрополии, где, как известно, ледяные дороги с несущимися по ним буерами составляют немалую часть транспортных артерий. Только надо будет сразу разрабатывать такую конструкцию, чтобы парус легко превращался в палатку.

Кроме того, следовало экспериментально установить размер и конструкцию спиртовых горелок для обогрева этих палаток. Потому как войска Барклая шли, не разводя костров, ибо ветер был попутный, и имелись опасения, что запах дыма выдаст их противнику. Кроме того, спирт имеет большую теплотворную способность, чем дрова. Наконец, он и напрямую неплохо помогает на морозе.

Опять же нужны специальные подковы для лошадей. Бараньи шкуры для тулупов, да мало что еще...

В общем, пускай люди сходят в зимние походы продолжительностью в несколько дней, а потом прикинут, чего им в них не хватало. Мне же надо разместить в Англии еще один заказ на пошив ушанок и ватников – тут уже знали, что это зимняя форма австралийских военнослужащих, а нужна она для снабжения войск компании. Вот только могут спросить – с чего это мы вдруг решили серьезно увеличить их численность? Можно, конечно, запустить слухи о грядущей колонизации нами Гренландии, где обнаружались богатые залежи криолита. Тем более что это чистая правда – они там действительно есть, и криолит нам лишним никак не будет. Правда, для охраны будущего места разработки с запасом хватит трех десятков солдат, но англичанам-то откуда про это знать?

Хотя стоп, осенило меня. Ведь что сделал Карл в той истории, потеряв Прибалтику? Задумал поход на Москву! Почему бы и здесь ему не развернуться в аналогичном направлении? В смысле, нанести удар прямо в сердце противника. Только это будет не Москва, а Донецк – место, откуда царь Петр получает самое современное оружие. Причем, что интересно, такая мысль действительно может придти в голову шведскому королю!

Я прикинул, как будут смотреться атакующие колонны шведов через прицел пулемета. В бескрайней степи, да еще с двумя дирижаблями сверху! Ибо этой весной у компании появится второй, причем заметно крупнее первого, с грузоподъемностью в четыре тонны.

Значит, решено – запускаем слухи, что Ост-Австралийская компания серьезно озабочена грядущим нашествием шведов в свои владения. Во-первых, это неплохо объяснит как текущий заказ, так и все последующие, если они вдруг понадобятся. А во-вторых – чем черт не шутит, вдруг Карлу придут в голову именно эти соображения? Особенно после того, как ему о них расскажет шведский коллега мистера Мосли, граф Пипер.

Глава 19

Когда я уже начал прикидывать – не пора ли возвращаться в Испанию, с "Врунгеля" сообщили, что исчез царевич Алексей. То есть скорее всего сбежал, но не исключалось и похищение. Ведь его свободу никто в общем-то особо не ограничивал, и для экскурсии на берег ему требовалось только получить разрешение старшего офицера или боцмана. Так вот, пару раз он сходил туда и вернулся, а на после третьего возвращения не последовало. Каковое событие поставило меня в несколько двусмысленное положение.

С одной стороны, и хрен бы с ним, с царевичем, у нас и без него есть чем заняться. Но ведь исчез-то он не откуда-нибудь, а с австралийского корабля! Если сбежал, то это еще ничего, но вдруг его действительно украли? В этом случае мое бездействие может сподвигнуть кого-то к выводу, что людей с наших кораблей можно невозбранно воровать! А такое уже чревато, и я начал принимать меры.

Первым делом было написано письмо к королеве Анне, где я просил помощи в расследовании исчезновения нашего пассажира. А потом с той же просьбой, только выраженной устно, я обратился к господину Мосли, на которого у меня было как-то больше надежд. Натаниэль обещал помочь, а пока передал дополнения к своему обзору шведской

армии, касающиеся ее вооружений.

Вообще-то мы и сами про это уже что-то знали, ибо отец Юрий тоже не сидел без дела, но бумаги от бывшего королевского камердинера окончательно прояснили вопрос.

Карл Двенадцатый всегда уделял большое внимание вооружению своей армии, поэтому он никак не мог оставить без внимания недавно появившиеся на рынке австралийские новинки. Правда, ему сильно мешало хроническое безденежье – средств у него было едва ли не меньше, чем у Филиппа, он просто старался их рациональней использовать. Поэтому вопрос о приобретении дирижабля, даже подержанного, был похоронен практически сразу. А ведь предлагал же ему Людовик купить недавно построенную во Франции "Гасконь"! Правда, у этого замечательного небесного корабля был один небольшой недостаток – он, как бы это помягче сказать, не летал. Сразу по выходу с верфи, то есть год назад, этот аппарат совершил один полет продолжительностью в пятнадцать минут, закончившийся аварийной посадкой, и больше его не удалось поднять в воздух ни разу. Так что Карл, подумав, решил все-таки воздержаться. Зато он через третьих лиц купил пару наших пулеметов с калильным воспламенением. В какой-то битве с поляками они вроде неплохо себя показали, но тут наступила зима. И выяснилось, что при минусовых температурах количество осечек у этих чудес техники вплотную приближается к количеству зарядов в барабане. В силу чего шведская армия пулеметов на вооружении не имела.

Барабанные ружья там тоже не прижились из-за дороговизны. А вот штуцеры в армии Карла были, правда немного, около сотни. Они хоть и обходились дешевле барабанок, но все же были куда дороже обычных мушкетов. Кроме того, их серьезным недостатком являлся малый носимый боезапас. Ведь патрон для нашего штуцера представлял собой отрезок казенной части ствола с затравочной полкой для пороха, поэтому и стоил почти как тот ствол. Кроме того, он весил грамм триста, а тот факт, что штуцеры в Швеции производились кустарно, приводил к индивидуальной подгонке патронов под конкретное ружье. От другого экземпляра они к нему не подходили. Эту проблему заметили и пытались решить в Англии, но пока промышленным способом штуцеры производились только в Донеке.

Поэтому шведская армия взяла на вооружение всего два новшества – укрепленный под стволом, а не засовывающийся в дуло штык и чугунные пушки русско-австралийского образца. В общем, армия царя Петра была вооружена и то лучше, а про войска компании можно не говорить.

Через день Мосли смог пролить свет на обстоятельства исчезновения царевича. Оказывается, заслуживающие доверия люди видели его на постоялом дворе в Куинборо, причем не одного, а в компании с неким господином весьма благородной внешности. Натаниэль уточнил, что по описаниям этот самый господин очень похож на некоего барона Книппера, подвизающегося у графа Пипера в качестве агента для особых поручений.

Жаль, подумал я, с первого взгляда Алексей казался умнее. Тоже мне, нашелся предшественник Мазепы! Кстати, а как там поживает сам Иван Степанович – уже решил переметнуться к Карлу или пока пребывает в тягостных раздумьях? Пожалуй, скорее второе. Даже по датам того мира время для подобного решения еще не подошло, а в этом Северная война началась позже и развивалась по несколько иному сценарию. Но сама по себе беззаветная готовность гетмана лечь под кого-нибудь посильнее заслуживает пристального внимания. Надо будет, пожалуй, написать ему письмо. Где поздравить с приближающимся двадцать третьим февраля... или лучше сразу с восьмым марта? В общем, пожелать ему счастья, успехов в личной жизни и предложить как-нибудь встретиться.

Вскоре и Анна откликнулась на мою просьбу о помощи, пригласив меня на обед в Хемптон-Корт, где она поселилась по воцествии на престол.

Этот дворец, находящийся примерно в пятнадцати километрах вверх по Темзе от Кенсингтона, поначалу приглянулся Вильгельму, и тот велел его обновить. Однако вскоре

охладел к данной резиденции, причем, судя по сплетням, из-за обитающих там привидений. Они, заразы, почему-то во множестве прижились именно в этом Кorte. Правда, большая часть духов вела себя довольно прилично, но две дамы, Анна Болейн и Кэтрин Ковард, с лихвой компенсировали деликатность основной массы привидений своими откровенно хамскими и навязчивыми выходками. Кроме того, в самом начале восемнадцатого века активизировался ранее не замеченный в чем-то предосудительном дух Джейн Сеймур. Короче говоря, Вильгельму такая компания не понравилась, и он обитал то в Кенсингтоне, то в Виндзорском замке. А вот Анна особых неудобств не испытывала. Правда, она жила там всего ничего, но, по слухам, уже успела очень душевно побеседовать с привидением своей тезки, причем обе стороны остались довольны знакомством и явно собирались его продолжать.

К некоторому своему стыду, лично я пока ни одного привидения еще не видел ни разу в жизни. И поэтому весь путь до Хемптон-Корта, в который пустился на моторной лодке (Темза в этом году не замерзала), размышлял – удобно ли будет просить королеву разрешить остаться у нее на ночь? А если даже удобно, то не поймет ли она мои желания в несколько ином ключе? Вот уж чего мне совершенно не хотелось бы.

В общем, когда слева на берегу появилась громада королевской резиденции, было решено действовать по обстоятельствам. В конце концов зря, что ли, я скормил Анне почти треть упаковки колхицина против ее подагры? Да еще подарил пару пачек нурофена-плюс, который, как она мне уже сообщила, великолепно снимал приступы мигрени. Мне было не жалко, в Австралии этот препарат спросом совершенно не пользовался, а захватил я его с собой довольно много. Просто из соображений "не пропадать же добру", потому как в старости мне приходилось часто его есть против болей в пояснице.

Королева с готовностью согласилась помочь мне в поисках пропавшего с корабля молодого человека – скорее всего, соблазненного какими-то проходимцами, к сладким речам которых он не имел иммунитета по причине молодости и связанной с ней наивности. Во всяком случае, именно так я обрисовал ситуацию Анне, и вряд ли при этом сильно отступил от истины.

Королева сказала, что ей очень приятна моя бескорыстная забота о слабых и нуждающихся в помощи. И уточнила, что имеет в виду не только историю с Алексеем, но предоставление места садовника старому камердинеру почившего короля, без чего верный слуга Вильгельма мог бы под закат жизни остаться без средств к существованию.

Вот ведь незадача, подумал я, впадая в некоторую задумчивость. Если бы подобное сказал тот же Вильгельм, все было бы кристально ясно! А тут – хрен ее разберет, эту Анну Стюарт. Может, она на самом деле не знает, кем был в действительности Мосли при предыдущем монархе. Или все-таки подобное выходит за рамки вероятного?

Королева тем временем вручила мне заранее написанную бумагу, где содержалось указание местным властям всячески содействовать моим представителям в поиске пропавшего русского принца Алексея. Внимательно прочитав документ, я слегка прифигел, рассыпался в благодарностях и убрал его в папку. Потому как бумага была не на конкретное лицо и не имела срока действия. То есть теперь люди отца Юрия могли шнырять по всей Англии и ее колониям на совершенно официальном основании! Оставалось только пожелать Алексею спрятаться как можно глубже и не высовываться из своего убежища возможно более долгий срок. Что наверняка совпадет с планами шведов, ибо подобный козырь следует аккуратно припрятать, а не размахивать им перед противником с идиотскими воплями типа "а вот у меня что есть!".

Пожалуй, Анна все-таки не знает про основную специальность бывшего королевского камердинера, решил я, иначе не снабжала бы меня бумагой-вездеходом на предъявителя. Хотя чего еще можно ожидать от королевы, у которой нет своей личной секретной службы, а в управляемой ей стране полиция отсутствует как класс? То есть не имеется ни явной, ни тайной, ни политической, ни какой-нибудь еще. А ведь упрекают того же Петра в дикости!

Хотя у него есть как минимум две организации соответствующего толка. Да плюс жена, которая отличается неплохими организаторскими способностями и тоже не сидит сложа руки.

Далее мою собеседницу заинтересовало положение дворянства в Австралии. Надо сказать, что и мы с Ильей четыре года назад решили навести порядок в этом вопросе, так что ваш покорный слуга собственноручно и почти целый месяц подряд создавал исторический документ. Назывался он "Положение об обязанностях и привилегиях дворянского сословия Австралийской империи", датировался тысяча девяносто третьим годом до рождества Христова и был подписан лично тогдашним императором Борисом Нетрезвым. Впрочем, я созидал не утраченный в катаклизмах оригинал, а его копию образца тысяча одиннадцатого года уже нашей эры, заверенную царствовавшим в те времена промежуточным правителем по имени Димитрий Мелкий. Вскоре и копию постигнет судьба оригинала, и от документа останутся только фотографии, но пока он хранился в императорском архиве. А я, благо хорошо помнил муки творчества при его написании, начал знакомить Анну с основными постулатами этого положения. Для затравки начал с описания права первой ночи и обязанностей дворянства по его реализации.

Вообще-то оно потихоньку становилось пережитком прошлого, на сегодняшний день женщин в Австралии было всего в полтора раза больше, чем мужчин, и просматривалась дальнейшее уменьшение разницы. Короче говоря, мало общего с ситуацией времен появления Ильи на острове Чатем, когда ему как посланцу бога Ио приходилось в поте лица и без выходных днем работать на всяких стройках и производствах, да еще учить аборигенов языку, счету и письму, а по ночам трудиться над реализацией упомянутого права. Не покладая, так сказать, инструмента. Объектом же применения данного права в принципе могла стать всякая желающая, но в порядке очереди и совершив перед этим что-либо общественно-полезное. Например, наловив рыбы для школы и приготовив ее, или вскопав и засадив грядку на общественном огороде, ну и так далее. Потом, правда, появилось еще одно условие – претендентка должна была получить разрешение от простого большинства имеющихся у субъекта права жен.

Вот что-то подобное и было внесено в мое положение, а Анна, судя по ее виду, пребывала в полном недоумении, ибо в ее понимании под таким правом подразумевалось нечто почти противоположное. Но от комментариев королева воздержалась. Я же продолжал излагать уже более серьезные статьи документа, одновременно вспоминая настоящую историю нашего дворянства.

Началась она много лет назад на острове Себу, когда я, глянув на пышный наряд подошедшего встречать нашу делегацию дона Себастьяна де Вальдоре, решил, что одного адмиральского титула может показаться как-то маловато. И в полном соответствии с полномочиями, данными мне императором, быстренько произвел себя в герцоги. Лиха беда начало, и вскоре у нас появились бароны. Сначала просто, а потом с приставками "обер" и "унтер". Титул давался по совокупности заслуг, а приставка зависела от их величины. Если человек, уже бывший бароном, снова совершал что-то сильно выдающееся, он становился графом.

Личное дворянство у нас являлось просто двухлетним кандидатским сроком, а все титулы сразу были наследственными, но эта самая наследственность носила условный характер. Например, сын барона до шестнадцати лет был баронетом, то есть условным дворянином. Но по достижении этого возраста имел право подать заявление о приеме в бароны, и оно подлежало удовлетворению. Лишить же человека дворянства было довольно трудно, для этого требовалось единогласное решение императора, первого министра и пастыря.

Дворянство давало освобождение от налогов на личное потребление, право внеочередного приема во всех властных учреждениях и много чего еще. Например, судопроизводство в отношении дворян имело характерные особенности. Если, скажем,

герцог ухитрится сотворить что-нибудь этакое, оцененное судом в пять лет, то по специальной таблице наказание будет пересчитано и окажется равным строгому выговору с занесением в личное дело плюс пять тысяч рублей штрафа. Помнится, я эту таблицу долго чертил на китайской бумаге четырнадцатого века, специально раздобытой для меня почтенным Гонсало, китайской же авторучкой с золотым пером, купленной мной в шестидесятом году за шестьдесят пять рублей при демобилизации из армии.

В общем, дворяне были личными вассалами его величества, коих император обязался лелеять и защищать. Кроме того, дворяне имели преимущественное право занятии высших государственных должностей. На этом права заканчивались, и начинались обязанности.

В отличие от простого подданного, дворянин был обязан служить там, где ему прикажет император, причем без ограничений по возрасту или состоянию здоровья. И был подсуден специальному Императорскому Особому Совещанию, которое запросто могло вклеить ему как срок, так и высшую меру, причем без всяких таблиц и по сильно упрощенной процедуре.

Наконец, дворянин имел право подать заявление о выходе из рядов знати и снова стать простым подданным империи, но пока ни одного такого прецедента не случилось.

То есть данный документ являлся плодом нашего с Ильей убеждения, что весь народ империи должен жить по одному закону. А его правящая элита – по другому, значительно более суровому! Такова плата за привилегии и преференции, этой элите предоставленные.

Мой рассказ почему-то сильно заинтересовал королеву, и она, извинившись, даже сделала какие-то записи в срочно принесенной ей лакеем тетрадке. Но вскоре с повествованием о положении нашей знати было закончено, и Анна наконец-то перешла к вопросу, который, кажется, интересовал ее больше всего. Мне, кстати, тоже было бы любопытно узнать – а есть ли у нас в Австралии привидения?

Однако, будучи юридически подкованным человеком, я построил свой ответ на принципе презумпции невиновности. Раз их отсутствие не доказано – значит, они есть! Так я и сообщил собеседнице – правда, всего одним словом, опустив подробности.

Анна воодушевилась, в результате чего даже стала похожей не на старую, а просто на пожилую еврейку. И, широко раскрыв глаза, спросила, можно ли эти самые привидения фотографировать.

Тут я почувствовал себя в своей тарелке, и меня, как и моего любимого литературного героя, понесло. Королева узнала, что на обычных фотоаппаратах снимки потусторонних существ получаются очень плохо, почти никак. А все оттого, что привидения пропускают видимый свет с коэффициентом преломления, близким к единице. Но зато они поглощают инфракрасные лучи и отражают ультрафиолетовые, что позволяет легко зафиксировать их присутствие при помощи соответствующей аппаратуры.

Потом я еще долго что-то плел об оптических осях в астрале, но, увидев, что собеседница полностью потеряла нить моей мысли, закруглился, ибо и сам был близок к тому же.

В общем, по результатам нашей беседы королева получила обещание, что необходимая аппаратура и специалисты по ее обслуживанию будут доставлены из Австралии со всей возможной скоростью. И уже поздним вечером, вернувшись в посольство, я лично отбил длинную радиограмму Илье. Кроме чисто технических вопросов, там содержалась и просьба написать небольшой курс для нашей разведшколы. Потому как аппаратура – это, конечно, святое. Но ведь должны же быть и подготовленные объекты для ее применения! Не ждать же, когда какой-то там дух не пойми кого соизволит явиться под объективы.

И, значит, во исполнение этих соображений в школе имени Штирлица на днях появится новый предмет – краткий курс молодого привидения.

Глава 20

В конце февраля "Врунгель" поднял якоря и двинулся вниз по Темзе – испанской

королеве пора было снова показаться в медсанчасти. Настроение у меня было безоблачным, прямо так и хотелось сделать кому-нибудь приятное – например, за копейки продать французам зенитную пушку, до которой англичане уже кое-как додумались сами, а подданные Людовика все еще телились, в то время как английские дирижабли все больше нагнали. Или австрийцам десяток улучшенных и облегченных пулеметов, а то больно уж лихо их шерстит герцог де Виллар. Причиной же моего душевного подъема стала полученная перед самым отбытием личная радиограмма от Ильи, текст которой гласил:

"Все, можешь не волноваться, подробности при встрече".

Как нетрудно догадаться по тексту, данное сообщение снимало камень с моей души. Лежал же он там довольно давно и, кроме того, с годами демонстрировал тенденцию к росту. Потому как мы тут, можно сказать, лезем из шкуры, строим великую империю, а что в это время происходит в двадцать первом веке покинутого нами мира?

Ведь там, например, кто-нибудь шибко умный и не очень стесненный в средствах сможет повторить однажды сделанное Ильей открытие. И что тогда будет? Вот уж точно ничего хорошего для нашего мира, тут можно не сомневаться. Потому как наличие немалых средств там практически однозначно означает отсутствие совести. Про Россию я это знал точно, сам одно время вертелся не очень далеко от тех кругов, а про остальные страны сильно подозревал. Правда, не обязательно средства будут именно у ученого, они могут быть предоставлены спонсором, но такой вариант еще хуже. Потому как никакой спонсор не станет выкладывать не то что последнее, а хотя бы десятые доли своего состояния. Что означает такую его величину, при которой не только про совесть, а даже про человекоподобие говорить затруднительно.

И вряд ли тот факт, что между мирами можно путешествовать только в один конец, нам сильно поможет. Мало ли там людей с большими деньгами, которым срочно надо куда-нибудь сбежать? Здешняя реальность для этого подходит как нельзя лучше. А даже если и не сбежать, то все равно. Неужели никому не захочется поменять место олигарха там, на котором он вынужден регулярно вылизывать анус власти, на место мирового господина здесь? А это вполне может получиться, если наwerbует пару-тройку тысяч головорезов, как следует их вооружит и потом не потеряет над ними контроль.

Да, мы развиваемся куда быстрее того мира. Да, в последние двадцать лет прогресс там почти остановился, если не считать таковым регулярное появление новых мобильных и ноутбуков с хитрыми названиями. Но все равно разрыв больно уж велик! Нам бы лет двести спокойного развития, вот тогда мы будем готовы к встрече незваных гостей.

Илье тоже не нравилась подобная перспектива, и он постоянно работал над уточнением своей теории. Помните, при первом плавании в Европу я обнаружил в Индийском океане островок, которого там просто не должно было оказаться? Илье этот факт очень помог. И недавно он окончательно пришел к выводу, что к моменту его переселения этот мир был не точной копией нашего прошлого в соответствующее время, а самостоятельным, просто чрезвычайно похожим. Далее мой друг предположил, что чем более тождественны миры, тем проще перемещение между ними, и наоборот. Но ни экспериментального подтверждения, ни тем более числовых параметров потребного сходства до недавнего времени не было. Радиограмма же означала, что теперь они есть. И можно не волноваться – мы настолько изменили этот мир, что из покинутого нами сюда уже никак не пролезть.

Перед тем, как двигаться в Испанию, "Врунгель" взял курс к нашей базе в архипелаге Силли. Во-первых, там он дозаправится углем. Неважно, что старый запас не был использован и наполовину – мало ли что может случиться и куда после этого придется плыть! А во-вторых, по радио сообщили, что на базу уже прибыл де Тасьен. Он должен был получить новую турбину и котел высокого давления для своего дирижабля, потому как два корабля с вином, сукном и медью, то есть оплатой заказанных запчастей, достигли Ильинска и встали под разгрузку. Массовые завозы людей мы уже не практиковали, хотя, конечно, ценные специалисты продолжали считаться желанными гостями. И теперь Людовик

вынужден был сократить аппетиты, потому как платить за наше оружие и запчасти ему было почти нечем. На приколе стояли девять французских дирижаблей, но необходимые запчасти были заказаны только для одного, легендарной "Франции", символа могущества французского Небесного флота.

Уже не виконт и первый лейтенант, а граф и младший адмирал Александр де Тасьен взошел на борт "Врунгеля" сразу после того, как наш крейсер пришвартовался в гавани острова Сент-Агнес, и дежурный офицер сразу проводил его в мою каюту. Самый результативный ас этого мира, ибо только у него на личном счету имелся сбитый дирижабль противника, был хмур и трезв, как стеклышко. Поэтому первым делом мы с ним в темпе исправили это досадное недоразумение, приняв по сто грамм, после чего я распорядился подавать обед, а де Тасьен приступил к своему невеселому рассказу.

После своего знаменитого воздушного боя он ухитрился без повреждений посадить неуправляемый дирижабль, и, пока тот стоял без турбины и котла с водяным баком, летал на "Беарне".

– Ваша светлость, вы даже не представляете себе, что это за кошмар! – жаловался мне новоиспеченный адмирал. – Только после моего личного обращения к его величеству этому недоразумению заменили два бумажных баллонета на шелковые. Всего два из пяти! И требовали, чтобы я летал не только на разведку, но и бомбил Дувр. Что делать – пришлось. Пятидесятикилограммовыми бомбами, коих можно было взять две штуки.

– А почему так мало, ведь для полета к Дувру нужно совсем немного горючего? – поинтересовался я.

– Да потому что бумажный баллонет весит на шестьдесят кило больше, чем шелковый, а водород в нем держится всего часа полтора. И этот чертов мешок не сжимается от утечки, как ваши, а набирает воздуха! Почему мы с Пьером до сих пор не взорвались, мне решительно непонятно. Эх!...

Тут де Тасьен потянулся было к бутылки, но глянул в мою сторону и убрал руку.

– Дорогой граф, не обращайтесь на меня внимания! – спохватился я. – Далеко не каждый может похвастаться столь богатырским здоровьем, как ваше, а мне к тому же еще не удалось полностью оправиться от раны, нанесенной в Испании. Так что наливайте себе не стеснясь и по потребности, а я вас поддержу чисто символически, на доньшке.

Повеселевший адмирал не заставил себя упрашивать и, произнеся тост за мое здоровье, лихо махнул еще сто грамм спирта. После чего вернулся к предмету разговора:

– Его величество поручил мне спросить, что еще во Франции может заинтересовать Австралию настолько, чтобы продолжить поставки военной техники, в основном для небесного флота. Ибо, это я вам говорю уже от себя, моя карьера висит на волоске. Хотя, конечно, мне даже хотелось поблагодарить англичан, когда их дирижабль совершил налет на аэродром в Руане и четырьмя бомбами разнес проклятый "Беарн" в щепки. Но ведь мы не можем им ответить тем же, вот в чем неприятность. На английской базе под Лондоном появились какие-то пушки, стреляющие вверх почти на километр! На "Франции" я поднимался и выше, причем с грузом, а эти...

Тут собеседник горестно махнул рукой.

– Попробуйте поросенка, – предложил я ему, – по-моему, сегодня наш кок превзошел сам себя. И что же вы, мой друг, сразу не сказали, что это не только пожелание Людовика, но и ваша личная просьба? Вы же знаете, для вас мне ничего не жалко. Например, недавно мы получили из Австралии новейшие зенитные пушки. Они бьют не на километр вверх, как английские, а почти на полтора. Хотите, уступлю вам одну с полуторным боезапасом? Чтобы англичане не наглели, а то вдруг им придет в голову разбомбить еще и вашу "Францию".

Де Тасьен тут же отцепил от пояса кошелек и высыпал на стол его содержимое.

– Сорок пять двойных луидоров – это все, что у меня есть, – уточнил он.

– Зато вы духовно очень богаты, – утешил я его, – и, разумеется, вам будет предоставлена рассрочка на недостающую сумму. На тех же условиях, что и за пулемет. И

вообще, у нас в Австралии говорят – "не имей сто рублей, а имей сто друзей". Так вот, в знак нашей дружбы я готов даже пойти на некоторые убытки в торговле с Людовиком. Так уж и быть, согласен заключить контракт по предоплате картинами. Их же много в Лувре и Версале? А ведь по мере развития искусства фотографии ценность картин будет падать. Вот мне несколько лет назад Вильгельм расхваливал картину какого-то Леонардо да Винчи, на ней изображена дама по имени Монна Лиза. Хорошо, если Леонардо смог нарисовать ее хоть сколько-нибудь похожей, а если нет? Мы же этого не знаем. А фотография воспроизводит объект совершенно точно.

– Это такая обнаженная, с пышными формами и на морском берегу? – проявил эрудицию собеседник.

– Нет, она ко всему прочему еще и одета, а фоном вроде бы служат какие-то горы. В общем, ничего особенного, однако из уважения к вам я готов дать за эту картину три... нет, пожалуй, все-таки два баллонета. Но зато они модернизированные, повышенной герметичности и весят на пятнадцать кило меньше старых. А насчет обнаженных, да еще на морском берегу... Знаете, давайте-ка я подарю вашему королю вот это, а то ведь черт знает на что приходится смотреть его величеству.

С этими словами я достал из сейфа лист большого настенного календаря с отрезанными датами, но зато с двумя обнаженными красавицами на фоне пальм и прибоа.

Де Тасьен восхищенно хрюкнул, а я продолжил:

– Вот, возьмите, пусть сравнит с тем, что у него есть. Ну, а мы кроме этой самой Лизы готовы принять еще какие-нибудь работы да Винчи. Потом вроде был такой Тициан, тоже довольно неплохо рисовал. И у Рембрандта встречаются вполне терпимые картины. В общем, передайте его величеству мое предложение. И, может, примем еще по чуть-чуть? За грядущие успехи Небесного флота Франции.

Де Тасьен быстро умял порцию поросенка и, пока я расправлялся со своей, взял посмотреть спецификацию на новую турбину. Дойдя до цифр мощности и оборотов, он удовлетворенно хмыкнул, но потом на его челе отобразилась напряженная работа мысли, а затем мне был выдан ее результат:

– Ваша светлость, позвольте посомневаться, что старый винт будет нормально работать с новой турбиной.

Гляди-ка, подумал я, вот до чего повысилась техническая грамотность среднего французского дворянина! После двухсот грамм спирта в уме делает хоть и приблизительный, но все же расчет режима работы воздушного винта. Этак у них скоро даже самый последний академик будет знать не только таблицу умножения, но и правила извлечения квадратных корней.

Отодвинув пустую тарелку, я ткнул пальцем в самый конец документа, где говорилось, что в комплект поставки входит четырехлопастный винт, и де Тасьен успокоился. В ознаменование чего принял еще полстопки и продолжил посвящать меня в особенности конструкции дирижаблей французской сборки.

Выяснилось, что они были заметно тяжелее своих австралийских аналогов не только из-за бумажных баллонетов. Сам корпус, хотя вроде бы делался один в один с оригинала, весил примерно на полтора кило больше. В результате перед пилотами стоял простой выбор – брать можно либо полный запас горючего, либо груз, а и то и то не получалось. Правда, французы все-таки один раз, при постройке "Гаскони", попробовали не выйти за лимит веса. И вроде это у них получилось, но в первом же полете треснула килевая балка, да еще пропорола при этом центральный баллонет. В общем, только опыт и хладнокровие экипажа плюс немалая толика везения позволили завершить полет не падением с последующим взрывом, а хоть и аварийной, но все же посадкой.

Потом килевая балка была склеена и усилена, но при наполнении дирижабля водородом треснула снова, уже в другом месте и еще до подъема в воздух. Ее опять подклеили и усилили, теперь уже боле основательно, в результате чего дирижабль оказался

настолько перетяжеленным, что вообще не смог оторваться от земли.

– Наш клей не идет ни в какое сравнение с вашим, – пожаловался адмирал. – И лак никуда не годится, ложится неровно, весит много и постоянно облезает.

Войдя в рассуждение проблем собеседника, я подарил ему бочку эмали, который в зависимости от степени разведения мог служить и клеем, и лаком, и две бочки ацетона. Пусть поскорее вводит в строй свою "Францию", а то последнее время англичане летают так, будто никакой войны вокруг вообще нет. Хватит им халявы, тем боле что как приобретение квалификации, так и закалка характера возможны только в процессе преодоления трудностей.

– Если не секрет, вы направляетесь в Испанию или еще куда-то? – поинтересовался адмирал, отхлебывая пиво.

– Да, а вы что, тоже собираетесь в те края?

– В том-то дело! Скажу по секрету – до нас дошли сведения, что англичане собираются захватить крепость Гибралтар, которая контролирует пролив. Франция не может послать н помощь флот и тем более сухопутные войска, но его величество решил сразу по завершении ремонта отправить на помощь испанцам "Францию".

– Так вы, получается, будете воевать совсем рядом с нашей стоянкой! Вот, гляньте карту, тут и ста тридцати километров не наберется. Надеюсь, вы не собираетесь сильно шуметь по ночам? А то, знаете, у нас на "Врунгеле" народ не любит, когда ему мешают спать. Кстати, если будет настроение, залетайте в гости, я вам всегда рад. Мы вас и водородом дозаправим в случае чего, и спирта дольем, не сомневайтесь. Только причаливайте не к самому кораблю, а на берегу, ближе к королевской резиденции, я заранее распоряжусь установить там мачту.

Ведь действительно, подумалось мне, у нас тут идет уже седьмой год восемнадцатого века, а англичане до сих пор не удосужились захватить эту скалу! Правда, сама война за испанское наследство моими стараниями началась чуть позже, но это не оправдание. Хотя, с другой стороны, а зачем она им нужна? Мало ли как потом сложатся международные отношения. Вдруг лет через пятьдесят со скалы шарахнут из пушек по мирно проплывающему по своим делам австралийскому сверхдредноуту? И неважно, что не попадут, а если вдруг случайно попадут, то не нанесут никакого вреда. Важен сам принцип! В общем, не помешает предупредить испанцев. Людовик, наверное, уже послал гонца, но сколько времени он будет добираться? А у нас есть более совершенные способы связи. Ведь для наблюдения за королевой в Севилье осталась медсестра, а при ней пять человек для охраны и небольшая рация на всякий случай. Опять же в окружении короля Филиппа теперь есть люди, которые внимательно выслушают все, что им скажут, и донесут до короля необходимые сведения. Не считая того, что медсестра обязательно побеседует с королевой, а та, понятное дело, со своим благоверным. Хотя, конечно, испанцам все равно не удастся отстоять свою скалу, несмотря на поддержку с воздуха. Но пусть хоть отдадут ее не сразу и не задаром, а после ожесточенного сопротивления! В общем, мое дело – предупредить Филиппа, а дальше пусть он сам думает.

Что интересно, король действительно придумал, и довольно интересную вещь, но о ней я расскажу чуть позже. А пока мне пришлось ненадолго отвлечься от своих мыслей, потому как уже начавший прощаться де Тасьен вдруг спросил:

– Но все же, ваша светлость, поясните мне – зачем вам понадобились картины из Лувра? Они же не идут ни в какое сравнение с вашими фотографиями, это я могу сказать совершенно точно.

Тут адмирал осторожно помахал свернутым в трубку календарем для Людовика.

– Все очень просто, дорогой граф, – объяснил я. – Мы поместим их в музей. И если в какой-нибудь школе ученики будут без должного внимания относиться к постижению основ искусства фотографии, устроим им экскурсию. Мол, смотрите, сколько труда и, главное, с какими скромными результатами было затрачено на изображения – и все только оттого, что люди не умели обращаться с фотоаппаратом.

Глава 21

Наш крейсер, подойдя к берегам Испании, не сразу начал подниматься вверх по Гвадалквивиру. Дело в том, что рейсовый клипер из Ильинска шел с опережением графика, и появилась возможность встретиться с ним перед продолжением визита к испанским величествам. Но так как этот корабль имел маломощный двигатель, предназначенный в основном для маневрирования в портах, идти вверх по реке ему было неудобно. Вот мы и ждали гостя неподалеку от порта Сан-Лукар. Говорят, именно отсюда отправился в свое знаменитое плавание Магеллан, но сейчас, пожалуй, он наверняка выбрал бы другое место. И порт, и городишко при нем производили жалкое впечатление.

Клипер вез почти миллион австралийских рублей, из которых я собирался взять около половины. И, кроме того, несколько десятков ограненных розовых алмазов – продукцию нашего первого прииска в Кимберли на западе континента. Так как в Южной Африке места с таким названием еще не было, мы без особых затей использовали топонимику моей карты с залежами всяких полезных ископаемых. Кстати, таких камней больше почти нигде в мире не добывалось – не только сейчас, но и в двадцать первом веке. То есть кое-где среди обычных иногда, причем очень редко, встречались розовые. А у нас их почти сразу начали добывать десятками. Чего же вы хотели – чтобы австралийские алмазы были копиями всех прочих? Нет уж, в нашей великой империи драгоценные камни в большинстве своем уникальны. И, значит, от меня теперь требовалось сформировать спрос именно на розовые алмазы, причем так, чтобы их цена заметно превышала цену обычных бесцветных, желтых и...какие они там еще есть? Кажется, голубые. Во всяком случае, мне в свое время довелось прочитать рассказ Конан-Дойля "Голубой карбункул", но вот был ли тот карбункул алмазом, я не помнил.

Стоянка в порту отправления Магеллана получилась недолгой, клипер пришел к следующему полудню. Перегрузка ценностей заняла совсем немного времени, и я уже собирался командовать подъем якорей, когда на борт явился гонец от Филиппа с вопросом, что это мы тут встали. Уж не случилось ли чего?

Гонцу было сказано, что с австралийскими кораблями всякие "чего" не случаются, встали мы по делу, а на месте нашей предыдущей стоянки будем завтра к обеду. Спрашивать, как дела у Филиппа, я не стал, потому что и так знал это уж всяко лучше гонца.

Переход же вверх по Гвадалквивиру был отложен, ибо выяснилось, что король нас давно ждет. Явимся мы туда вечером, так он начнет набиваться в гости или, что еще хуже, сам пригласит меня. А я сегодня собирался лечь спать пораньше.

Мы прибыли как раз к обеду. Так как королеве пора было показаться в медсанчасти, то их величества решили нанести мне визит первыми.

В память о покушении королевскую свиту сразу по вступлении на борт крейсера обыскали и ощупали бойцы охранного взвода. Данная мера была встречена хоть и без особого восторга, но с пониманием – это я говорю про мужчин. Большинству же дам процедура откровенно понравилась.

Пока королева сдавала анализы, мы с Филиппом поговорили про грядущий отъезд Гибралтарской скалы у Испании.

– Значит, вы считаете, что отстоять крепость нам не удастся? – счел нужным уточнить король.

– Увы, – кивнул я, – даже прилет очень неплохого дирижабля, пилотируемого лучшим асом Европы, вряд ли изменит ситуацию. Просто оборона затянется, что будет означать увеличение ваших потерь, вот и все.

– Да, мои советники говорят мне то же самое, – вздохнул молодой монарх. – Однако давайте поговорим о более приятных вещах. Ваше лечение – это просто чудо! Мария-Луиза никогда не чувствовала себя столь хорошо. В ознаменование чего примите, пожалуйста, мою искреннюю благодарность. Но она у королей обязана иметь вещественные формы,

поэтому...

Король извлек из футляра, напоминающего небольшой тубус, свернутые в трубку бумаги с печатями и шнурками.

– Вы ведь не откажетесь принять от меня еще и графский титул, в добавление к тем, что у вас уже есть?

– Разумеется, не откажусь. Вот только, если не секрет, в какие именно графы вы меня произвели?

– Какие от вас могут быть секреты?

Филипп развернул свои бумаги.

– Вот мой указ о создании в составе Испании еще одного графства – Гибралтарского. Вот карта, где я собственноручно обозначил его границы и скрепил своей подписью. И вот указ о пожаловании герцогу Алексу де Ленпроспекто и его потомкам данного графства в вечное ленное владение. С правом установления и сбора любых налогов помимо тех, что собираются в королевскую казну.

Однако его величество нашел неплохой выход, вынужден был признать я. Гибралтар остается в составе Испании, пусть в настоящее время и чисто номинально. Правда, зная тенденции развития истории, можно предполагать, что подобное положение дел сохранится лет триста, но вряд ли Филипп смотрит так далеко. Его мысли просты и незатейливы. Господа англичане вдруг захотели скалу, контролирующую вход в Средиземное море? Так пусть отнимают ее у герцога Алекса!

Правда, в ипостаси графа Гибралтарского я становлюсь вассалом испанской короны. Ну и в чем дело? Мне же при случае будет совсем нетрудно вспомнить, что вообще-то меня зовут герцог Романцев! И вести себя соответствующе. Впрочем, это можно обдумать и в более спокойной обстановке, а пока...

Я достал из ящика стола бумажный пакет и вытряхнул на стол розовые алмазы.

– Ваше величество, не откажитесь в ответ принять скромный подарок. Так, какой из них самый крупный – этот или вон тот? В общем, выбирайте. Это довольно ценные камни, у нас их называют снежными алмазами.

– Неужели? – оторопел король. Кажется, он уже слышал про это чудо австралийской минералогии. – Но почему – у вас что, снег такого цвета?

– Нет, просто они добываются вблизи Южного полюса, среди вечных снегов и льдов. Не знаю, в курсе ли вы, но у подобных камней есть интересное свойство. Если снежный алмаз распилить вдоль трансцендентной оси, то получившиеся половинки обладают алхимическим сродством.

– Но мне говорили, что вывоз этих камней из Австралии строгойше запрещен!

– В какой-то мере так оно и есть. Но не всех, а только тех, что крупнее ста восьмидесяти семи карат. Дело в том, что воздействие на сродственную половину передается не целиком, а с затуханием, которое зависит от размера кристалла. Чем он больше, тем затухание меньше. Для экземпляров от шестисот пятидесяти карат и выше оно неотличимо от единицы. Половинки двухсоткаратного алмаза обеспечивают передачу воздействия с затуханием в двадцать децибел. Сто восемьдесят семь – тридцать. Стокаратный камень вроде вот этого будет иметь шестьдесят, а для более мелких у меня нет данных. Так что ценность моего подарка в основном ювелирная, хотя, конечно, при очень большом желании его можно использовать и для связи.

Король, судя по его виду, судорожно пытался запомнить слово "децибел", чтобы потом спросить кого-нибудь про его значение. Правда, Филиппу вряд ли это так просто удастся. Потому как до появления на свет Александра Грэхема Белла, в чьей лаборатории родились эти единицы, оставалось сто сорок лет. Хотя, с другой стороны, Непер не только давно родился, но и успел умереть, перед этим опубликовав свои труды, а перевести децибелы в неперы нетрудно.

– Э-э-э... – сглотнул король, – а где у него та самая трансцендентная ось?

– Ну, ее-то определить совсем просто. Если посмотреть на кристалл в

ультрафиолетовых лучах, то можно без труда увидеть внутри темные пятнышки. Это так называемые зоны поглощения. Определяете три самых крупных, мысленно проводите через них плоскость, и можно начинать пилить. Допустимое отклонение по углу – плюс минус ноль целых семьдесят семь сотых градуса. Максимальная ширина распила – одна девяносто вторая от длины кристалла. Если этого не соблюсти, никакой передачи вообще не получится. В общем, берите вот этот – он, кажется, все-таки немного покрупнее. И большое спасибо за графский титул.

С этими словами я ссыпал оставшиеся алмазы в пакет и убрал в стол. Ну, если теперь цена на них не взлетит до небес, то тогда этих европейцев вообще ничем не пронять. Однако интуиция мне подсказывала, что взлет обязательно будет. Так что пусть покупают, потом пилят, убеждаются, что параметры соблюсти не удалось, потом снова покупают, но уже дороже...

Главное – не уронить цены неумеренным предложением, но с этим мы как-нибудь справимся.

Ближе к вечеру я повнимательнее рассмотрел и прочитал королевские бумаги. Надо сказать, что Филипп не поскупился и отвалил мне кусок, по площади примерно вчетверо превышающий тот, что в нашей истории приватизировали себе англичане. Более того, к нему прилагался участок пролива в радиусе пяти километров от крепости. Надо обозначить его бакенами и сделать движение платным, подумал я. Собирать деньги будет гарнизон крепости, а то ведь иначе их придется платить мне, на испанскую казну надежда слабая. А это еще что за картинка?

Оказалось, что к указу о производстве меня в графы прилагался рисунок герба. В самом верху красовалась корона – простенькая, но зато аж с девятью видимыми зубьями, то есть вообще-то их или шестнадцать, или восемнадцать. Ниже на фоне какой-то тряпки красовался зверь, похожий на жабу, но красный и сильно зубастый. В лапе он держал палку, причем так, будто собирался бить ей маленького негра с белой повязкой, приткнувшегося сбоку. В общем, так себе картинка, я бы, пожалуй, сочинил не хуже. Потому как уже приходилось заниматься прикладной геральдикой – в частности, лет восемь назад Илья заставил меня сесть и придумать свой герцогский герб.

По-моему, он вышел неплохо. Вместо короны, как было положено в Европе, я изобразил шляпу с золотой ленточкой. Правда, у меня получилось что-то похожее на котелок, но художник, создавший канонический рисунок герба по моим наброскам, поправил это дело, а от себя добавил страусиное перо.

Под шляпой располагался австралийский флаг, а на его фоне – перекрещенные револьвер и гаечный ключ.

Илья, увидев результат моих творческих потуг, в общем остался доволен, но сказал, что тут не помешает какой-нибудь девиз. Я с ходу предложил "подите вы все на хрен", но потом согласился, что это выглядит излишне прямолинейно, и теперь мой герб украшала надпись "все свободны".

Прикинув ситуацию, я решил, что теперь неплохо бы иметь какой-нибудь знак, ясно показывающий, кто я в данный момент такой. А то вдруг до меня, как до графа Гибралтарского, докопается какой-нибудь испанский вельможа познатнее? Объясняй ему потом, что в рыло-то он схлопотал от герцога де Ленпроспекто. В силу каковых причин к мундиру не помешает и значок с гербом. Точнее, сразу с двумя. Сделать механизм, чтобы он одним щелчком переворачивал пластинку, на одной стороне которой будет графский герб, а на другой – герцогский.

Через полчаса я уже набросал эскиз требуемого механизма. В нормальном состоянии, то есть со спущенной пружинкой, он будет демонстрировать окружающим герб со шляпой, револьвером и гаечным ключом. Зато если пластинку повернуть, то она встанет на защелку, а пружина взведется, и окружающие узрят графа Гибралтарского. Но если кто-нибудь

вздумает злоупотребить тактичностью, воспитанностью и даже, чем черт не шутит, еще и кротостью, кои я буду демонстрировать в этом качестве, его ждет сюрприз. Совсем легкое касание штырька, щелк – и перед нахалом австралийский герцог Алекс Романцев, а это подразумевает уже совсем другие реакции.

В корабельной мастерской обещали сделать жетон-трансформер за сутки, и оттуда я отправился в радиорубку. Следовало поставить отца Юрия в известность относительно нового статуса Гибралтарской скалы, а он, соответственно, отправит официальное письмо королеве.

Бригаденпастырь сделал это на следующее же утро, еще через день получил коротенькую писульку от королевы Анны, где она поздравляла меня с новым титулом, но вскоре узнал, что подготовка эскадры для штурма Гибралтара не прекратилась. Его несколько удивил этот факт, и он попросил Мосли выяснить, кто кого в этой истории решил подставить и зачем. Потому как не могут же англичане в самом деле думать, что пара линейных кораблей и три фрегата, два из которых вообще шестого ранга, смогут хоть сколько-нибудь долго продержаться против "Капитана Врунгеля"!

Мосли сразу оценил незавидную судьбу, ожидающую эскадру в случае вооруженного конфликта. А ведь кроме линкоров и фрегатов, в ее составе будут и три транспорта с пехотой, так что бывший королевский камердинер быстро задействовал свои связи в Адмиралтействе. И вскоре выяснилось, что тамошний первый лорд абсолютно не в курсе того, что у Гибралтара появился новый хозяин. То есть Анна и не подумала сообщить ему полученную от отца Юрия новость.

Вникнув в ситуацию, сэр Эдвард Рассел помчался в австралийское посольство, хотя шел уже двенадцатый час ночи. Но отец Юрий всегда ложился поздно, поэтому первый лорд был принят им немедленно. Первое, что захотел узнать визитер – есть ли у посольства возможность быстро связаться с герцогом Алексом.

– Разумеется, – пожал плечами бригаденпастырь, – срок очередного послания подойдет послезавтра. В принципе можно отправить и внеплановое сообщение, но зачем?

– Только что ко мне явился гонец и сообщил, что эскадра, предназначенная для штурма Гибралтара, рано утром вышла в море!

– Минутку, – попросил отец Юрий и расстелил карту. – Значит, ранним утром? Ветер сейчас северо-восточный и довольно сильный, так что ваша эскадра скорее всего уже неподалеку от архипелага Силли. В принципе возможно отправить на ее перехват какой-нибудь скоростной корабль, но тут есть определенная тонкость. Во-первых, внеплановый рейс стоит денег. А во-вторых, вы можете предсказать реакцию капитанов вашей эскадры на появление ночью незнакомого корабля, причем небольшого по размерам?

– Надеюсь, что она будет адекватной, – вздохнул первый лорд. – Что же касается денежной стороны вопроса, то о какой сумме идет речь?

– Что-то от пяти до десяти тысяч рублей, более точно подсчитают на Силли.

Услышанное заставило лорда выпучить глаза, но, как выяснилось, отец Юрий еще не закончил.

– Давайте вернемся чуть назад, – предложил он, – к моему вопросу о реакции капитанов. Я, конечно, тоже надеюсь, что все кончится хорошо, но мои должностные инструкции однозначно требуют предполагать, что события могут пойти по наихудшему сценарию. В данном случае это означает конфликт с жертвами на австралийском корабле. Поэтому я готов немедленно дать распоряжение на Силли об отправке посыльной яхты, но только если вы останетесь здесь, в посольстве. У нас есть довольно комфортабельные камеры, и вам придется посидеть в одной из них. Как только будут получены деньги за рейс, а с яхты придет сообщение об успешном завершении ее миссии, вы будете отпущены. Если же что-то пойдет не так – вас расстреляют. Так мне распорядиться насчет яхты или черт с ней, с эскадрой? Которая, скорее всего, будет расстреляна с предельной дистанции, потому как "Врунгель" был покрашен совсем недавно.

– Простите... а какая связь? – только и смог спросить ошарашенный лорд.
– Ну сами подумайте, ведь если ваши корабли подпустить на дистанцию их выстрела, то они своими ядрами смогут поцарапать краску на бортах! Уверяю вас, его светлость на это не пойдет, он уважает труд матросов.

Что интересно, Расселу почти не понадобилось времени на раздумья.

– Давайте бумагу, – решительно сказал он, – я напишу вам расписку, по которой вы завтра же сможете получить деньги в Английском банке. И командуйте выход посыльной яхте. А потом ведите в эту... как ее там... камеру. У вас там хоть топчан есть?

– Обижаете, в ней отличная кровать с надувным матрасом, чистейшее шелковое белье, светодиодное освещение и небольшая библиотека, а клопов мы уже несколько лет как полностью вывели. Правда, санузел совмещенный, но, надеюсь, это вы нам простите – вам же ни в каком случае не придется сидеть там больше суток. Ах, да, чуть не забыл – в камере есть неплохой бар. Пойдемте, я вас лично провожу и покажу, где там что и как пользоваться тамошним оборудованием.

Глава 22

Через две недели после несостоявшегося инцидента в устье Гвадалквивира вошла та самая посыльная яхта, которая перехватывала английскую эскадру на пути к моему графству. Сейчас кораблик привез документы на учреждение англо-австралийской фирмы "Ватерклозет инкорпорейтед", которая, как это следовало из ее названия, собиралась заняться производством сантехники по австралийским лицензиям. Кроме того, в ее производственной программе имелись надувные матрацы из прорезиненного шелка, кои у нас делались из обрезков, остававшихся от баллонетов для дирижаблей.

Не могу сказать, каким он был первым лордом, но вот как рекламный агент сэра Рассел сработал просто замечательно. Его восторженный рассказ о почти суточном сидении в австралийском посольстве вызвал настоящий фурор в высшем свете Лондона, причем первой среагировала королева. Мало того, что она не поленилась приехать в Кенсингтон, так еще и отсидела в той же камере почти четыре часа! После чего отцу Юрию пришлось отправлять бригаду, которая в темпе смонтировала в Хэмптон-корте санузел по образцу камерного, только раздельный, благо места в королевской резиденции хватало. В результате желающие поиметь у себя эти чудеса австралийской техники выстроились в очередь, потому как в посольстве оставался только один запасной комплект, который был установлен сэру Расселу, причем со значительной скидкой за его мужественный и патриотический поступок.

На Силли тоже нашлась пока не используемая сантехника, из которой я разрешил продать два комплекта. Первый хапнули себе герцог и герцогиня Мальборо, а за второй сейчас грызлись два молодых, да ранних – Сент-Джон, то есть виконт Болинброк, и военный министр Роберт Уолпол. После недолгого обмена радиogramмами мы с Ильей решили, что Уолпол более достоин обладания унитазом и кранами с горячей и холодной водой, причем сразу по двум причинам. Первая состояла в его политической линии, которая нас вполне устраивала. А вторая – в том, что Болинброку предстояло стать чуть ли не главным врагом будущего премьер-министра, и мы хотели по мере возможности простимулировать этот процесс.

Всем остальным придется ждать, пока "Ватерклозет" развернет производство, но вряд ли ожидание затянется. Ведь большая часть сантехники делалась из отходов производства дирижаблей, а их на Силли накопилось уже немало.

После подписания документов я решил, что пора, наконец, посетить свое графство, благо "Врунгель" мог дойти до него часов за восемь, включая маневрирование по реке. И в шесть часов вечера четырнадцатого марта "Врунгель" бросил якорь в Гибралтарской бухте, которая, кстати, теперь почти целиком становилась моим ленным владением.

Нас уже ждал комендант крепости дон Педро де Кесада в сопровождении примерно

полувзвода мужиков с алебардами. Я слегка удивился – как их можно использовать при обороне крепости, тем более морской? И пригласил донна на борт крейсера, сказав, что сам пойду осматривать свои владения завтра.

Первым делом мы урегулировали финансовые вопросы, ибо жалованья гарнизону уже второй год как не платили вовсе. Впрочем, оно и до того не потрясло воображение своими размерами.

Я выдал коменданту тысячу австралийских рублей, после чего уточнил статус суммы.

– Можете считать это подарком, дорогой дон Педро. Но в таком случае гарнизон пусть заранее подыскивает новое место службы, потому как злоупотреблять подобными жестами мне как-то не хочется. А можете – беспроцентным дружеским займом на полгода, который вы вернете из денег, собранных за парковку... то есть стоянку в Гибралтарской бухте, ведь она почти вся теперь моя. Вам больше нравится именно этот вариант? Замечательно, тогда замена гарнизона не понадобится. Итак, собранные суммы будут делиться на три равные части. Одна пойдет вам. Вторая – на модернизацию крепости и оборудование новых огневых позиций, план которых мы с вами в ближайшее же время согласуем. Третья – мне. Устраивает? Тогда возьмите копию карты с границами графства. И давайте прикинем, что надо сделать, дабы стоянка в Гибралтарской бухте приобрела популярность. Кстати, что это за развалины вон там, напротив моей скалы?

– Город Альхесирас, разрушенный маврами лет двести назад. Кстати, бухта называется Гибралтарской только на английских картах, на испанских же она обозначена как Альхесирасская. Несколько раз на восстановление города выделялись деньги, но... как-то они незаметно исчезали без видимого результата. Впрочем, вблизи него довольно мелко, так что нормальный порт там все равно не получится.

– То есть конкурировать с нами этот городок не сможет? Тогда, пожалуй, я поговорю с его величеством – кажется, он растратил еще не весь мой займ. Пусть снова выделит что-нибудь на восстановление, а мы с вами должны быть готовы к тому, чтобы направить финансовые потоки в нужное русло. Что вы про это думаете?

Наша беседа затянулась почти до полуночи. Дон Педро оказался довольно понятливым человеком. Более того, выяснилось, что они когда-то служили вместе с доном Себастьяном де Вальдоре в Каракасе, но потом один вернулся в Испанию, а второй подался на Филиппины.

– Дон Себастьян сделал блестящую карьеру, – пояснил я, – и перед вами тоже раскрываются немалые перспективы. Надеюсь, вы их не упустите.

Следующим утром я прошелся по своим новым владениям. В них, помимо большей части бухты, входил полуостров с двумя скалами – одна та, которую англичане в нашей истории оттяпали аж в четвертом году, да так и не отдали, а вместо этого нарыли в ней ходов, превратив в очень неплохую крепость. Но в данный момент рукотворные тоннели в скале отсутствовали. Правда, в энциклопедии я вычитал, что в скале более сотни природных пещер, но дон Педро смог показать только десяток, в том числе и самую большую, с тремя выходами, уже носящую имя святого Михаила. Кто это такой и чем знаменит, комендант сказать не мог, но предложил обратиться к капеллану, который наверняка в курсе. Но я отложил на потом и осмотр самой пещеры, и прояснение ее истории. Меня больше интересовало – комендантом чего является дон де Кесада, раз никакой крепости в скале еще нет?

Оказалось, что я не совсем прав. Мы вскарабкались на самую вершину, с которой открывался замечательный вид, и дон гордо показал мне укрепленную батарею. Да, мне, конечно, приходилось видеть брустверы и пожиге, но не так уж часто. А в качестве вооружения там торчали двенадцать двадцатичетырехфунтовых пушек. На кой черт их сюда втащили, если корабль сможет оказаться в зоне их досягаемости, только вплотную подойдя к берегу, я, честно говоря, не понял. Зато мишень с воздуха они представляли отличную – один английский дирижабль за один налет легко помножил бы батарею на ноль. По крайней мере стало понятно, зачем сюда хотели отправить де Тасьена с его "Францией".

Но батарея на вершине – это было еще не все. К северному склону скалы приткнулась крепость, в незапамятные времена построенная маврами, вот в ней-то и квартировал гарнизон дон Педро. Это сооружение действительно могло немного помешать попыткам штурмовать скалу со стороны материка, но к обороне со стороны моря оно не добавляла ничего.

Я, конечно, не ожидал увидеть здесь неприступный укрепрайон, но действительность оказалась даже хуже моих не очень оптимистических предположений.

– Похоже, сюда придется вложить несколько больше, чем предполагалось поначалу, – поделился я сомнениями с комендантом. – Во-первых, необходимо перекопать перешеек так, чтобы получилась основная линия обороны и две запасных, третьей будет мавританский замок. Ну и начинать рыть в скале ходы и вооружать ее нормальными пушками. Вы случайно не знаете какого-нибудь подрядчика, который мало того что возьмется за это дело, но при этом доведет его до конца и не проворуется сверх всякой меры? А то ведь его тогда придется повесить, чего не хотелось бы.

Комендант сказал, что именно такой знакомый подрядчик у него есть (а кто бы сомневался). Действительно, дон Педро был не похож на дурака и, значит, приложит все усилия к тому, чтобы денежные потоки на обустройство моего графства циркулировали в пределах его досягаемости. Нас это вполне устроит, лишь бы человек не терял меру. Ну, а для контроля вполне естественно будет оставить здесь управляющего с взводом легионеров для охраны.

Смысл же затеянных работ был в обеспечении безопасности строящегося Суэцкого канала. Да, сейчас наибольший вред ему могут нанести турки, но следует смотреть в будущее. А там, кроме Англии и Франции, иных конкурентов не просматривается. И, значит, австралийский гарнизон на Гибралтарской скале по крайней мере уполовинит число не только желающих, но и имеющих возможность когда-нибудь протянуть свои грязные лапы к нашему каналу.

Отбив радиogramму в Донецк насчет пушек для будущей Гибралтарской крепости, я счел первый визит в свое графство законченным и велел готовиться к возвращению под Севилью, где меня ждала королевская чета.

Надо заметить, что по мере знакомства с ним Филипп все больше напоминал мне нашего Николая Второго – по крайней мере, насколько я мог его себе представить по дневникам и книгам Анри Труайя. Король был неплохо образован, мил, доброжелателен, неглуп и так далее. Но на роль правителя, тем более в кризисной ситуации, он не подходил совершенно. Почему? Да потому, что не понимал и не хотел понимать простой вещи – власть много требует от ее носителя. Его дед, Людовик Четырнадцатый, при всех своих недостатках работал по шестнадцать часов в сутки – и все на благо Франции, как он его понимал. Внук же, получив от меня займ и переправив деду оговоренную часть, на остатки начал строить новую резиденцию для своей жены. И это в то время, когда армия его страны на глазах разваливалась именно из-за недостатка средств!

Кроме этого, у молодого короля имелся еще одна, скажем так, серьезная фобия. Он боялся ответственности. Не знаю, было тому причиной детство в тени его великого деда-тирана, или тому способствовали иные причины, но факт оставался фактом. В истории покинутого нами мира Филипп в конце концов отрекся от престола в пользу сына, мотивируя это действие тем, что он, понимаешь, устал. Но сын умер, и бедному отказнику пришлось снова садиться на трон, где он вскоре и помер. Причем, по заверениям придворных медиков, от меланхолии.

Мне даже было его немного жалко – ведь совсем же не на своем месте человек! И, значит, человеколюбие требует, чтобы я ему хоть немного, но помог.

Насколько мне представлялось, главной проблемой Филиппа в настоящий момент было отсутствие чьей-нибудь широкой спины, за которой он мог бы спрятаться от житейских бурь и невзгод. Раньше эту роль выполнял Людовик, однако теперь ситуация поменялась, и

Филипп понемногу впадал в растерянность. Но вдруг у него появился знакомый, у которого нет никаких проблем с шириной спины, то есть ваш покорный слуга. Да и вообще у нас в Австралии полно людей, за которыми король сможет чувствовать себя как за каменной стеной – и, значит, от меня теперь требовалось потихоньку донести эти простые, но глубокие мысли до сознания их испанских величеств.

Как-то незаметно подошел месяц апрель. Вообще-то королева должна была родить в июле, но оба ее предыдущих ребенка рождались недоношенными, так что наши медики и сейчас не исключали досрочного появления долгожданного наследника. Я проводил время в беседах с Филиппом и его окружением, среди которого оказалось немало прямых и честных людей, практически не скрывавших, что они бескорыстно и страстно любят деньги. Но как только весна перевалила за середину, косяком пошли гости.

Сначала прилетел де Тасьен. Почему-то Людовик не отменил задания прикрывать Гибралтар с воздуха, несмотря на резкую смену статуса оной географической точки. Или у короля просто не дошли руки? А свежееиспеченный адмирал был и рад немного отдохнуть в курортном месте, да еще в приличной компании. Тем более что мачту для дирижабля мы уже поставили, а заправочное оборудование, имеющееся на "Врунгеле", не шло ни в какое сравнение с тем, чем отважному воздухоплавателю приходилось пользоваться раньше. Своим перелетом граф поставил сразу два европейских рекорда – он пробыл в воздухе шестнадцать часов и преодолел за это время четыреста шестьдесят километров, взлетев из-под Валенсии. Это стало возможным благодаря попутному ветру на всем маршруте, но и от де Тасьена потребовалось немало, чтобы этим ветром воспользоваться.

А сразу после торжественной встречи французского воздухоплователя к нам прискакал еще один почти царственный гость с небольшой свитой. Почти – это потому что Джеймс Стюарт все-таки пока не стал американским королем Яковом Первым, но находился на пути к этому. А по дороге в Филадельфию его корабли остановились в устье Гвадалквивира, сам же он решил нанести мне визит перед решающим броском за короной.

В честь высокого гостя на "Врунгеле" был устроен званый ужин, где присутствовала испанская королевская чета, а также граф де Тасьен.

Ужин начался со словесного поноса Стюарта о том, какого неслыханного процветания добьются американские территории под его просвещенным управлением. Поначалу его слушали внимательно, но минут через пятнадцать на лицах присутствующих начало проступать недоумение. Через полчаса оно усилилось, а будущий Яков, кажется, даже не притомился и продолжал молоть языком. У меня закралось подозрение, что он может делать это очень долго, но я не имел ни малейшего желания выяснять, сколько именно, так что просто подмигнул де Тасьену.

Александр все понял правильно и, дождавшись минимальной паузы в словоизвержении, зычно провозгласил:

– О, сколь завидная судьба ждет ваших будущих подданных! За это просто нельзя не выпить, потомки нас не поймут.

Будущий король и квакнуть не успел, как у него в руках оказалась стопка со спиртом, кою ему и пришлось заглотить под ожидающим взглядом давно расправившегося с содержимым своего стаканчика небесного адмирала. Который, пока покрасневший Стюарт пытался отдышаться, быстро налил по второй и рывкнул:

– Пьем за быстрое и безопасное плавание великого короля к нетерпеливо ожидающим его подданным!

Филипп уже понял, что происходит, улыбнулся и чокнулся со мной стаканчиком хереса. Королева отсалютовала бокалом с минералкой, а Яков вынужден был проглотить еще сто грамм горячего.

– Закусите, ваше величество, – протянул ему недозрелый помидор граф, – и попробуйте запить пивом, это весьма способствует.

Проделав рекомендуемое, Стюарт попытался было продолжить речь, но с некоторым

удивлением обнаружил, что язык его слушается не так чтобы очень, а в руках у него необъяснимым образом снова оказалась налитая до краев стопка.

– Многие лета его величеству! – выдал очередной тост де Тасьен. – На радость не только подданным, но и всем восхищенным современникам!

Третьего стаканчика Стюарт не вынес, его взгляд начал на глазах терять осмысленность, а движения – координацию. Я пригляделся и сделал знак – мол, с этого хватит. Вскоре задремавший претендент на американский престол был оттранспортирован в угол и прислонен там к стенке, а де Тасьен с облегчением прокомментировал:

– Не знаю, каким королем будет этот Джеймс, но болтун из него уже получился первостатейный. Да. А теперь, когда он наконец утомился, мы можем не торопясь, спокойно и душевно выпить за сегодняшнюю приятную встречу.

С Филиппа можно было начинать лепить статую эпического охренения, но я не первый раз общался с бравым воздухоплавателем, поэтому просто плеснул себе на доньшко и чокнулся с ним.

Далее мне пришлось все-таки ответить на вопрос, заданный и Филиппом, и де Тасьеном – зачем Австралия поддерживает Джеймса Стюарта? Того самого, что сейчас мирно сопит в углу.

– Во-первых, чтобы не пресеклась достаточно древняя династия, – пояснил я. – Ведь Анне будет наследовать Георг, а он уже принадлежит к ганноверскому дому. Во-вторых, сейчас управление английскими колониями производится не лучшим образом. Настолько не лучшим, что в не таком уж далеком будущем там можно ожидать бунта с образованием независимого государства.

Я не стал конкретизировать сроки, ибо не такое уж далекое будущее без нашего вмешательства наступило бы через семьдесят лет, а просто уточнил:

– Разумеется, это государство образуется не сразу, а в результате длительной войны. А у Австралии в тех местах есть торговые интересы, в силу чего война ей невыгодна. И мы надеемся, что воцарение Джеймса Стюарта пройдет достаточно быстро и не будет сопровождаться серьезными разрушениями и жертвами. Кстати, ваше величество, у меня к вам будет небольшая просьба. Ваш дар, Гибралтарское графство, безусловно великолепен, но находится слишком далеко от Австралии, что создает определенные неудобства для его регулярного посещения лично мной. Не могли бы вы продать мне небольшой кусочек земли на западном побережье североамериканского материка? Это необитаемое место с довольно удобной бухтой.

Мое предложение было очень кстати, потому как Филипп уже практически растратил весь займ и теперь судорожно соображал, где бы еще раздобыть денег, чтобы не скатиться в откровенную бедность. Опять таки умными людьми давно подмечено, что многие знания суть многие печали. Зачем молодому королю знать, что я собираюсь купить то место, где в нашем мире стоит город Сан-Франциско? И с образованием которого, между прочим, связана довольно некрасивая история.

Еще когда там не было никакого города, какой-то старатель нашел месторождение золота. Оно было совсем небольшим, но он выправил бумаги на значительно больший кусок территории, практически приобретя все место будущего города, ибо подозревал, что обнаруженное им месторождение не единственное. Но вскоре помер, и про него забыли на пятьдесят лет. А потом наследники обнаружили безупречные с юридической точки бумаги, из которых следовало, что богатейший город Сан-Франциско стоит на их земле. И не придумали ничего умнее, как начать судебную тяжбу. Ну идиоты же, что с них возьмешь! Законность, демократия и прочие прелести западной цивилизации, разумеется, отлично работают, но только не когда на кону стоят такие деньги. В результате среди наследников вдруг резко повысилась смертность, и буквально через полтора года в живых остался только один. Прикинув ситуацию, он подписал отказ от всех претензий, но это ему уже не помогло, и вскоре, видимо на всякий случай, он тоже помер.

Но я-то им не какой-то безвестный золотоискатель! И права моих наследников будут

обеспечивать не суды, которые нетрудно купить, а ракетные крейсера и авианосцы австралийского флота. В силу чего город Сан-Франциско ждет великое будущее, причем без всяких некрасивых историй в нем.

Глава 23

Испанская королева родила наследника, тут же нареченного Луисом, одиннадцатого мая, после семи месяцев беременности. Весил он чуть больше двух с половиной килограммов и по появлению на свет даже не мог толком дышать, но на вторые сутки оклемался настолько, что появилась возможность отключить аппарат искусственного дыхания. С аппетитом у этого мелкого существа тоже были проблемы, его кормили принудительно, через трубочки. Однако к началу второй недели своей жизни человечек вроде как ожил, начал все громче и громче пищать, кое-как сосал сам, и наши медики сказали, что теперь, если не произойдет ничего непредвиденного, он выживет.

Почти всю беременность мы натаскивали королеву и двух кормилиц по теме зловредности микробов, так что теперь хоть за стерильность вокруг младенца можно было не волноваться. Правда, когда священника, который собирался проводить обряд крещения, попытались заставить как следует вымыть от рождения грязные лапы, произошел небольшой скандал, по результатам которого (не без моих намеков, правда) ему было предъявлено обвинение в ереси, а наследника крестил кардинал Портокарреро.

К этому времени новая резиденция королевы на берегу Гвадалквивира была уже почти готова, и вся наша медицина с оборудованием перебралась туда. А в моем графстве развернулось строительство, и не только по превращению скалы в крепость. Рядом с мавританским замком возводился комплекс зданий, причем не для меня. По результатам переговоров с Илей было решено организовать на Гибралтаре VIP-клинику для лечения персон наподобие моего старого знакомого еще со времен первого визита в Рим, бывшего принца, а ныне императора Священной Римской империи германского народа Иосифа Первого. Прививку от оспы мы ему сделали еще шесть лет назад, но сейчас, видимо в связи с затянувшейся войной, у него обострилась и до того не дремавшая мнительность. Так, недавно к месту нашей стоянки пробрался очередной гонец с письмом от него, где император на семи страницах с тревогой описывал, где и когда у него что кольнуло, зануло, заболело или забурчало, и опять вопрошал, когда же он наконец сможет воспользоваться услугами австралийской медицины.

И вот теперь, в свете наших последних решений, я сел писать ему приглашение в свое графство. Где уточнил, что принадлежность данной территории к противоборствующей с Римской империей стороне является кажущейся. Ибо всем давно известно миролюбие нашей великой страны, а это означает – любая территория, куда ступила нога австралийского солдата, автоматически становится нейтральной. Где с нарушителями мира и благолепия не церемонятся, чему уже было немало прецедентов, но к сегодняшнему дню положение вещей уразумели все заинтересованные лица. Так что ничего необычного в визите императора на Гибралтар никто не усмотрит, ибо дураки кончились, заверил я Иосифа. Кроме того, в ответ на беспокойство императора, с трудом обнаруженное между описаниями болей в четвертом снизу позвонке и диареи, посещавшей его величество после приема рыбных блюд, ему было заявлено, что о сроках лечения он может не волноваться.

Тут я вспомнил одного своего знакомого из двадцать первого века, который содержал небольшую фирму по уходу за кошками и собаками в случае временного отсутствия их хозяев. Ну там в отпуск, например, человек собрался, а домашнюю живность оставить не на кого. И разъяснил Иосифу – если он беспокоится за свою державу, не случилось бы с ней чего за время лечения, то здесь мы можем помочь. То есть отправить в Вену своих представителей, которые присмотрят за страной в отсутствие его величества. А по окончании курса сдадут империю в том же виде, в каком и приняли, без малейшего ущерба в ее драгоценном здоровье.

Кстати, в какой-то мере я писал это серьезно. Ведь далеко не каждый монарх может всецело положиться на своих приближенных, чему есть совершенно объективная причина. Любой царедворец чувствует, что его положение может когда-нибудь пошатнуться, в результате чего тратит немалую часть сил на его упрочение – раз, и на добывание средств на черный день – два. А обе эти цели не всегда означают строгое следование государственным интересам. Вот император – да, он не ворует, потому как затруднительно тащить у самого себя.

Наши же временные представители по уходу за державой будут начисто лишены вышеописанных побудительных мотивов. Упрочнять свое положение им не нужно, потому как определяется оно не какими-то подковерными интригами, а международным авторитетом и мощью вооруженных сил Австралии. И воровать они тоже не будут, ибо незачем, все их интересы на родине, а не в стране, где осуществляется временное управление.

Наконец, у слабых духом монархов, в обычной обстановке не решающихся спорить со своим окружением, появится очень эффективный способ влияния на него. Надо будет просто заявить – мол, я устал и уезжаю в отпуск, поохотиться на хихервохеров, например. А вместо меня останется бригада из Австралии, вот подтверждающее письмо. Так что вы тут поосторожней, австралийцам пристрелить десяток-другой министров нетрудно, а плести против них заговоры...

Наверняка после подобного объявления свита долго будет сдывать пылинки со своего обожаемого суверена и бегом исполнять любые его приказы, лишь бы он согласился охотиться на каких-нибудь местных голубей, не помышляя о смертельно опасных заокеанских тварях. И нам тоже будет польза – административные кадры получат стажировку перед занятием ответственных должностей в Австралии.

Одновременно с рождением испанского наследника из Венеции начали приходить какие-то не очень вразумительные новости. Сначала после непродолжительной болезни скончался дож, Альвис Второй Моченинго. Я полез в свои бумаги и выяснил, что в нашем мире он дожил до одна тысяча семьсот девятого года, то есть здесь недобрал более двух лет. Явно помогли болезному, дело житейское, но зачем?

Вскоре ситуация несколько прояснилась. Хотя выборы нового дожа не отменялись, но проведению их постоянно что-то мешало, а ведь Венеция находилась в состоянии войны с Турцией и долго пребывать в безвластии не могла. Поэтому практически одновременно примеру дожа вдруг последовали четыре сенатора, а еще пять были обвинены в каких-то грешках типа государственной измены и арестованы. Один маркиз из свиты Филиппа, хорошо разбирающийся в тамошних делах и в силу этого получивший от меня уже несколько ценных подарков, просветил, что и умершие, и арестованные являлись членами Совета Десяти. Под этим названием в Венеции фигурировало руководство органа наподобие политической полиции с довольно широкими полномочиями, и, значит, сейчас в живых и на свободе оставался только один из его состава. Звали этого везунчика Карло Руццини. Оценив критичность ситуации и степень угрозы, нависшей над его родиной, он не побоялся выступить с инициативой об учреждении поста первого прокуратора, а затем и занять его. После чего было арестовано еще около дюжины сенаторов, и на этом обстановка стабилизировалась.

Оценив новости, я решил, что скоро увижу гонца из Венеции, который озвучит просьбы финансового порядка, и не ошибся – двадцать первого мая к борту "Врунгеля" пришвартовалась небольшая яхта. Прибывший на ней был мне смутно знаком – кажется, он состоял в свите дожа во время моего первого визита в Венецию. Гость представился как Леонардо Бембо, ответственный секретарь господина первого прокуратора, и от его имени пригласил в ближайшее же время посетить Венецию.

– С удовольствием, но вы, пожалуйста, заранее озвучьте программу предполагаемой

встречи, – предложил я.

В ответ было сказано, что Венецианская республика всегда с интересом относилась к вопросу взаимовыгодной торговли с Австралией, а новое руководство решило интенсифицировать этот процесс. В частности, Венеция может поставлять для зоны строящегося канала продовольствие и некоторые стройматериалы, причем дешевле, чем они нам обходятся сейчас. Однако немедленному достижению столь благодетельных результатов мешает недостаточная безопасность морских путей к Суэцу. Венецианский флот мог бы взять на себя охранные функции, но для этого необходима его модернизация, провести которую прямо сейчас первому прокуратору препятствует некоторая стесненность в средствах.

– Сколько?

– Господин Руццини считает, что для покрытия первоочередных нужд хватит двух с половиной миллионов.

Я встал, настежь распахнул широкий иллюминатор адмиральской каюты и повернулся к визитеру. Следующим шагом должно было стать взятие оного за шкуру и вышвыривание наружу, но он успел уточнить:

– Венецианских дукатов, естественно. Насколько я в курсе, это составит порядка двухсот десяти тысяч австралийских рублей.

– Спасибо за разъяснение, а то мы как-то смутно представляли себе курс венецианского дуката. Я обдумываю инициативы господина первого прокуратора, и визит в Венецию состоится в первой половине июня. А он пусть прикинет, на каких условиях Венеция могла бы заключить мир с Османской империей. Если они будут реальными, Австралия готова выступить посредником в переговорах. И не жмитесь вы насчет каких-то островков в Адриатике и Ионическом море! Ведь скоро канал войдет в строй, и перед вами откроется Красное море, а за ним и Индийский океан. Там вполне достаточно свободных или почти свободных территорий, способных принести куда больше пользы, чем едва торчащие из воды скалы, за которые вы сейчас воюете. Я уж не говорю про Индию, на торговле с которой можно иметь просто огромные суммы.

– Но ведь там же англичане, – не очень уверенно просветил меня собеседник.

– Да, но здоровая и честная конкуренция еще никому не мешала. Австралия же может проследить, чтобы она была именно такой. Нам это нетрудно, Индия находится совсем рядом.

Вообще-то я уже не раз задумывался о возвращении на родину, к женам и детям, которые уже почти два года не видели мужа и отца. Правда, "Врунгелю" в Ильинск еще рано, но это ведь не единственный корабль австралийского флота! Поэтому в моих планах перед посещением Венеции значились визиты в Тунис и на Мальту, после чего крейсер доставит меня в Порт-Саид, городок на Средиземном море, откуда мы тоже начали рытьё канала навстречу стартовавшим три года назад работам от Суэца. Затем я проинспектирую зону строящегося канала, а в Красном море сяду на крейсер "Старший помощник Лом". На нем сначала совершу визит в Эфиопию, где наконец-то лично познакомлюсь с ее императором Иясу Великим, ну, а потом можно будет отправляться домой.

В известной мне истории Иясу правил до пятого года, когда из-за возникших беспорядков вынужден был отречься от престола и удалиться в монастырь, где его быстренько убили. Но здесь он сразу взял курс на тесное сотрудничество с Австралией, в результате чего ему была оказана вся необходимая помощь – оружием, военными консультантами и деньгами. Правда, теперь некоторые называли его не только Великим, но и Кровавым, однако таковых становилось все меньше и меньше по самым разнообразным причинам. Кроме того, Иясу это не очень беспокоило, а уж нас и тем более.

Перед отбытием я имел долгую беседу с Линем Суньелдугевым, в свете стоящих перед ним задач не только произведенным в капитаны медицинской службы, но и пожалованным

баронским титулом. Молодому человеку предстояло взять на себя руководство строящейся в Гибралтаре клиникой, что подразумевало не только врачебные и административные обязанности, но и дипломатические тоже. Впрочем, тут поможет его друг детства, на Герцогском острове поначалу носивший имя Сан Пин Тай, после переписи ставший Саней Пинтаевым, а по окончании школы имени Штирлица превратившийся в штурмбанпастыря отца Александра.

В конце беседы новоиспеченный барон поинтересовался, какие новые обязанности налагает на него только что полученный титул. В ответ я дал ему соответствующее положение об австралийском дворянстве и разъяснил, что такое родословная и какие требования предъявляются к ее написанию, зачем нужен герб и как его сочинять. Кажется, молодой человек все понял правильно, потому как сразу спросил, до какого века следует иметь точные данные о своих славных предках, а до какого достаточно приблизительных. В этом не было ничего удивительного, ибо мы изначально отбирали в иммигранты не кого попало, а наверх смогли пробиться только самые понятливые из них.

Пятого июня я сердечно попрощался с Филиппом, Марией-Луизой и де Тасьеном, пригласил всех при случае посетить Ильинск, после чего поднялся на борт "Врунгеля", который начал поднимать якоря. Вечером крейсер, не останавливаясь, проследовал мимо моего графства и, прибавив ходу, пошел на восток. До Туниса было полторы тысячи километров, от него до Мальты – около трехсот, а от острова рыцарей до Венеции – тысяча двести. Я надеялся затратить на все визиты дней десять, потому как мне, честно говоря, уже сильно хотелось домой, в Ильинск. Где меня ждут Таня, Зоя, Элли и пятеро детей. А то ведь до чего дошло – последнее время я несколько раз ловил себя на том, что с интересом смотрю на кикимор из свиты королевы Марии! Нет, так не годится, пора возвращаться к действительно красивым женщинам.

Глава 24

"Врунгель" не стал заходить в Тунисскую гавань, встав на внешнем рейде. Потому как там могли быть отмели, опасные для нашего довольно глубоко сидящего крейсера, а город с портом оказывались в зоне досягаемости корабельных пушек и так. Да и не надорвется бей проплыть семь километров, если соберется посетить борт моего корабля.

Он действительно не надорвался, но сначала явился какой-то портовый чиновник. Поинтересовался, надолго ли мы сюда, и, получив ответ, сообщил, что великий бей осчастливит нас своим визитом в пять часов вечера.

Не имея детальной информации о недавно севшем на трон первом правителе Туниса, я ожидал увидеть какое-то подобие ранее встреченных турецких чиновников. То есть мужика с окладистой бородой, в богато расшитом халате, с украшенной рубинами и изумрудами кривой саблей поперек обширного брюха и в чалме. Или какое-то подобие керченского паши Муртазы – все то же самое, только на вид лет как минимум девяносто. Однако в каюту вошел высокий загорелый господин лет тридцати пяти, с аккуратной каштановой бородкой испанского вида и в мундире, напоминающем французский кавалерийский. На ремне висела кобура с револьвером, причем настоящим австралийским. Правда, одного из первых выпусков.

Бей свободно владел испанским, французским и английским языками, а с некоторым трудом мог изъясняться даже по-австралийски. И вообще он мне сразу понравился, так что наша беседа прошла весьма плодотворно.

Условием нашей поддержки молодой страны, основной статьей дохода которой являлось пиратство, было то, что тунисцы грабят не всех подряд. Под запрет попадали суда, ведущие торговлю в интересах нашей империи, а также имеющие полис от компании "Австралгосстрах". Эти корабли обладали правом под своим флагом поднимать австралийский несколько меньшего размера. Встретив подобную посудину, тунисцы должны

были проверить, в порядке ли у капитана страховка, и если да, то отпустить. Ну, а если нет, то, задокументировав это прискорбное событие, грабить корабль до нитки, а экипаж по заранее согласованной таксе продавать на строительство канала.

В принципе для обеспечения должного порядка в восточной части Средиземного моря хватило бы и одних тунисцев, но я сильно сомневался, что в отсутствие конкуренции они смогут удержаться от коррупции, несправедных поборов и прочих прелестей, на кои в исполнении гаишников я насмотрелся еще в двадцатом и двадцать первом веках. А ведь если бы подобных служб было две, да жестко конкурирующих между собой, обобранному автовладельцу было бы куда наябедничать.

Поэтому помимо основной работы тунисцы еще и присматривали за мальтийскими рыцарями, которые по большому счету занимались тем же самым. Так, первым делом бей предоставил мне донос, в котором говорилось, что рыцари подряжаются якобы охранять корабли, поставляющие стройматериалы на канал. А на самом деле это просто рэкет, потому как охраняют они их в основном сами от себя.

Кроме того, между подданными бея и великого магистра имелось и еще одно не очень существенное различие, связанное с вопросами веры. Ведь теоретически султан был духовным лидером всех правоверных, и грабеж принадлежащих ему судов вроде как входил в противоречие с Кораном. Правда, если светила ну очень богатая добыча, смягчающие обстоятельства находились без особого труда. Аналогичная ситуация, только в отношении кораблей католических держав, имела место и у рыцарей. Таким образом, эти две страны удачно дополняли друг друга.

Я пообещал разобраться, кого там и как крышуют мальтийцы, и поинтересовался у бея, чего такого завлекательного они мне смогут рассказать про него. В ответ Хусейн широко улыбнулся и сказал, что, конечно, эти от зависти могут наговорить много гадостей. В действительности же имели место всего два небольших недоразумения. Они отражены в бумагах, которые бей оставляет моей светлости. Естественно, он с пониманием отнесется к штрафным санкциям, которые, как смеет надеяться великий бей, будут столь же невелики, сколь незначительны были упомянутые инциденты.

Далее Хусейн бен Али высказался в том духе, что отлично понимает мотивы, по которым Австралия поддерживает не только его, но и мальтийских рыцарей. Однако клиентов-то на всех не хватает уже сейчас! И что будет в не столь уж отдаленном будущем?

Вопрос был ожидаемым, и я познакомил бея с обстановкой в Красном море. Там бесчинствовали какие-то отморозки, не имеющие единого командования. Поэтому договариваться было не с кем, и мы их просто топили. Но ведь это довольно богатые люди, они же промышляют на путях торговли с Индией! А у нас вдоль трассы будущего канала уже проложен рельсовый путь, по которому можно транспортировать корабли до ста пятидесяти тонн весом. Австралия готова всячески способствовать очищению Красного моря и Аденского залива от диких морских разбойников. Причем почти бесплатно, всего за пятнадцать процентов от добычи, да еще с отсрочкой начала платежей.

Бей согласился, что дело это весьма перспективное, но, к сожалению, без небольшого кредита Тунису его пока не потянуть.

В общем, вечером мы расстались, договорившись по всем основным пунктам, и в лучах заходящего солнца "Врунгель" взял курс на восток.

Валлетта, столица Мальты, заметно похорошела с нашего последнего визита. Исчезли леса с большого собора наподобие святого Петра в Риме, который шесть лет назад не то достраивался, не то ремонтировался после землетрясения. Со стороны бухты Гранд-Харбор, где встал наш крейсер, появилась каменная набережная. Да и вообще в видимой части города наблюдалось заметно больше всяких архитектурных красот, чем в первый наш визит.

Я прикинул суммы, которые пошли на строительство, и быстро пришел к выводу, что они заметно превышают наши кредиты. То есть великий магистр смог с хорошей прибылью распорядиться полученными деньгами. И наверняка не все доходы пошли на

благоустройство, без сильного флота острову никак не обойтись. Опа, а это еще что такое?

Из дальнего конца гавани по направлению к нам двигался катамаран. Я взял бинокль. Да, так и есть, модель "Катран", разработанная нашими специалистами для азовского флота Петра. Сто тридцать тонн, пятьдесят гребцов, две небольших мачты и три пушки, способные стрелять и назад, и вперед. Какие именно, не видно, они зачехлены, но, судя по деревянным рельсам под ними, английского образца. Гладкоствольные бронзовые, но заряжающиеся с казенной части и снабженные поворотным затвором. По скорострельности они даже несколько превосходили донецкие чугунные, но по дальности им уступали, да и затворы выходили из строя довольно часто. Впрочем, их было нетрудно заменить, если на борту имелись запасные.

Надо же, рыцари додумались до промышленного шпионажа, мысленно хмыкнул я. И пошел встречать гостя – судя по вымпелу, на катамаране находился сам великий магистр, или, как его тут называли независимо от известного австралийского шахматиста Бендера, гроссмейстер. Причем называли незаслуженно. Во всяком случае, в прошлый визит я уже имел возможность убедиться, что в шахматы господин Рамон де Перелльос играет весьма посредственно, не дотягивая даже до уровня четвертого разряда.

Магистр заметно постарел и погрузнел, но по трапу поднялся довольно бодро, да и за обедом себя не очень ограничивал – в общем, в ближайшее время помирать он явно не собирался. Беседа в общем повторила вчерашнюю, только, естественно, с повернутым на сто восемьдесят градусов направлением кляуз. Скрепя сердце собеседник согласился, что с охраной строительных грузов они действительно немного перестарались, и обещал компенсировать нашим подрядчикам произошедшие из-за этого убытки. Затем пожаловался, что тунисцы наглеют прямо-таки день ото дня. Буквально месяц назад их известный капитан Абдулла из-под самого носа у мальтийской каракки увел богатого турка. Да как у него совести-то хватает нападать на своих же единоверцев?

Я сочувственно покивал – мол, да, это не очень хорошо, у Абдуллы могут возникнуть проблемы с допуском в их рай, к гуриям. Но и клювом тоже щелкать не следует. Можно подумать, на Мальте не знали, что каракка, при всех ее достоинствах, не может похвастаться хоть сколько-нибудь приемлемой для данных задач скоростью хода! Думать надо лучше, прежде чем строить или заказывать корабли.

Магистр подтвердил, что недостатки старых кораблей ему известны, и прояснил историю появления на Мальте катамаранов, коих, оказывается, тут было уже три штуки, и строилось еще два, покрупнее. Оказывается, четверо рыцарей два года отслужили в Азовском флоте, натаскивая русских моряков, где и познакомились с "Катранами". По возвращении они настояли на постройке первого экземпляра по их эскизам, который сразу показал очень неплохие результаты. Подобно галере, он мог двигаться и в безветренную погоду, причем даже чуть быстрее из-за большего удлинения поплавков по сравнению с одиночным корпусом. Но, в отличие от той же галеры, нес довольно мощную артиллерию, причем мог стрелять из нее как по курсу, так и против него. Недостатком же катамарана была совершенно недостаточная мореходность, что позволяло использовать его только при волнении до пяти баллов. Именно поэтому были заложены два в полтора раза более крупных – мальтийские корабельные инженеры надеялись, что мореходные качества новых кораблей станут лучше.

Магистру я тоже рассказал про железную дорогу вдоль канала и предложил расширить зону операций, но подальше, чем тунисцам. То есть поработать в Аравийском море, а потом, чем черт не шутит, подумать и о выходе в Индийский океан. Как и бей, де Перелльос попросил аванса и получил перечень условий, на которых ему предоставят деньги.

В три часа пополудни гость откланялся, а в половине четвертого "Врунгель" поднял якоря и двинулся на северо-восток.

Визит в Венецию не принес никаких неожиданностей, то есть и там люди тоже хотели денег, которые им были частично дадены, а частично обещаны. Причем Руццини,

демонстрируя перемены в своей внутренней и внешней политике, беседовал со мной наедине, обойдясь, в отличие от покойного дожа, без трех соглядатаев за спиной. И не имел ничего против мира с турками, при сохранении за каждой стороной имеющихся на настоящий момент территорий. Правда, пока разговор будет идти только о перемирии. Потому как турки, хоть и вели боевое действие с некоторым перевесом, надорвали свою экономику даже больше венецианцев. Султанская казна была пуста, что очень облегчало моим представителям разговоры с великим визирем. Так пусть османы не расслабляются, а вкладывают те крохи, что у них еще остались, в закупки самого совершенного в мире оружия, то есть австралийского! Вот когда вооружатся как следует, будет им и мир с Венецией, а пока и перемирием обойдутся.

Таким образом, визит на родину Вивальди, которого, кстати, Руццини притащил на "Врунгеля", и он что-то нам попиликал под уху из средиземноморского ассорти, ставил последнюю точку в обеспечении нормального, полностью устраивающего Австралию порядка на Средиземном море. Теперь, даже если у Франции или Турции возникнут неправильные мысли насчет нашего канала, реализовать их они все равно не смогут. Ну, а что от денег, которые были получены с клипера, осталась примерно треть, так оно стоит и большего.

С такими мыслями я смотрел на удаляющийся итальянский берег. Трубы "Капитана Врунгеля" густо дымили, машинная команда поднимала давление пара почти до максимума, потому как запасы угля позволяли крейсеру идти в Порт-Саид не экономическим, а близким к максимальному ходом.

На рейде Порт-Саида было оживленно – тут разгружались не только корабли с продуктами, камнем из Мраморного моря, но и водовозные баржи с Нила. Отсюда по железке она развозилась по всей зоне строительства, потому как производительности солнечных опреснительных установок на Красном море уже давно не хватало.

Я попрощался с командой и сошел на берег в сопровождении взвода легионеров. Нас уже ждала рота эфиопской гвардии, которая будет обеспечивать дополнительную безопасность на маршруте. Оставалось только дожидаться поезда. В данный момент он находился в восьми километрах от Порт-Саида, и, значит, будет тут часа через полтора.

На этой дороге использовались уже не чугунные, а стальные рельсы, производство которых потихоньку налаживалось в Донецке. Но пока они там получались не длиннее четырех метров, да и то какие-то кривые. Но на канале в качестве тягловой силы использовались быки, так что годились и такие. Все равно скорость состава не превышала пяти километров в час. Но зато он имел стандартную грузоподъемность в двести тонн, а пару раз на пробу уже гоняли поезда по двести сорок.

В ожидании поезда я прошелся по городку. Впечатление – полный интернационал, да к тому же как минимум на треть пьяный. Ведь здесь стоял перегонный комплекс, производящий из зерна спирт для двух паровых экскаваторов. Ну, а народ, видимо, быстро распробовал горячее.

Вскоре вдаль показался поезд, а потом с той же стороны донеслись далекие раскаты наподобие грозных. Но это была не гроза, а взрывные работы. В Суэце этот поезд загрузился взрывчаткой, часть ее сгрузил по дороге, а оставшееся вез в Порт-Саид, где тоже начались земляные работы и было прорыто уже около двух километров. В качестве взрывчатки нами использовались смеси бертолетовой соли со стеарином. В принципе ее можно было производить и здесь, потому как для производства хлората калия требуется только морская вода, зола и электричество, но мы не хотели показывать, что австралийскую селитру можно синтезировать, а не добывать. Поэтому производство было развернуто на севере нашего материка, неподалеку от фермы со стеллеровыми коровами.

Наконец поезд дополз до конечной станции и встал под разгрузку. Взрывчатку с него грузили на телеги, запряженные теми же быками, и отвозили в зону строительства. Потом

около часа загружали платформы полутонными бочками с водой, после чего мы тоже двинулись к составу.

Он состоял из небольшого вагончика погонщиков, салон-вагона, прицепленного специально для меня, и девяти открытых двухосных платформ. Я залез в вагон, охрана встала по обе стороны пути, и мы тронулись.

Странное, скажу вам, ощущение – ехать в поезде, с которого можно в любой момент сойти и пешком пройти хоть к "локомотиву", хоть в хвост состава! Поезд неспешно тащился вдоль бесконечной пыльной стройки, быки по очереди мычали, а колеса редко-редко постукивали на стыках. Хорошо хоть в вагоне имелось какое-то подобие кондиционера, но не термоэлектрическое, элементы Пельтье все были уже давно пристроены, а работающее на принципе испарения спирта. Хреновато, конечно, оно работало, да еще и пованивало, но все же температура в салоне была градуса на три-четыре ниже, чем снаружи. Впрочем, снаружи тоже чувствовалось амбре, только не самогона, а навоза. До Большого Горького озера, где в строящемся городке Австралабаде располагалась дирекция стройки, было девяносто километров, то есть примерно двадцать часов пути. С учетом трех остановок на разъездах, где мы будем пропускать встречные поезда и менять уставших быков.

К утру следующего дня поезд преодолел половину трассы и достиг озера. Вообще-то их тут было три, уже соединенных в единую судоходную систему – Большое Горькое, Малое Горькое и Крокодиловое. Несмотря на название, рептилий в нем не водилось, их подчистую съели еще в самом начале строительства.

В Австралабаде, небольшом чистеньком поселке из сборно-щитовых домиков, поезд простоял четыре часа. А потом мы снова поползли, поначалу вдоль озер, но вечером вода кончилась, и слева снова пылила стройка. Поздней ночью, пройдя еще километров двенадцать, поезд встал. Как там в песне? "Слезайте, граждане, приехали, конец". Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны. Ибо мы доехали до южной части канала, в которую уже запустили воду. Дальше следовало или идти пешком, или пересаживаться на баржу.

Посмотрев, с какой скоростью движутся эти посудины, я скомандовал идти пешим порядком. Благо ночь теплая, но не жаркая, пыль осталась позади, на небе сияют всякие планеты и звезды – чего бы и не пройти?

Через три часа наш отряд вошел в город Суэц. В гавани, выделяясь, как Илья в толпе мориори, стояла серая громада "Старшего помощника Лома".

Глава 25

Я не стал задерживаться в душевой, а, на скорую руку смыв с организма основную часть мазута и графитовой смазки, натянул шорты, майку и, выйдя на палубу, с удовольствием вдохнул полной грудью. Хорошо-то как! И почти ничем не воняет. Опять же не сказать чтобы прохладно, но никакого сравнения с раскаленным машинным отделением, где я почти четыре часа возился с регулировкой клапанного механизма центрального движка крейсера "Товарищ Сухов", в котором сейчас экстренно устранялись недоделки перед первым выходом в море. Душевые на корабле работали нормально, но там было почти так же жарко, как в машинном, а организм просил прохлады.

Велосипед ждал меня у дока, и вскоре я бодро крутил педали в сторону небольшой бухточки в полукилометре от верфи. Дома меня ждут к шести вечера, так что можно не спеша домыться, поплавать и полежать на песочке.

При желании во всем можно найти положительные стороны, думал я минут через сорок, предаваясь запланированному занятию. Например, шестнадцать лет назад хрен бы я так безмятежно нырял и плавал. Тут водились какие-то змееподобные рыбы, жгучие медузы, а иногда можно было встретить даже кольчатого осьминога. Более того, периодически в бухту Порт-Филипп заплывали акулы – правда, редко и не очень большие, но купальщику

было практически все равно – сожрут его за один заглот или будут отгрызать по кусочку.

Но в связи с нашей деятельностью живность начала помаленьку покидать бухту, причем в первых рядах беглецов оказались самые неприятные. С виду вода оставалась чистой, как раньше, и небольшие рыбки в ней по-прежнему водились во множестве, но теперь встретить водяную змею или кольчатого осьминога было нереально.

"Товарищ Сухов" был первым из крейсеров новой серии, существенно более крупной, чем "Врунгель", "Лом" и "Фукс". Водоизмещение нового корабля составляло три тысячи сто тонн, он имел в длину девяносто пять метров при максимальной ширине одиннадцать. Три паровые машины общей мощностью почти в пять тысяч лошадей теоретически должны были разгонять его до тридцати трех, а то и тридцати пяти километров в час, но для этого их еще надо было заставить нормально работать, чем, собственно, я и занимался до купания в бухточке.

Новая серия кораблей появилась в результате расширения промышленных возможностей империи, в которые теперь вносили немалый вклад предприятия Ост-Австралийской компании, и появления в связи с этим новых задач.

Как уже упоминалось, на австралийском материке имелись практически все возможные полезные ископаемые. Причем большинства из них было много – железных и полиметаллических руд, угля, урана и до фига чего еще. Но имелось совсем немного наименований, которые хоть и наличествовали, но в весьма умеренных количествах. Главным из которых была нефть.

Да, у нас имелось месторождение на северо-западном побережье, которого пока хватало. Но, думаю, понятно, что ключевым словом тут является "пока". Какое-то количество нефти имелось неподалеку от Ильинска, в Бассовом проливе, но разрабатывать его мы сможем не скоро, так как оно на дне, и там мало того что приличная глубина, так еще и бурить придется почти полкилометра. А у нас уже всюду производились двигатели внутреннего сгорания для самолетов и дирижаблей! Более того, мы даже сделали первый в этом мире настоящий автомобиль. Илья теперь разъезжал не на паровом рыдване, а на нормальном представительском лимузине. Правда, в силу местных дорожных условий он был трехосным полноприводным. Более того, началась постройка второго такого же, для меня, но когда она закончится, пока сказать не получалось, ибо мой лимузин строился по остаточному принципу – все-таки главными для нас были летающие, а не ездящие машины.

В силу вышеупомянутых причин понятно, почему император и его первый министр давно присматривались к тому месту, где через пятьдесят с небольшим лет должен был образоваться Кувейт. Но пока-то там вообще не было никакого населения! Только через полвека гонимые кем-то племена придут в эти пустыни, после чего один из вождей объявит себя эмиром новой страны.

Теоретически эти земли принадлежали туркам, и мы собирались их честно выкупить. Ну, а чтобы у османов не возникло всяких жлобских мыслей насчет повышения цен, и нужны были новые мощные корабли. Нам с Ильей казалось, что под дулами их пушек представители султана быстро согласятся на разумные деньги порядка двух-трех тысяч рублей, тем более что и лично этим представителям тоже перепадет примерно столько же, ибо жадность никогда не была свойственна настоящим австралийцам.

В принципе, конечно, нефть можно было найти и поближе – например, в той же Индонезии. На острове Борнео, который иначе называют Калимантаном, она есть, и в довольно удобных месторождениях. Но, во-первых, ее там все-таки существенно меньше, чем в одном только Кувейте, а ведь на нем свет клином не сошелся, Персидский залив – он большой. И, во-вторых, Борнео представляет собой отнюдь не пустыню. Там джунгли, да к тому же довольно густо заселенные. Имеется даже свой эмир, так что покупать придется не землю, а право на добычу нефти в определенных местах и с использованием местной рабочей силы. Этим мы тоже займемся, но чуть погодя и не совсем сами. Как раз в ближайшее время мне предстояло решить, кто будет руководить калимантанским проектом –

Гонсало, дон Себастьян или еще кто-нибудь.

В отличие от Калимантана, в Кувейте следовало поторопиться, ведь совершенно не факт, что заселение тамошних земель началось в начале шестидесятых годов восемнадцатого века. Мало ли что так написано в энциклопедии! Например, первые переселенцы вполне могли быть неграмотными и не оставить письменных свидетельств своего прибытия. Но незнание букв не мешает им трудиться на добыче нефти, поэтому от нас требовалось побыстрее создать там рабочие места. А то ведь иначе переселенцы начнут зарабатывать себе на жизнь добычей жемчуга! Причем довольно мелкого и не очень ценного. Это все равно, что пасти коров на золотых россыпях Южной Африки, в чем были замечены голландцы. Ясное дело, что при таком отношении к богатствам собственных недр прочное государство не построишь, и результат что там, что там не замедлил последовать. И Кувейт, и Южную Африку подгребли под себя англичане – понятное дело, в том мире, из которого мы эмигрировали много лет назад. Здесь же, как нам хотелось надеяться, события будут развиваться по иному сценарию.

Глянув на часы, я прервал свои футурологические размышления и начал одеваться. Пятнадцать минут шестого, самое время двигаться домой, где сегодня ожидается небольшое торжество. Моя старшая дочь, Наташа, с отличием окончила летную школу и, кроме того, добилась зачисления в организуемый особый авиаотряд. Дело было в том, что три месяца назад закончилось проектирование первого австралийского авианосца, а еще через месяц наступит время для его закладки. Срок строительства предполагался в полтора года, и к его окончанию авиагруппа должна быть уже готова.

Перед отбытием к месту службы Наташа получила недельный отпуск, который собиралась провести в кругу семьи, его начало мы и хотели слегка отпраздновать.

Я не опоздал, но виновницы торжества дома еще не было. Более того, там оказался вопиющий некомплект жен! Из трех присутствовали только две, Зоя и Таня, Элли же в нашем семейном гнезде не наблюдалось. Я спросил домочадцев, в чем дело, и Эдик, которому недавно стукнуло семь лет, тут же наябедничал:

– Мама уехала на аэродром, ее Наташа обещала покатасть на самолете! А меня не взяли, вот! Наташа сказала, что я слишком маленький и мне еще надо вырасти. Тоже мне, сестра называется! Это Мишка с Машей маленькие, а я уже на велосипеде могу доехать до дворца дяди Ильи и обратно!

– Так для езды на велосипеде аэродинамику знать не надо. Вот выучишь ее, обращайся сразу ко мне, я ведь тоже пилот. Лучше скажи, когда наши дамы сюда-то прибудут?

– Они за десять минут до твоего приезда выехали с аэродрома на мамином велосипеде, – сообщил отпрыск. – А когда приедут домой, не сказали.

– Ну вот, – покачал головой я, – летать рвешься, а сам простейшей задачи решить не можешь! До аэродрома пятнадцать километров. Скорость велосипеда – двадцать километров в час, так каково будет время в пути?

Сын задумался, я же, чтобы ему не мешать, начал помогать Зое накрывать на стол. А Эдик, совсем немного поморщив лоб, выдал результат:

– Мама с Наташей будут через пять минут!

– Как это у тебя получилось? И какую пропорцию ты решал, чтобы получить такую цифру?

– Да никакую, – снисходительно пояснил отпрыск. – Я в окно посмотрел, вон они, только что выехали из-за поворота.

М-да, подумал я, позиция у молодого человека абсолютно правильная. Прежде чем разводить теорию, надо прикинуть – а не решается ли задача вообще без нее? Ведь то, что наши дамы явились заметно раньше ожидаемого срока, имеет очень простое объяснение – за рулем сидит Наташа, а Элли устроилась на багажнике. Дочь же целиком пошла в меня – такая же здоровая и такая же, прости господи, безбашенная. Ильинск находится у самого залива, берег в любую сторону повышается, так что дорога к аэродрому идет на подъем, а с

него – наоборот. Вот, значит, Ната и разогналась километров до сорока, а Элли, небось, только повизгивала от восторга. Теперь, надо думать, моей третьей половине понадобится самолет, или я ничего не понимаю в герцогинях. Интересно, что она выдаст в качестве обоснования?

Поздним вечером, когда мы остались одни, выяснилось, что с этим у нее все в порядке.

– У нашего швейного ателье открылся филиал на острове Кенгуру, – напомнила она, – и у меня периодически возникает надобность его посетить. Яхта идет туда двое суток, дирижабль летит двадцать два часа, да и слишком он дорогой в обслуживании. А самолету нужно будет всего пять часов.

– Ага, а если разобьешься?

– У тебя останется еще целых две жены. И я же не прошу, чтобы ты мне его целиком купил! Какую-то часть стоимости сможет внести мое ателье. Кроме того, тут есть еще одно соображение. В Эсперансове недавно открылся драматический театр, а в Ильинске есть только цирк, фильмотека и картинная галерея. Мы же с тобой культурные люди! И, значит, должны иногда ходить в театр. Кстати, там в буфете подают очень неплохое пиво, тебе должно понравиться.

Да, в Австралии, помимо воздухоплавательных сил, уже имелась своя авиация численностью аж в тринадцать машин тяжелее воздуха, причем производящий их первый авиазавод только-только начинал нормально работать. Старейшей единицей в ней был мой мотодельтаплан, но он, в силу почтенного возраста, летал очень мало. "Колибри", совсем маленькие самолетики с авиамodelьными движками, оказались очень недолговечными, и к настоящему моменту они уже не летали, а использовались как наглядные пособия. Основой же нашей воздушной мощи были одиннадцать "Пайперов", сделанных по мотивам американского самолета "Пайпер Каб". Оригинал был упрощен до предела, кабина стала открытой, из остекления имелся только небольшой ветровой козырек. Тянул машинки двухтактный двухцилиндровый двигатель весом девяносто килограммов и мощностью шестьдесят сил.

Десять самолетов были учебными двухместными, а один отличался тем, что его фюзеляж сделали малость пошире, и в нем имелось всего одно место, зато большое. На этом аэроплане летал Илья. Я же, в силу своего частого и длительного отсутствия в Австралии, личным самолетом пока не обзавелся. Так может, Элли права и уже пора?

Пожалуй, что еще не совсем, решил я, чуток поразмыслив. Потому как сейчас производятся только "Пайперы", а для дальних полетов это не самая удачная машина. Если брать топлива на семьсот километров, то она становится вообще одноместной. А один мотор делает вполне возможной вынужденную посадку в каком-нибудь диком месте, из которых пока и состоит почти весь австралийский материк. Нет уж, дождемся более совершенной машины, над проектом которой третий месяц работает семейная пара Цеппелинчиков – Франсуа и Драгана, та самая девушка из подаренных мне Муртазой невольниц, что по прибытии в Ильинск захотела служить в авиации.

У них потихоньку вырисовывался подкосный высокоплан, очень похожий на все тот же "Пайпер", только немного покрупнее и с двумя моторами на крыльях вместо одного на носу. Эта машина будет выпускаться в трех модификациях – штурмовик-бомбардировщик для авианосца, дальний разведчик береговой обороны и трехместный гражданский самолет с закрытой кабиной. Вот его, пожалуй, можно будет приобрести, а пока надо выбрать время и посмотреть, чего там на проектировали мои конструкторы. И немного помочь, это наверняка потребуется. Потом принять участие в испытаниях, и, наконец, в случае их положительного завершения заказывать себе летающий лимузин.

Но в любом случае это будет после возвращения из первого похода на "Товарище Сухове", который планировался в ближайшее же время – сразу после того, как будут устранены хотя бы самые вопиющие из недоделок и косяков. Мне давно следовало посетить

Филиппины, и первый рейс новый корабль совершит именно туда.

Ведь зачем нам понадобились дополнительные полномочия на Себу? Торговать с Китаем было не так просто, внедрить туда агентов еще труднее, хотя почтенный Гонсало как-то ухитрился преуспеть в первом направлении и добиться хоть весьма скромных, но все же результатов во втором. Однако если не делать ничего, перспективы вырисовывались с первого взгляда не самые радужные. Хоть и ожидаемые. Слишком уж возрос спрос на шелк нашими стараниями, ведь именно из него делались баллонеты для дирижаблей. Причем покупала его не только, а последнее время уже и не столько Австралия – здесь успели отметиться французы, но не очень заметно. А вот голландцы влезли в торговые операции по самым ушам, чем дальше, тем больше задевая при этом австралийские интересы. Во всяком случае, им так казалось, а мы не собирались их в чем-то разубеждать.

На самом деле, конечно, ситуация была не столь тревожной. Да, Франция уже практически научилась делать дирижабли сама, покупая у нас только турбины для них. Англия тоже потихоньку двигалась в этом же направлении – собственно, для нее голландцы и закупили почти половину шелка. Кроме того, они и сами были не против занять какой-никакой воздушный флот. Все это не могло не привести к взлету цен на шелк, как бы мы не старались его не допустить. А, значит, нам оставалось только принять сложившуюся ситуацию как данность и попытаться развернуть ее к собственной выгоде.

Итак, покупать шелк за золото и драгоценные камни становилось невыгодно. Но для производства турбин не требовалось закупать ничего! А без них дирижабли не летают. То есть половина решения состояла в том, что структура нашего воздушного экспорта изменилась в сторону продажи силовых установок. Однако проблема имела и еще одну сторону, заключающуюся в том, что какие-то количества шелка нужны были и нам. Собственное его производство пока находилось в стадии развертывания, а платить столько, сколько за него теперь просили китайцы, Австралии не позволяла жаба. Не полярная, а самая обычная, которая душит.

Итак, как могли развиваться события в ближайшее время? Сейчас основной базой торговли с Китаем стала португальская колония Макао, что весьма не нравится голландцам, а также их торговым партнерам и союзникам в войне за испанское наследство англичанам. Однако отбирать Макао силой они вряд ли решатся – ведь тогда пока еще нейтральная Португалия перейдет в стан их врагов. Более того, подобный образ действий испортит отношения с Австралией, которая за льготные поставки серебра и бальсы дала Португалии гарантии помощи в том случае, если кто-то посягнет на ее индийские колонии или Макао. Значит, оставалось захватить себе какой-то другой кусок, и голландцы потихоньку присматривались к Гонконгу. Их представители уже успели поинтересоваться, во что выльется поставка австралийского оружия в тот район, и сейчас, судя по всему, подготовка выходила на финишную прямую.

Однако Австралия не могла просто так смотреть, как от великой империи, хоть и не такой древней, как она сама, не пойми кто собирается нагло оттяпать кусок. Информация о планах англичан и голландцев через Гонсало была слита его торговым партнерам и недавно достигла императорского дворца в Пекине. На Себу уже прибыл какой-то важный китайский чиновник, желающий уточнить условия поставки австралийского оружия. Кроме того, империя Цин, как мы и надеялись, озаботилась поиском союзников. Первым делом она обратилась к португальцам, но тут вышел облом – эта страна совершенно не желала ввязываться ни в какую войну. Значит, оставалось обратить взоры на север, к России, с которой пока было что-то вроде вооруженного нейтралитета, причем с некоторым перевесом в сторону китайцев.

В общем, сложная обстановка в регионе требовала от нас внимательного пригляда за ней, чем мы и собирались заняться с Филиппин.

Глава 26

В свое время, перед убытием в прошлое, я попытался прочесть побольше художественной литературы на данную тему. Побольше, а не все – это потому, что прочесть все оказалось решительно невозможно. Где-то начиная примерно с две тысячи девятого года произведения подобного толка стали появляться буквально сотнями. Их герои попадали в прошлое поодиночке, компаниями, кодами и дивизиями. Кажется, имелись прецеденты хронопутешествий целых стран, но до них у меня просто не дошли руки.

В основном попаданцы из будущего могучим потоком перли в сорок первый год, но и прочим временам от них доставалось немало. Причем я смог уловить железную закономерность в их поведении. Неважно, куда заносило очередного индивидуума – в кабинет Сталина, будуар Екатерины Второй, хоромы Ивана Грозного или пещеру неандертальцев, он, чуть осмотревшись, садился и изобретал промежуточный патрон. Правда, если болезного закидывало достаточно глубоко, перед этим он должен был озаботиться получением пороха, но обычно это не занимало много времени и вообще происходило как-то мельком. А вот сам патрон – это было святое.

Однако мы, судя по всему, были какими-то не совсем правильными путешественниками во времени, и промежуточный патрон появился чуть ли не самым последним из наших новшеств, всего четыре года назад. Да и то он оказался хоть и промежуточным, но не тем.

Тот, что массовым порядком внедряли провалившиеся в прошлое герои, получил свое название в силу того, что был больше пистолетного, но меньше винтовочного. Наш же правильней было бы назвать переходным, ибо он являлся первым шагом от заднего куска ствола штуцера, не имеющего с патроном ничего общего, кроме названия, к нормальному боеприпасу общепринятого в двадцатом веке вида.

Это изделие было обязано своим появлением на свет нашему желанию иметь хоть сколько-нибудь приличный пулемет, причем не в одном экземпляре, и отсутствию возможностей воспроизвести любой образец двадцатого века. Ни ПК, ни РПК, ни даже "Максим" были не по силам нашей промышленности. Максимум, на что можно было рассчитывать – это на примитивные автоматы со свободным затвором наподобие ППШ. Но ведь хотелось иметь реальную дальность эффективной стрельбы не двести метров, а полкилометра. Однако патрон ТТ, он же в девичестве "Маузер 7,63x25", был для этого слишком слаб. А при использовании более мощного обязательно начнутся трудности с обеспечением нормальной работы того самого свободного затвора. Но это только если использовать более или менее классический патрон, я же специально для своего пулемета изобрел некоего монстра. Гильза размерностью 7x35 с максимальным диаметром одиннадцать миллиметров имела толщину стенок в полтора миллиметра и заканчивалась массивным донцем толщиной почти в сантиметр. Таким образом, ценой повышения трудоемкости и металлоемкости изготовления получался патрон, не склонный к раздутию или разрыву гильзы в схеме со свободным затвором.

Но к чему я это все рассказываю? Да просто скучно набивать вышеописанными патронами уже четвертый магазин подряд, вот меня и потянуло поболтать. Делать же это лучше самому, потому как самому же скоро показывать китайцам, что такое пулемет, и задержки в стрельбе тут будут совершенно неуместны.

Скажу без ложной скромности – у меня получилась не такая уж плохая конструкция, к осени седьмого года воспроизведенная примерно в пятидесяти экземплярах. Пулемет назывался "МГ-02" – по году разработки, имел тридцатипятипатронный отъемный магазин и весил всего девять с половиной килограммов без боезапаса и воды, а в готовом к стрельбе состоянии – чуть больше одиннадцати. На недоуменный вопрос "зачем водяное охлаждение ручному пулемету" я с некоторой даже долей снисходительности отвечу – а вы попробуйте без него обойтись, делая стволы из той стали, что мы могли себе позволить. В холодном виде ствол вел себя еще сравнительно неплохо, но, чуть нагревшись, расширялся и терял геометрию. Пули начинали лететь черт знает куда, но в целом очень недалеко, износ ствола резко усиливался. А водяное охлаждение всего-то добавило пару кило веса. Ведь, в отличие

от того же "Максима", в моем "МГ" ствол был неподвижен, а, значит, не было и проблем с герметизацией кожуха. Да и вообще ручники с водяным охлаждением в истории встречались, так что у меня даже не было причин считать свое детище уникальным.

Набив четвертый магазин, я скрепил их попарно (они изначально имели защелки для этого) и положил в фанерный ящик, где уже лежал сам пулемет, воронка и два съемных мешка для гильз. Или вы думаете, что мы дошли до такого расточительства, как одноразовые патроны, стреляные гильзы от которых можно разбрасывать где попало? Нет, после стрельбы они будут переснаряжены. А к пулемету подсоединялся не только вдвоенный магазин, но и мешок емкостью как раз под те самые семьдесят гильз.

Закрыв ящик, я отдал распоряжение командиру взвода охраны. Через полчаса в особняке донна Себастьяна начинался званый обед, и пора было двигать туда. Где, кроме хозяина и почтенного Гонсало, меня ждал гость из соседней империи, князь Ю Пэнчунь.

Надо сказать, что конец семнадцатого – начало восемнадцатого веков были уникальными временами по количеству сидящих на тронах лиц, которых без всякой натяжки можно было назвать великими.

Ну, про его величество Илью Первого я особо распространяться не стану, с ним и так все ясно. Но в Англии до недавнего времени правил Вильгельм, во Франции по сию пору царствовал Людовик Четырнадцатый, который, несмотря на не самые приятные стороны своей натуры, все-таки вывел свою страну чуть ли не в сверхдержавы. В России набирали ход реформы Петра, а Эфиопия совершила приличный рывок под руководством Иясу Великого.

Китай не являлся исключением – в нем уже сорок шестой год царствовал и двадцать восьмой год правил император Канси, причем правил он весьма эффективно. В принципе для характеристики его правления хватит всего одного факта – за это время населения Китая почти удвоилось и достигло двухсот миллионов человек! Для начала восемнадцатого века цифра совершенно фантастическая. Даже если предположить всякие приписки, то все равно никакого сравнения хоть с любой из европейских держав по отдельности, хоть со всеми ними вместе.

Да и вообще Китай демонстрировал очень редкую вещь – его правящая элита уже чуть ли не тысячу лет работала не только в своих интересах, но и в интересах страны. Достигнуто это было на первый взгляд довольно простыми средствами. Например, нормой были довольно замысловатые казни для провинившихся чиновников. То есть Китай двадцать первого века в этом смысле просто не отступил от заветов предков, только и всего. И, главное, императоры в основном понимали свою роль с соответствии с трудами Конфуция, то есть как надсмотрщиков за правящей элитой. Которая, кстати, была довольно-таки открыта для притока способных людей из народа.

Действовал строгий свод правил, по которым для занятия любой должности требовалась соответствующая ученая степень. Если перевести систему в привычные понятия, то получится, что для районного уровня нужно, хоть ты тресни, быть кандидатом, областного или губернского – доктором, а федерального – как минимум членкором. И при нынешнем императоре покупка ученой степени автоматом означала мучительную казнь как для покупателя, так и для продавца, отчего подобное случалось крайне редко.

Вот и визитер на Филиппины, Ю Пэнчунь, имел степень "цзюйжень" – насколько я понимал, это было что-то вроде доктора экономических наук. И то, что он родился князем, всего лишь облегчило ему получение соответствующего образования, но не давало никаких преимуществ при сдаче экзаменов.

Вообще-то в Китае уже очень давно роль потомственной аристократии являлась в основном декоративной. А члены императорской фамилии, кроме того, были и вовсе лишены права занимать какие-либо государственные должности. Правда, свято место пусто не бывает, и при слабых правителях забирали большую силу то родственники их жен, а то и вовсе евнухи. Но сильный император обычно начинал свое правление с массовой казни

упомянутых категорий, а дальше все шло по накатанной веками колее. Канси в общем-то не стал исключением, но силовые меры он предпринял только в отношении евнухов, а с женами поступил проще и гуманней. Он взял да увеличил их количество в несколько раз – почтенный Гонсало утверждал, что сейчас императорских жен больше пятидесяти. Понятно, что при таком количестве супруг их родственники не могли иметь никакого влияния. Мне даже подумалось – может, намекнуть Илье, что его четыре официальных жены на фоне некоторых смотрятся как-то бледновато?

Китаец оказался неожиданно молод, на вид ему было лет тридцать пять. Одет он был в сложной формы желтый халат с красными нарукавниками, весь разрисованный какими-то зверьми и птичками. Присмотревшись, я с некоторым удивлением увидел среди сюжетов не только четырехкрылого дракона, но и нечто, чрезвычайно похожее на ледяную птицу. Неужели они водятся и в Китае?

Пояса у халата не было, но слева через вырез откуда-то из-под него выходили ремешки, на которых висела то ли сабля, то ли меч. Скорее все-таки сабля, меч я представлял себе существенно больше. С другой стороны висела еще какая-то хреновина, подозрительно напоминающая чернильницу.

На голове доктор Ю имел сложной формы шапочку, напоминающую сахарницу, установленную в сковородке. Обе составляющих были малинового цвета, но сковорода чуть потемнее. За спиной князя стоял пожилой низкорослый китаец в совсем простом бордовом халате без всяких украшений и конусной шапочке синего цвета. Ни сабли, ни чернильницы он не имел, а Гонсало уже предупредил, что это переводчик, который знает испанский язык.

Поначалу обед показался скучным, но вскоре у меня закралось сильное подозрение, что гость знает испанский уж всяко не хуже, чем почтительно переводивший ему наши реплики спутник. К такому выводу привело наблюдение за мимикой доктора Ю – иногда понимание на его лице проступало сразу после моей очередной фразы, еще до перевода. Однако потом я заметил, что подобное бывает только тогда, когда он поворачивается ко мне, а дона Себастьяна и почтенного купца гость слушал с совершенно непроницаемым лицом. Не изменилось его поведение и потом, когда мы после десерта покинули особняк и вышли за ограду, метрах в двухстах от которой уже было оборудовано что-то вроде стрельбища.

Надо сказать, что оборудовать его было не так просто – ведь сразу за городком, на краю которого стоял особняк коменданта крепости, а теперь уже и губернатора, начинались джунгли. И в них была проделана просека шириной метров пятнадцать, а длиной – триста. Даже траву пришлось выкосить, а то ведь она тут была в рост человека.

В общем, я показал публике возможности своего МГ. Дон Себастьян был впечатлен по самое дальше некуда, и на его лице явственно читалось желание побыстрее узнать, не продадут ли ему хоть один. И если да, то за какие деньги и с какой рассрочкой. Или, может, вовсе подарят? Доктор Ю внешне остался невозмутим, но не поленился сходить в дальний конец просеки, чтобы посмотреть на пальму, в ствол которой я всадил треть магазина. Получилось неплохо, я по листьям узнал эту породу, потому и целился в конкретное дерево. Его древесина была очень мягкой, и с трехсот метров пули прошивали тридцатисантиметровый ствол насквозь.

Вскоре гости вернулись и по очереди произнесли речи. Начал, естественно, князь, он говорил семь с половиной минут, я специально заметил время. Потом заблеял переводчик, и его партия длилась уже почти двенадцать минут. А единственной информацией, которую удалось выделить из его речи, было то, что князь с благодарностью принимает мое приглашение посетить борт "Сухова", но просит уточнить время визита.

Ваш покорный слуга пребывал в небольшом офигении. Во-первых, это надо же было говорить так долго, а сказать столь мало! В принципе, пожалуй, у меня тоже получилось бы, но только по-австралийски. Мои же познания в испанском для таких высот ораторского искусства пока были явно недостаточны. Ну, а во-вторых... вот не припомню я, чтобы приглашал этого китайца на свой корабль! Собираться собирався, но озвучить приглашение

пока не успел.

Однако изумление не помешало мне с непроницаемым выражением на физиономии сказать, что уважаемый господин Ю может в любой удобный ему момент осчастливить своим присутствием борт "Товарища Сухова", такому гостю всегда будут рады. Прямо хоть завтра с самого утра приезжайте, уточнил я на всякий случай.

Подозрения меня не обманули, доктор Ю действительно отлично знал испанский язык, несколько хуже – английский и, кроме того, как-то мог изъясняться даже по-русски. На мой вопрос – откуда? – собеседник сказал, что его отец участвовал в состоявшихся почти тридцать лет назад переговорах с посольством Головина, закончившихся подписанием Нерчинского мира.

– Надеюсь, вы извините мое нежелание сразу ставить господина Гонсало в известность обо всем, – с улыбкой пояснил он. – В частности, о том, что в числе прочего мне поручено рассказать вам про некоторые аспекты деятельности филиппинских купцов, кои мой император считает не самыми лучшими.

Далее гость поведал, что вопли голландцев и стоны почтенного Гонсало о сокращении внешней торговли Поднебесной Империи – они, мягко говоря, не совсем соответствуют действительному положению дел. Пекин вовсе не собирается препятствовать развитию экономических связей, но только тех, которые он может контролировать. Проще говоря, вводится государственная монополия внешней торговли. Именно поэтому голландцы раскатывают губы на Гонконг, где, в отличие от Тайваня, императорским уполномоченным будет не так просто пресечь поток контрабанды.

– А чем им не нравится официальная торговля?

– Тем, что мы не хотим покупать их товары. Они либо никому не нужны, либо могут подорвать положение наших ремесленников, делающих то же самое. Купцу же Гонсало не нравятся установленные цены на австралийские рубины, которые, к сожалению, действительно можно продать заметно дороже, чем дает за них императорская казна.

– Кстати, в чем смысл такого принудительного понижения цен – вы что, собираетесь их перепродавать?

– Не собираемся, у Поднебесной нет подобной нужды. Наверное, вы знаете, что наши ювелиры обладают существенно большими знаниями, опытом и мастерством, чем европейские. Так вот, они внимательно изучили ваши камни. Я тоже обладаю определенными познаниями, и мне нетрудно было понять их удивление необычайной чистотой всех ваших рубинов и размерами некоторых из них. И, значит, после долгих совещаний пекинские ювелиры разделились на две группы. Первая, куда более многочисленная, считала, что все ваши камни из одного уникального месторождения, отсюда и их удивительные качества. Их вывод состоял в том, что, сколь ни велико было бы месторождение, когда-нибудь оно исчерпается, и камни подорожают. Однако вторая группа, возглавляемая лучшим императорским ювелиром господином Пу Ченлуном, настаивала, что ваши рубины и сапфиры имеют искусственное происхождение, несмотря на их безусловную подлинность. Вам интересно, что было дальше?

– Еще как! – хмыкнул я.

– Повелитель поручил мне собрать все доступные сведения о вашей светлости и ответить на один вопрос. Прошу прощения, если он покажется вам обидным, и готов прояснить его иносказательно...

– Да ладно, я по пустякам не обижаюсь, а не пустяков вы про меня все равно не знаете, так что, если не трудно, переведите вопрос императора по возможности точно.

– Сын неба пожелал узнать – вы глупы или умны? Расспросив множество людей, я пришел к выводу, что второе наверняка ближе к истине, и преподнес свое мнение императору. Он, внимательно выслушав, повелел считать правыми Пу Ченлуна и его учеников, сказав так:

"Если бы этот герцог был глуп, он мог бы без оглядки тратить камни, не думая, что

будет, когда они кончатся. Но раз он умен, его поведение означает, что камни не кончатся никогда".

Вот те на, мысленно присвистнул я. Надо же, как высоко оценена мощь моего интеллекта! Причем, что интересно, исходя из ошибочных предпосылок. Ведь мы тратили камни, хоть и искусственные, но не умея их производить! И вовсе не от дурости, а по расчету. Пусть не сейчас, но когда-нибудь нам удастся создать нормально работающую установку зонной плавки, и проблема будет решена.

Время показало правомерность такой точки зрения – полтора года назад Илья смог запустить долгожданную установку. Теперь оставалось только заставить ее нормально работать, и все. Наш император оптимистично утверждал, что на это ему потребуется не более трех лет.

Глава 27

О Конфуции я, понятное дело, читал еще в будущем. Ну, а перед визитом на Филиппины пришлось основательно освежить старые знания, потому как внешняя и внутренняя политика Китая во многом определялась именно конфуцианством.

Вообще-то любое философское течение есть инструмент для достижения каких-то вполне определенных целей. Разумеется, авторам часто кажется, что они сочинили свои труды вовсе не из каких-то узко шкурных соображений, а имея в виду продвижение к истине или, в особо тяжелых случаях, к счастью для всего человечества. Но на самом деле это означает, что практическое приложение упомянутых философских систем найдут другие люди, вот и все.

Конфуций, однако, к таким идеалистам не относился. И лично я всю его систему представил себе в виде простой сценки.

Сидит, значит, тот самый Конфуций, а напротив него совсем молоденький пацан. Он слушает, а Конфуций рассказывает о человеческих добродетелях. Красочно, увлекательно и многословно, но при этом не скучно. Наконец, решив, что аудитория созрела, оратор вопрошает:

– Хочешь ли ты вырасти тем достойным мужем, о доблестях которого тебе только что было поведано?

– Да, – неуверенно кивает пацаненок.

– У тебя обязательно получится! Если, конечно, ты научишься иероглифической письменности, а главное – будешь беспрекословно повиноваться достойным людям, сверяя каждый шаг своей жизни с их мудрыми указаниями.

В этом месте оратор скромно тыкает пальцем в свою персону.

Вот как-то так мне и представлялась суть конфуцианства. Описательная часть – это перечисление этических установок, очень правильных и полезных. А дальше идет простой и понятный каждому грамотному китайцу вывод о том, что все обитаемые земли можно представить себе в виде трех концентрических кругов.

Первый, внутренний, населен людьми, которые говорят на человеческом языке, пишут иероглифами, выполняют заветы Конфуция и подчиняются непосредственно императору. Только этих людей можно считать по-настоящему цивилизованными.

Далее расположен второй круг, где живут не совсем цивилизованные, то есть полудики. Их правители признают верховенство императора и знают человеческую письменность, но народ не в курсе подобных тонкостей.

Наконец, третий круг, то есть весь остальной мир, населен просто дикарями без всяких оговорок.

Разобравшись в этой системе, я начал думать – что же она мне напоминает? И быстро сообразил – общественное устройство, описанное в романе Войновича "Москва 2042". Те самые три кольца враждебности... убери из того мира дерьмопроводы – и получится почти точная копия Китая, как он просуществовал заметную часть своей очень длинной истории.

Кстати, она действительно уходит корнями в самую что ни на есть глубокую древность, что бы ни говорили и ни писали некоторые ниспровергатели основ. Один довольно известный романист, вдруг отчего-то почувствовавший себя историком, вообще утверждал, что история Китая насчитывает от силы лет триста, а Великую Стену возвели в начале пятидесятих годов по личному указанию Мао Цзе Дуна. Еще только прочитав это в двадцать первом веке, я как-то не проникся доверием к этой гипотезе, а теперь и вовсе был уверен в ее полной ошибочности. Ибо точно знал, где в мире находятся все хоть сколько-нибудь значительные месторождения калийной селитры. Не в Чили, там мы покупали натриевую, а в Индии и Китае.

Ведь как может образоваться это вещество? В природе – только путем очень длительного наваливания одного слоя дерьма на другой, и так десятки тысяч лет подряд! Или на худой конец просто тысячи, если население очень большое и в массе своей не страдает запорами. То есть содержание в почвах калийной селитры однозначно указывает на степень древности обитающего тут народа. В этом смысле Европа не котируется – там всего-то есть весьма незначительные залежи в Испании, и все.

Как мне кажется, в конце девятнадцатого века Китай привели к краху не столько пережитки феодализма в экономике, сколько пережитки конфуцианства в головах его правителей. И возрождение страны началось, когда идеи Конфуция были заменены идеями Мао, а вошло в силу после того, как из них был образован некий сплав.

У нас, в самом начале века восемнадцатого, тоже можно было увидеть признаки грядущего упадка великой державы. Ее погубит высокомерие по отношению к другим народам. То самое, которое помогло Поднебесной сформироваться и окрепнуть в окружении племен, действительно уступающих по уровню развития. Тех, что сейчас, по мнению китайского руководства, пребывали во втором круге.

На самом же деле перед руководителями этих стран стояла очень простая дилемма. Или делать вид, что смотришь в рот императору, самим же чихать на его распоряжения, только не очень явно, а так, в сторонку. Да плюс еще подучить язык и письменность, чтобы эти уроды отстали. Или решиться на войну, которая может закончиться весьма для них плохо.

Как правило, соседи выбирали первое, а дальше все уже зависело от них. Некоторые, например, Корея, в конце концов привыкали к мысли, что их страна есть профессиональный доминион. Как только Китай зашатался, корейцы кинулись судорожно искать, под кого бы еще лечь. Сначала с криками "вы только посмотрите, какие мы хорошие" сунулись было к России, но ее тогдашнее руководство вместо принятия решения вдруг начало жевать сопли. И кончилось это тем, что Корею прибрали к рукам японцы.

Эти пошли по иному пути. На словах, да и то не очень часто, Япония изображала из себя вассала Поднебесной, а сама только и ждала удобного момента, чтобы вцепиться в горло своему декларируемому суверену. Ждать пришлось долго, но японцы люди терпеливые, и они в конце концов дождались. От окончательного разгрома Китай спасло вмешательство европейских держав, тех самых презираемых "дикарей", но за это он вынужден был заплатить частичной потерей территорий и почти полной – государственного суверенитета. В общем, во втором круге быстро научились извлекать пользу из идей Конфуция.

А в третьем сообразили, как быть, еще быстрее. Ведь для того, чтобы получить подарки и преференции, требовалось всего лишь признать императора сыном неба, выучить несколько слов по-китайски и научиться писать два, а лучше сразу три иероглифа. Голландских и португальских купцов подобное не испугало. Испанцы в силу высокомерия поначалу воротили нос, но, увидев успехи конкурентов, опомнились и направили в Китай иезуитов, которые для достижения своих целей готовы были целовать под хвост самого Сатану, и уж тем более им нетрудно было изобразить благоговение перед Китаем.

Ведь по заветам Конфуция стремление дикарей стать на путь истинный заслуживает всяческого поощрения! А они, быстро поняв это несложный постулат, начали всю им

пользоваться. Дело дошло до натурального анекдота – не так давно в Китай прибыло якобы посольство от какой-то Римской империи. Ни в Вене, ни в Риме про них никто и слыхом не слыхивал, но это не помешало предприимчивым "дипломатам" огрести богатые дары и смыться в неизвестном направлении.

Австралия в моем лице, понятное дело, тоже повела себя правильно. Мне не нужны были всякие древние сервизы, и я сразу попросил о действительно нужной вещи – выделить нам штат квалифицированных преподавателей языка, письма и китайской этики, а то до сих пор в школе имени Штирлица с этим была полная труба. И доктор Ю так растрогался, что я даже не успел и заикнуться об оплате, как выяснилось, что учителя будут мало того что отправлены нам совершенно бесплатно. Дорогу тоже оплатит Китай, он же ежегодно будет перечислять довольно приличные суммы на содержание своих педагогов. Мало того, Австралия может присылать своих учеников в Пекин, где опять-таки заботу о них возьмет на себя принимающая сторона.

Я, честно говоря, такого не ожидал и дал себе слово срочно выучить хотя бы один иероглиф. Например, тот, который обозначает третий, впоследствии замененный синонимом слог изначального имени недавно произведенного в бароны капитана Суньелдуге.

Правда, вторая часть задачи – подсадить Китай на поставки австралийских вооружений – так просто не решалась. Во-первых, как это культурные люди станут покупать что-то у дикарей, а потом еще у них же учиться пользоваться купленным? Даже доктору Ю это казалось диковатым, несмотря на его достаточно широкий кругозор. А во-вторых, профессия солдата не пользовалась в Китае никаким особым уважением.

Да, тут не было ничего похожего на европейскую романтизацию рыцарства или японский самурайский кодекс. Зато имелась поговорка – "из хорошего железа не делают гвоздей, хорошие люди не идут в солдаты". Поэтому тут вылезало еще одно сомнение – зачем вооружать пусть и не откровенных подонков, но и не самую лучшую часть общества австралийским оружием? Вполне сойдет и свое, китайское. Пусть оно менее эффективно, с чем вынужден был согласиться доктор Ю, но в Поднебесной солдат много. А надо будет – их станет еще больше.

Однако во мне, похоже, с детства дремал талант коммивояжера, да и практика уже имелась, так что в конце концов я ухитрился впарить Китаю заказ на довольно крупную партию оружия. Причем – оцените! – по цене примерно в пятнадцать раз выше себестоимости и с полной предоплатой. Дело же было в том, что я предложил Поднебесной комплект – не только оружие, но и людей, которые будут его использовать.

Первым делом я обрисовал собеседнику сценарий будущих опиумных войн. Хотя и не без труда, но мне удалось доказать, что они пройдут примерно так, как я говорю, если не принять специальных мер. Затем посочувствовал нелегкому выбору руководства Китая.

– Отлично понимаю ваши трудности, – заверил я доктора. – Сам десять раз подумал бы, прежде чем вооружать своих подонков. И то, что вы говорили про наемников, тоже справедливо. Да, они могут быть использованы, но только в тех ситуациях, которые никак не задевают их страну. Но ведь есть люди, которые живут очень далеко, и никаких интересов в этом районе у них не может быть по определению! Вашим же людям ничто не мешает просвещать их в процессе службы.

Представив себе конфуцианского миссионера среди араукан, я с трудом сдержал улыбку, вспомнив недавний забавный инцидент.

Как-то раз, проезжая на велосипеде мимо казарм третьей учебной роты, где проходило подготовку свежее пополнение Иностранного легиона, я услышал истошные вопли и заехал посмотреть, что там происходит.

Оказалось, что один из недавно прибывших католических миссионеров, по-прежнему отправляемых в Австралию по договору с почившим папой Иннокентием, не придумал ничего лучше, как нести свет веры legionерам. В общем, он дошел только до пожелания подставить левую щеку после удара по правой, после чего арауканы решили проверить полученные знания на практике. И начали по очереди награждать его мощными оплеухами,

недоумевая – да когда же он, наконец, как обещал, подставит левую половину своей уже основательно опухшей морды? А проповедник только верещал, и все.

Пришлось объяснить солдатам, что они слишком прямолинейно поняли одну из основных доктрин христианства, а проповедник в силу недостатка опыта не смог им ее внятно растолковать. Затем одному из солдат было предложено дать мне пощечину и посмотреть, что из этого выйдет.

Он влепил мне оплеуху, я подставил другую щеку и, когда солдат открылся, размахиваясь для второго удара, провел неплохой правый в печень. Такая трактовка христианства понравилась зрителям, а я еще посоветовал им зайти в Фоменковский храм к помощнику настоятеля, гауптштурмпастирю отцу Илиодору. Он очень сведущ в интересовавших вас тонкостях христианства, у него есть чему поучиться, несмотря на его вроде бы хилое сложение, заверил я легионеров.

Интересно, во что выльется попытка проповедования конфуцианства в этой среде?

Ну, а насчет отсутствия у легионеров своих интересов в Китае и около я говорил чистую правду. Им не нужны будут даже деньги, лишние они просто передадут нам. И будут, не шадя своих жизней, воевать там, где им прикажет страна, которой они принесли клятву, то есть Австралия. Всякие же тонкости типа того, кто и сколько заплатил за врученное им оружие, вряд ли заинтересуют гордых сынов Южной Америки.

Однако охмурение китайского посланца оказалось нелегким делом. Причем после первых же своих слов я с удивлением услышал, что Сын Неба, оказывается, в полном соответствии с заветами Конфуция борется за мир во всем мире! При этом полагаясь не только на армию, но и на изначально присущую каждому императору, хоть и в разной степени, магическую силу "дэ".

Да... надо же, а нам-то с Ильей казалось, что только Австралия додумалась до миролюбия как основы своей внешней политики! А тут на тебе – чуть ли не конкурент. Правда, не совсем, потому как средства для достижения искомого мира применялись очень разные. В частности, Илья на магическую силу совершенно не полагался, о чем я и сообщил удовлетворенно улыбнувшемуся доктору.

Далее Ю Пэнчунь просветил меня относительно взглядов китайского руководства на проблемы вооруженных конфликтов. Они, надо сказать, радикально отличались от европейских. Там ведь до начала войны подразумевалось, что сходятся примерно равные в юридическом смысле противники, и война покажет, кто из них сильнее по факту. Китай же считал, что бывают либо бунты забывших свое место стран из второго круга, либо их превентивное усмирение. То есть любая война изначально рассматривалась как полицейская операция, потому и отношение к солдатам было примерно как жандармам в Российской империи.

Вот тут я и влез с предложением вместе с пулеметами получить право на вторичный наем араукан. Ведь их родина при всем желании не сможет взбунтоваться против Поднебесной!

Доктор Ю быстро оценил всю красоту предложенной идеи. Будучи умным человеком, он понимал, что справиться с европейцами будет не так просто, если не предпринимать радикальных военных реформ, но это противоречило чуть ли не всем заветам Конфуция подряд. А тут – в полном соответствии с оными – делать не придется почти ничего!

В общем, на этом беседа, хоть и продолжала иметь вид переговоров, свелась к уточнению деталей предстоящего найма.

Собеседник услышал, что арауканы в силу общей дикости считают врученное им оружие своим, и с этим ничего не поделаешь. То есть они, отслужив четыре года, заберут винтовки и пулеметы с собой. Австралия готова взять на себя связанные с этим издержки, то есть поставлять новое оружие для каждой последующей партии солдат, причем за цену, равную стоимости четырехлетней амортизации стволов. Правда, в моем варианте эта цена все равно раза в три превышала себестоимость. Но в качестве ответной любезности Китаю

предлагалось освоить производство гильз.

Я показал собеседнику собственно гильзу и выточенный из дрянного железа шаблон для проверки ее геометрии.

Доктор Ю повертел в руках латунную бутылочку и сказал, что для мастеров Поднебесной это не составит никакого труда. Действительно, даже если на изготовление одной гильзы у одного мастера будет уходить целый день, то десять тысяч человек, например, обеспечат такие объемы выпуска, которых арауканам хватит для завоевания всей Южной Америки вплоть до Мексики.

В завершение беседы доктор Ю вручил мне письмо от их императора к "вану Иль-я", так там был назван наш монарх. В двух экземплярах – на китайском и на испанском. В послании Сын Неба поздравлял Илью со вступлением на правильный путь и выражал надежду, что тот в кратчайшие сроки проведет в своей стране соответствующие реформы, после чего Австралия сможет с полным правом влиться в число вассалов Поднебесной. Я заверил доктора, что Илья будет очень благодарен за оказанное доверие, и на этом первая австралийско-китайская дипломатическая встреча завершилась.

Глава 28

Кроме переговоров с китайским эмиссаром, от меня требовалось утрясти несколько вопросов, связанных с новым статусом острова Себу. Первый из них – кого утвердить губернатором нового образования – в принципе был решен давно, и здесь мне оставалось только торжественно вручить дону Себастьяну грамоту за подписью его величества Ильи Первого. Правда, перед этим в ней следовало заполнить одно пустое место, что, к некоторому моему удивлению, так сразу не получилось.

Дело было в том, что особый район, образованный специальным указом Филиппа Пятого, не имел четко очерченных границ. В королевской бумаге было сказано – "Остров Себу и прочие острова, к нему прилегающие". Я решил посоветоваться с доном Себастьяном и купцом Гонсало, и тут выяснилось, что они представляют себе понятие прилегания очень по-разному.

Купец поначалу вообще заявил, что, строго говоря, остров Себу находится почти в центре Филиппинского архипелага. А если не рассматривать Лусон, на котором стоит Манила, то и тем более, то есть без всяких "почти". Так что Гонсало предложил считать прилегающими все острова, кроме того самого Лусона.

Однако эти планы не встретили у дона Себастьяна ни малейшего понимания. Он был в курсе, что выделяемые ему средства уже утверждены и от размеров подконтрольной территории не зависят. Должностной оклад – тоже, премии же будут выплачиваться исходя из поддержания порядка на вверенных островах. В силу чего он считал, что к острову Себу прилегают только торчащие кое-где у самого берега скалы, даже не имеющие названия, а все остальное – совершенно отдельные территории, не имеющие к особой зоне никакого отношения.

Услышав подобное, почтенный Гонсало поначалу онемел, а потом возмутился:

– Как, вы не собираетесь включить в особую зону даже остров Мактан?

Мне подумалось, что по крайней мере тут купец прав. Этот островок размером шесть на десять километров находился прямо напротив порта Себу, в силу чего тут и получилась удобная закрытая гавань. В нее был достаточно широкий вход с юго-запада, а на северо-востоке пролив между островами становился совсем узким, мелким, да еще с подводными камнями, так что там могли плавать только лодки. Стоп, а до чего это у нас дошел купец?

– Да на нем же Магеллана убили! – вещал он. – Оставим без вхождения в зону – такждемся, что еще кого-нибудь...

– Постойте, это какого Магеллана? – заинтересовался я. – Уж не Фернандо ли?

Оказалось, что так оно и есть. Почтенный Гонсало в красках рассказал мне эту

историю, причем с такими подробностями, будто она происходила у него на глазах.

Итак, после долгого перехода через Тихий океан корабли Магеллана достигли Филиппин и остановились на острове Себу, вот в этой самой гавани, где сейчас стоит "Товарищ Сухов". Местные жители встретили моряков очень радушно, а здешний раджа, посетив корабли, проникся их боевой мощью и предложил передать свой остров под протекторат Испании. Он, зараза, даже крестился, приняв имя Карлос! Почему "зараза"? Да потому, что сразу после крещения начал жаловаться – мол, вокруг живут всякие нехорошие люди и не признают его в качестве раджи.

Магеллан решил помочь своему протеже и привести к покорности самый ближний остров, то есть Мактан. Мысль была в общем-то правильной, но вот исполнение явно подкачало. Вместо того чтобы выяснить, где корабли экспедиции могут ближе всего подойти к берегу и огнем своей артиллерии поддержать высадку десанта, испанцы начали операцию прямо в проливе.

– Так ведь здесь к Мактану не подойти ближе, чем на полкилометра! – удивился я.

Но почему-то это не испугало Магеллана, и он приказал высаживать десант без артиллерийской поддержки с кораблей. Более того, и на лодках-то получилось приблизиться только на пятьдесят метров, а дальше с них надо было слезать и по колено в воде, скользя по камням, вброд добираться до берега.

Аборигенами же командовал грамотный и не трусливый вождь Лапу-Лапу, который смог в полной мере воспользоваться ошибками испанцев.

Он быстро увидел, что стреляющие с лодок аркебузы не могут пробить деревянных щитов островитян, а десант вообще не имеет огнестрельного оружия. Правда, поначалу аборигены безуспешно пытались пробить своим стрелами и копьями латы европейцев, но вождь своевременно понял, что это бесперспективное занятие. И велел целить в ноги, которые не были защищены ничем.

В общем, десант отступил, понеся большие потери. Магеллан, ринувшийся в драку в первых рядах, был убит. Радже так и не удалось отдаться Испании. Это получилось только у его внука, когда через сорок пять лет на Филиппины прибыла хорошо вооруженная эскадра под руководством дона Лопеса де Лагаспи.

Он не стал повторять ошибок своего знаменитого предшественника, а подошел к Мактану с северо-востока. Почти вплотную, до берега оставалось метров пятьдесят. Подождал, пока там соберутся аборигены, и выдал несколько бортовых залпов картечью, в результате чего с независимостью острова Мактан было покончено.

– Нет, – заявил я, – оставлять такое историческое место вне зоны будет, пожалуй, неразумно. Предлагаю критерий – к острову Себу прилегает все, что можно увидеть с его берегов.

– Значит, кроме Мактана это будут Негрос, Панглао, Бантаян, Олонго, Бохол... – начал загибать пальцы купец.

– Его-то откуда видно? – попытался остановить неконтролируемый прирост территорий дон Себастьян.

– Рядом с устьем ручья Рио-Бланка есть утес, на нем растет пальма. Если туда взобраться, отлично видно, особенно в ясную погоду. Значит, Бохол и Сикхор.

– Этот остров вы ни с какой пальмы не увидите!

– Зато, наверное, с воздушного шара получится. Нельзя его оставлять не присоединенным – он стоит на самом удобном пути к Себу.

Почтенный Гонсало шпарил наизусть, в этих местах ему не нужны были никакие карты. Мне же пришлось развернуть соответствующий лист и посмотреть, что имеется в виду.

Тем временем губернатор пока еще не пойми чего счел нужным уточнить:

– Остров Негрос сейчас подчиняется алькальду Паная, дону Хайме Бонифасию, а это очень достойный человек, не хочется его обижать.

– Вы не в курсе, какое у него жалование и когда он его в последний раз получал? –

поинтересовался я.

– Э... про размер точно сказать не могу, а получал он его, надо думать, где-то году в девяносто третьем. Прошлого века, естественно, а не позапрошлого.

– Мне так и казалось. Значит, вам будет выделено тысяча двести рублей единовременно и по пятьсот каждый год, как раз для того, чтобы всякие хорошие люди зря не обижались. А, наоборот, по мере сил помогали становлению особой зоны Себу. Кому, когда, под каким соусом и сколько дать – решайте сами. И, кстати, почему этот остров так называется – там что, живут негры?

На лице почтенного Гонсало явно читалось, что алькальду Паная и прочей голытьбе даже по двадцать рублей на рыло будет много, обойдутся пятнадцатью. И, значит, заметная часть упомянутой суммы уйдет на поддержание хорошего настроения у дона де Вальдоро. Но озвучивать свои мысли купец не стал. Наверное, предполагал, и не без основания, что его деликатность не останется без некоего материального поощрения. В общем, купец тряхнул головой, как будто отгоняя наваждение, и уточнил про название острова:

– Какие-то негры там действительно есть, но их мало. Название же остров получил из-за характерных черных скал своего побережья.

– А кроме негров, на нем кто-нибудь живет? И вообще, что-то интересное там есть?

– Сейчас – нет. Раньше в северной части острова стоял небольшой гарнизон, но сейчас его убрали, форт помаленьку разрушается. Насчет же достопримечательностей – там много пещер. Одно время даже ходили легенды, что в них спрятаны сокровища мусульманских пиратов, лет сто назад промышлявших на Филиппинах. Несколько человек пытались их найти, но безуспешно, только что двое вообще пропали. Еще там нашлось месторождение золота, но очень небольшое, и оно уже лет сорок как полностью истощилось.

В общем, вскоре мы договорились о границах особой зоны Себу, и гости откланялись. Я же решил повнимательнее изучить имеющиеся у меня карты. При них это было не очень удобно, потому как в числе прочих надо было глянуть на спутниковые, из двадцать первого века, а там было нарисовано слишком много лишних дорог и городов. Вот, кстати, есть тут один, на острове Мактан, и называется он Лапу-Лапу. Небось в честь того самого вождя, что отправил к праотцам Магеллана. Тут, кажется, и несколько снимков приложено... надо же, этому Лапу поставили памятник! А Магеллана, что, забыли? Нет, ему, оказывается, стоит монумент на Себу.

То есть будет стоять, поправил я себя, сейчас здесь пока ничего подобного нет. А так как теперь тут практически австралийская территория, то и не будет, если мы не озаботимся. Значит, надо выделить средства. Причем на две статуи, Лапу-лапу тоже пусть будет, раз уж он в той истории был. Может, их вообще объединить в одну скульптурную группу? Ну типа Магеллан со шпагой, а на него прет Лапу с копьем и дубиной.

Нет, пожалуй, это не лучший вариант. Потому как не следует заострять внимание потомков именно на конфликтах, а то мало ли, еще кто-нибудь вдохновится и пустит в дело дубье. Надо как-то подчеркнуть, что хоть и с большим опозданием, но тут все же воцарился мир.

Кстати, если бы вместо Магеллана в то время здесь оказались мы, история просто должна была кончиться полной благодатью. Может, и пришлось бы пострелять, но после стрельбы обязательно был бы подписан приемлемый мирный договор.

Я задумался, и вскоре перед моим мысленным взором стал потихоньку возникать будущий памятник.

Сидят, значит, Магеллан с Лапу-Лапу. Рядышком. На облаке, свесив ноги. С крылышками и нимбами. А между ними – шахматная доска какой-нибудь интересной позицией.

Интересно, найдется на Филиппинах приличный скульптор или придется выписывать его из Европы? Пожалуй, лучше все-таки оттуда, и кого-нибудь познаменитей, денег у Австралии хватит. Потому как проблему надо решать в общем виде, то есть создавать школу. Правда, у нас в Ильинске какой-то испанец из литейного цеха на досуге уже сваял пару

статуй, но, честно говоря, как-то хреновато. Например, запечатлевать меня я бы ему точно не доверил.

К сожалению, суровая проза жизни не позволила мне надолго воспарить в сияющие выси искусства. Пора было принимать решение о том, куда с Филиппин направится "Товарищ Сухов".

Возможных направлений было два – на юг и на север. То есть следовало определиться, возвращаться ли крейсеру в Ильинск или плыть к берегам Японии.

Мне, конечно, здорово туда хотелось. Не поверите – я за свою довольно долгую жизнь ни разу не видел живого самурая! Сёгуна тоже. Опять же всякая там якудза... или она появилась позже? Более того, в преддверии этого плавания я даже припомнил хокку. Правда, имелись подозрения, что оно не совсем японское, потому как, если присмотреться, здорово напоминало одну известную русскую поговорку. Но зато хорошо описывало ситуацию в Китае текущего времени. Вот оно... или она... в общем, читайте:

Жаба хитра.
Но маленький хрущ с винтом
Все же хитрей ее.

Однако Японию следовало посетить не только с целью посмотреть на самураев или еще что-нибудь столь же колоритное. Как раз сейчас она всерьез закрывала двери перед европейцами, за исключением голландцев. Да и те имели право торговать только на каком-то маленьком островке рядом с Нагасаки. Но на купцов из Азии эти ограничения не распространялись.

Происходило же это из-за неумеренного рвения христианских миссионеров.

Поначалу японцы принимали их очень радушно, ибо они прибывали вместе с купцами, а те в основном везли огнестрельное оружие. Но вскоре мастера страны Восходящего солнца как-то освоили производство аркебузов и мушкетов, так что причин любезничать с миссионерами в общем-то не оставалось. Тем более что их стараниями число принявших христианство перевалило за триста тысяч, в чем сёгунат усмотрел идеологическую диверсию. И запретил христианство, но тут же получил восстание его последователей. Оно было подавлено при активной помощи голландцев, за что те и получили право копошиться напротив Нагасаки. Ну протестанты же, что с них возьмешь! Опять же, если присмотреться, полученное ими право торговли по своей незначительности больше всего походило на тридцать серебряников.

Однако Австралия – это не Европа, не Америка и даже не Азия. Встревать в религиозные дела мы совершенно не собираемся, пусть японцы на здоровье исповедуют буддизм, синтоизм и неокунфу... то есть тьфу, конфуцианство. Тем более что лично я как-то представлял себе только первую из перечисленных конфессий, а про две другие знал только то, что они вроде бы существуют.

В общем, на данном этапе мы прекрасно обойдемся без углубления в теологические вопросы. Хватит того, что австралийское оружие – лучшее в мире. И пусть сыны Ямато его покупают, чтобы китайцам жизнь медом не казалась. Да и голландцам хватит пробавляться посреднической торговлей, при отсутствии вложений в собственную промышленность это вредно сказывается на экономике страны. А у нас с вложениями все в порядке, нам торговля чужими товарами вреда не принесет.

Но для осуществления всех этих красивых планов требовалось, чтобы "Товарищ Сухов" смог доплыть до Японии, не утонуть у ее берегов и по завершении миссии вернуться в Австралию. Однако по этому поводу у меня имелись некоторые сомнения.

"Сухов" был первым австралийским кораблем, сделанным целиком из стали – "Врунгель", "Лом" и "Фукс" имели смешанную конструкцию с преобладанием дерева. И, будучи первым, сильно напоминал пресловутый первый блин.

Его машины выдали проектную мощность только один раз – на ходовых испытаниях в бухте Порт-Филипп. А потом выяснилось, что правый двигатель может хоть сколько-нибудь долго давать только семьдесят процентов мощности, левый – восемьдесят, а центральный – девяносто пять.

Из баков хоть понемногу, но зато регулярно сочилась нефть. За время плавания к Филиппинам два раза открывались течи, хотя волнение в пути не превышало четырех баллов. Хорошо хоть с заеданием рулевого механизма удалось быстро справиться.

Кроме того, еще на стадии постройки выяснилось, что вес корабля превышает проектный, причем только в кормовой части. Но тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

По проекту "Сухов" должен был иметь две трехорудийные башни с длинноствольными стопятидесятимиллиметровыми пушками. Однако сделать удалось только одну, да и то с трудом. Чтобы не задерживать ввод нового крейсера в строй, мы решили поставить на корме башню с двумя сотками, как у "Врунгеля". Заодно выправлялась центровка, но корабль это, понятное дело, не украсило.

Я спустился вниз, посмотрел, как помпа откачивает снова появившуюся в трюме воду. Потом, чуть не вляпавшись в мазутную лужу, поднялся в носовую башню, где послушал жалобы ее расчета на плохую вентиляцию и поворотные электродвигатели, которые искрили, воняли и грелись при работе. И, вздохнув, велел готовиться к возвращению в Ильинск. Никуда от нас Япония не денется, нечего погордиться там с кораблем-недоделком.

Глава 29

Когда "Сухов" вернулся в Ильинск, мне не удалось даже толком обнять жен и детей на пристани. Потому как там присутствовал председатель Комитета государственной безопасности генерал Коричневый, всем своим видом показывая, что случилось нечто неординарное. И это несмотря на то, что связь со столицей регулярно поддерживалась весь рейс, но никаких особых новостей нам не сообщали. Илья тоже молчал, а это уже было интересно. Неужели моя тайная полиция, без особых затей названная КГБ, обнаглела настолько, что ухитряется скрывать от него какие-то важные сведения?

История австралийских секретных служб началась в девяносто третьем году прошлого века. Именно тогда население нашей империи возросло настолько, что возникла настоящая потребность в стукачах. Естественно, они быстро появились.

Первым занялся этим высокоморальным и полезным для кошелька делом кабатчик, приехавший в Ильинск из Себу. Но иметь всего одного осведомителя – это неправильно, и не только оттого, что он не может быть в курсе всего и что-нибудь обязательно упустит. Это, так сказать, дело житейское, но проверять-то его как? Поэтому к стуку вскоре подключился юнга с французской бригадинны "Красавица", за год до того спасенной нами в океане.

Примерно тогда же образовался поселок английских лесорубов на Тасмании, дела в котором тоже подлежали освещению. Но там этим занимался сам капитан пиратского фрегата, Джулиан Поуп, а помогали ему три матроса из экипажа.

Вскоре после своего фактического появления спецслужбы были зарегистрированы официально. Естественно, их было две – потому как если она одна, то кто же за ней присмотрит во избежание чего-нибудь нехорошего? Кроме уже упомянутого КГБ, образовалось еще и ЦРУ. Только это разведуправление было не Центральным, а Церковным, то есть входило в состав АХЦ на правах отдельной епархии, которой по штатному расписанию полагалось руководить группенпастырю.

Молодой француз и кабатчик пошли именно по церковной линии, а сыны туманного Альбиона стали первым составом комитета госбезопасности. Более того, Поуп одно время был его первым председателем, но долго на этой должности не удержался. Причиной для снятия явилась история с бегством четырех моряков под крыло самопровозглашенного тасманского короля, которую капитан сначала попытался скрыть, а потом, после хорошей

взбучки, так и не смогший нормально расследовать.

Зато это хоть и далеко не сразу, но все-таки получилось у одного из его подчиненных по имени Джеймс Браун. Он сумел даже узнать настоящее имя соседнего с нами монарха, а также то, что оный является англичанином, хоть и всячески это скрывает. Естественно, новым председателем был назначен именно этот смысленный матрос, по сему случаю сменивший свое не очень патристично звучащее имя Джеймс Браун на Якова Соломоновича Коричневого.

Первый доклад он мне предоставил на следующий после вступления в должность день – правда, в устном виде, потому как писать он тогда еще не умел ни на каком языке. Новоиспеченный младший лейтенант, именно такое звание я ему поначалу присвоил, был уверен, что его бывший начальник не потерпит возвышения своего недавнего подчиненного и пустится во все тяжкие. Я дал добро на разработку, и вскоре Поуп был взят с поличным при попытке выйти на контакт со вторым секретарем английского посольства Эвери. По результатам этой операции Коричневый получил внеочередное звание "старший лейтенант", а пиратский капитан – четыре года химии. Но отсидеть их ему не удалось, он подорвался меньше чем через год. А вот не надо было строить всяких коварных планов! Производство нитроглицерина требует высочайшей внимательности и не совместимо ни с какими посторонними мыслями во время работы.

Директор же ЦРУ пребывал на своей должности всего второй год. Молодой француз, поступивший в школу имени Штирлица, после ее окончания тоже сменил имя и пять лет проработал в России, где смог организовать Ост-Австралийской компании неплохую разведку. Два года назад Максим Максимович Исаев, так теперь звали бывшего юнгу, вернулся в Австралию, где получил чин бригаденпастыря и должность директора ЦРУ.

Как только я увидел генерала, меня заинтересовало не только то, что именно он хочет мне сообщить. А еще и почему про это же самое не рассказывает ЦРУ? Впрочем, этот вопрос прояснился сразу, как только я вошел в свой кабинет. Генерал, хоть он теперь и умел писать, все-таки не очень любил это занятие, а вот долго работавший за границей бригаденпастырь привык полученные им сведения оформлять в виде рапортов. Каковой и ждал меня в сейфе для секретной корреспонденции. Посвященный тому же событию, что и устный доклад генерала.

Оно состояло в резком увеличении поголовья иностранных шпионов в Ильинске. Только за время моего отсутствия КГБ выявил одиннадцать человек, а ЦРУ – восемь. Всего их было тринадцать, потому как многие обратили на себя внимание обеих спецслужб и упоминались в каждом списке. Трех пришлось арестовать, больно уж нагло они себя вели, за остальными установлено наблюдение. Фантастика, да и только! Даже в самые урожайные годы не получалось отловить больше двух, редко трех шпионов, а тут вон их сколько.

Но вот направление, куда стремились практически все агенты, вызывало и у председателя, и у директора вполне оправданное недоумение.

Это были не первый или второй авиазаводы, не механический завод, не оружейные мастерские и даже не верфь. А всего лишь недавно построенная в поселке Потогонка спичечная фабрика! Я бы еще понял, производись там бертолетова соль, но ее получали в готовом виде, как почти все остальные ингредиенты. На месте варили только костный клейстер.

– Император в курсе?

– Да, – кивнул генерал, – я ему докладывал на прошлой неделе, а Исаев тогда же отправил рапорт. Но его величество сказал, что разбираться с этим будете вы.

Кто бы сомневался, мысленно хмыкнул я. Однако скорость, с которой появились любопытствующие, наводила на определенные размышления. Ведь фабрика открылась всего год и два месяца назад! А на то, чтобы информация дошла до Европы, в лучшем случае требовалось четыре месяца. Если, конечно, она не была передана по радио через английское посольство, но все те документы внимательно изучались, и вроде ничего подобного в них не

было. Получается, что у неведомых отправителей был минимум времени для подготовки агентов. Именно неведомых, потому как три арестованных показали, что их отправляли на подвиг банкирские дома, причем каждого свой.

Вскоре спичечная тайна начала понемногу проясняться. Из нашего посольства в Лондоне была получена радиограмма для вице-директора госбанка Австралии Мозеса Ротшильда от его брата Карла. Мозес, кстати, теперь был уже самым что ни на есть настоящим бароном. Он отнесся к титулу очень серьезно, то есть в кратчайшие сроки обзавелся тщательно прописанными шестью поколениями знатных предков. С многочисленными фотографиями, прочими документами и даже орденом Слона, полученным основателем рода из рук датского короля Кристиана Пятого, о чем имелась соответствующая грамота. Правда, потом этот мифический предок в чем-то не сошелся с королем и вынужден был бежать, в конце концов оказавшись в Австралии.

Так вот, брат писал барону, что у них появились конкуренты. Кажется, это Фуггеры, но тут еще требуется уточнение, ибо в деле пока замечены только посредники. А собираются они заняться гнусным плагиатом, то есть устроить финансовую пирамиду, на что не имеют ни малейшего права! Причем, что удивительно, на спичках.

Прочитав это сообщение, я почувствовал немалое удовлетворение. Вот оно, начинается помаленьку! Примеры братьев Ротшильдов не прошли даром. Их первая пирамида, связанная с Сейшелами, была в какой-то мере тренировочной, принесла всего-то жалкие восемьсот процентов прибыли и тихо, почти без скандала заглохла, разорив не более тысячи человек. Но сейчас набирала обороты новая, в десятки раз масштабнее.

В отличие от Вильгельма, который придавал большое значение рытью шахты на острове Махорий, где на глубине полутора километров, как считалось, имелись богатые залежи австралийской селитры, Анна этой проблемой как-то не интересовалась. И продала все права на разработку лорду Годольфину, который за крупное вознаграждение выступал подставной фигурой, деньги он получил от Ротшильдов. Так вот, недавно публике был представлен небольшой расчет.

Австралия продает свою селитру по три с половиной тысячи рублей за килограмм (под этим именем фигурировала бертолетова соль, которую мы получали из поташа и морской воды; себестоимость получения колебалась от восьми до десяти рублей за тонну). Так вот, если эту самую селитру добывать, пусть даже с полуторакилометровой глубины, она обойдется в десятки раз дешевле! А потребность в ней исчисляется сотнями тонн. Это сейчас, а скоро счет пойдет на тысячи.

Прочитав оную арифметику, народ повалил к Годольфину с деньгами, причем в таких количествах, что собранных только за первый год средств хватило бы, чтобы дорыться до оливинового пояса. Но, разумеется, такой ерундой никто не занимался. По отчетам шахта дошла уже до отметки в девятьсот пятьдесят метров, а реально было прорыто меньше двухсот. По нашим планам, эта афера должна будет лопнуть года через два, причем с оглушительным треском.

Это и была основная работа барона Мозеса Ротшильда – если кто помнит, я собирался использовать его в качестве "вируса", внедренного в мировую финансовую систему. И задачей барона, с которой он успешно справлялся, было сделать так, чтобы для большинства населения Земли слово "банкир" стало однозначным синонимом слов "жулик", "ворюга", "грабитель" и так далее.

Что интересно, в России двадцать первого века этот результат получился как-то сам собой, ее население с самого начала соответственно относилось к своим финансовым деятелям. Но ведь почти во всем остальном мире дело обстояло с точностью до наоборот. Например, даже самый скептически настроенный американец был уверен, что среди банкиров встречаются честные люди! Представляете?

Если не очень, то вот вам крошечный эпизодик. Где-то за год до моего отбытия в прошлое текущий американский президент озаботился ростом безработицы. И добился

принятия программы по созданию новых рабочих мест. Их предполагалось сделать чуть больше миллиона, а выделено было... держитесь крепче... более семисот шестидесяти миллиардов долларов! Если вы еще не упали, поделите одно на другое и прикиньте, сколько столетий подряд с этой суммы можно будет платить не пособие, а хоть удвоенное жалование тому самому миллиону сантехников и уборщиц! Впрочем, быстро выяснилось, что деньги предназначались вовсе не этим людям. Их получили банки, причем крупнейшие. Вот это распил так распил! На таком фоне хватательные действия российских олигархов выглядят возней в песочнице.

У нас же, в восемнадцатом веке, подобного быть пока еще не могло нигде. И мы надеялись, что по крайней мере в Австралии не и не будет. Но надежды – вещь, конечно, хорошая, только сами по себе они не сбываются. Для этого нужны, во-первых, подходящие условия. Сейчас они есть, и по крайней мере лет сто никуда не денутся. А может, больше, но ненамного. Целой эры точно не наберется, если ничего не делать. Вот мы и делаем, что можем. Интересно, успеем ли посмотреть, что в результате получается? Ведь мы с Виктором и Ньютон прожили здесь по восемнадцать лет, а Илья – уже тридцать восемь.

Кот за последнее время сильно обленился, потерял интерес к кошкам и в основном спал, у него уже наступила вторая старость. У Ильи начали появляться залысины, Маслов прибавил солидности и выглядел теперь не нескладным юнцом, а вполне достойным пастырем австралийского народа, и только во мне вроде не происходило никаких изменений. Хотя, возможно, я их просто не замечал.

В общем, судя по всему, нам еще оставалось лет по сорок. Кому-то меньше, кому-то больше, но не сильно. То есть можно не суетиться, а продолжать спокойно обдумывать каждый хоть сколько-нибудь важный шаг.

Придя к такому выводу, я с облегчением вернулся мыслями к спичкам. Все-таки продолжительные возвышенные размышления о судьбах мира у меня вроде бы получаются, но только когда они не очень длинные. Минут пять максимум, это если подряд, а потом желателен перерыв, и подлиннее. Так почему в качестве объекта для развода Европы на бабки кем-то выбраны именно спички? И почему именно сейчас?

Ответ на второй вопрос лежал на поверхности. Европа уже устала от войны, и, похоже, здесь она закончится гораздо раньше, чем в покинутом нами мире. Ведь там чаши весов успеха колебались с довольно приличным размахом. Началась война при явном перевесе антифранцузской коалиции, и некоторые горячие головы уже предрекали скорый конец империи Людовика. Но тот собрался с силами и так вломил союзникам, что тем резко поплохело – настолько, что Голландия даже начала переговоры о сепаратном мире. Но эти титанические усилия окончательно подорвали экономику Франции, и на некоторое время ситуация стабилизировалась. Людовик предложил мир, но Англия на него не пошла. Тогда французский король как-то смог снова выскрести последние резервы и одержать еще несколько побед. Это убедило Лондон, что мир все-таки пора заключить, а то как бы не стало хуже.

Теперь же, в основном благодаря нашим своевременным вмешательствам, почти все сражения заканчивались вничью. Если кто-то и достигал успеха, то небольшого и ненадолго. В этой истории англичане не захватывали Гибралтар, а португальцы вообще не вступили в войну и, значит, не брали Мадрид. То есть война получалась какой-то безрезультатной, в силу чего усталость от нее у всех сторон наступила существенно раньше. Надо думать, скоро начнутся мирные переговоры. Условия скорее всего окажутся очень близкими к тем, про которые я читал в энциклопедии, но жертв и разрушений будет куда меньше. Вот оно, благотворное влияние нашей оружейной торговли и вовремя предоставленных кредитов! Без всяких преувеличений, Австралии есть чем гордиться.

Итак, в Европе скоро настанет мир, многие это уже чувствуют. Можно будет спокойно присесть, достать трубку, набить ее, а вот потом...

Первым делом вытащить на свет божий кресало. Не такое уж оно и маленькое, кстати –

нечто вроде небольшого кастета. Потом извлечь кремь, и не такой, какой вы привыкли видеть в зажигалках. А булыжник весом граммов сто, иначе его неудобно будет держать. Положить трут и несколько раз подряд шваркнуть кресалом по кремню, пока трут затлеет. Раздуть огонь, не закашлявшись при этом, запалить от него лучину, и только потом можно будет разжигать трубку. Если же лучина по неловкости вдруг погаснет, процесс нужно начинать сначала. Откуда, думаете, пошла мода на камины? В числе прочего это устройство, будучи растопленным, позволяет быстро взять огонь для свечей или тех же трубок.

Насколько неудобным был общепринятый способ добывания огня, наглядно показывает исторический пример. Ведь первые спички, изобретенные в начале девятнадцатого века, имели головки из смеси серы, бертолетовой соли и киновари, а для зажигания требовалось макнуть данное изделие в концентрированную серную кислоту. Люди шли на то, чтобы таскать с собой колбочку этой весьма небезопасной жидкости, лишь бы не устраивать вокруг огня шаманских плясок с надуванием щек и битьем железякой по каменюке. Такие спички продержались лет тридцать, а наиболее известным из их пользователей был Чарльз Дарвин.

Но теперь нашими стараниями многие уже знали, что в принципе можно получить огонь одним щелчком. В Европе у всяких высоких либо дружащих с Австралией особ давно появились газовые зажигалки, общим числом не менее пятидесяти штук. Ведь я захватил их в прошлое довольно много, приличных размеров коробку. Не знаю, сколько именно их там было, они покупались на вес. Заказывалось двадцать пять килограммов, вот и все. Пока их вполне хватало для Австралии, тем более что мы довольно быстро наладили производство сжиженного газа. Сейчас пункты заправки и ремонта зажигалок имелись в Ильинске, Эсперансове и на Свободном острове. Из Европы же к нам регулярно приезжали курьеры-заправщики. Владельцы зажигалок скидывались и отправляли в Австралию уполномоченного, чтобы он, значит, всего через год после отбытия вернул им их бесценные зажигалки в заправленном виде.

Спички делались нами в основном для армии, но и у гражданского населения они потихоньку приобретали популярность. Причем в силу общей бережливости австралийского народа уже появились умельцы, расщепляющие каждую спичку на две, а один уникум с Герцогского острова ухитрялся щепить их на три-четыре.

В общем, на спичках в Европе действительно можно сделать неплохой бизнес, подумалось мне. Пора рассказывать Илье, в чем тут дело. И заодно пригласить Виктора, потому как назрел вопрос, который мы по традиции решали только втроем. Причем требовалось полное единогласие, как в польском Сейме.

Он состоял в том, что число людей, знающих, кто мы такие и откуда взялись, пора было увеличивать еще на одного. Я ведь уже говорил, что Элли всегда была умницей. И поэтому она хоть и не сразу, но догадалась, что с официальной историей великой и могучей Австралии дела обстоят несколько сложнее, чем это рассказывают в Европе или даже проходят в начальной школе Ильинска. Но не делилась своими подозрениями, а просто ждала, когда же ее наконец сочтут достойной услышать правду. Кажется, этот момент уже настал.

Глава 30

Как-то незаметно прошло еще пять лет. В десятом году я в очередной раз сплавал в Европу на церемонию подписания мира, хотя боевые действия прекратились годом раньше. Воевать к тому времени надоело уже всем.

Одним из инициаторов скорейшего заключения мира стал глава Священной Римской империи германского народа, в будущем Австро-Венгрии, Иосиф Первый. Его величество очень хотел побыстрее лечь в открывшуюся Гибралтарскую клинику на полное обследование, но не решался оставить свою империю во время войны, хоть ему и были

предложены услуги по временному присмотру за страной. Но до таких революционных шагов он все же пока не созрел.

Зато именно ему принадлежала идея устроить подписание договора в Гибралтаре. Австрийский император придумал длинное обоснование. Мол, речь идет в основном об Испании, поэтому война должна быть завершена на ее территории. С другой стороны, Гибралтар безусловно можно считать нейтральным, потому как никаких военных действий тут не было и не будет. Дальше шли пункты от третьего и по семнадцатый, но они уже почти ничего не добавляли. Смыслом же данного письма, отправленного Иосифом в Амстердам, Париж и Лондон, было его желание оказаться поближе к вождельной клинике, чтобы не тратить времени на перемещение туда по завершении церемонии подписания.

В отличие от него, королева Анна о своем здоровье тогда еще не очень беспокоилась. Она помнила, что я напрогножил ей смерть в четырнадцатом году, но считала, что у нее еще есть время подкорректировать эту дату. Тут она опиралась на консультации своих привидений, которых стараниями молодой фрейлины баронессы Ланы Аутоугу, два года назад появившейся близ королевской особы, в Хэмптон-Корте развелось даже больше, чем в прежнем общепринятом лидере, французском замке Фонтенбло. Их фотографиями была полностью увешана северная стена в малой гостиной королевской резиденции, и поголовье продолжало потихоньку расти.

Королева уже прислала мне благодарственное письмо, где не могла нарадоваться на рекомендованную ей девочку – и мила, и воспитана, и скромна, а главное – несмотря на близость к ее величеству, ничего не просит ни для себя, ни для кого еще. И абсолютно не лезет в политику. В отличие от прежней подруги, Сары, которая последнее время стала совершенно невыносимой интриганкой.

Тут я был полностью согласен с Анной – Сара Черчилль действительно потеряла всякую совесть вместе с осторожностью и почем зря строила козни, входящие в противоречие с миролюбивой австралийской политикой. И не видел ничего удивительного в том, что ее гнусным поведением возмущился даже совершенно аполитичный дух Кэтрин Говард, не говоря уж о патриархе тамошних привидений, кардинале Уолси.

Так что интриганка недавно была удалена от двора, а ее мужу сразу после подписания мира предстояло вспомнить молодость и еще раз немного посидеть.

После церемонии подписания Гибралтарского мира я заскочил в Россию, но не в Москву, а всего лишь в Донецк, куда для встречи со мной прибыла царственная чета с двухлетним наследником престола Петром Петровичем. Прежний царевич Алексей, через год после своего побега объявившийся в Швеции, специальным царским указом был лишен не только всех прав на престол, но до кучи еще и русского дворянства. Петр даже спрашивал у супруги, не пора ли сему не в меру резвому вьюношу помереть от какой-нибудь геморроидальной лихорадки, но царица ответила, что пока от этого дурака нет никакого вреда, а дальше видно будет.

Железная дорога к тому времени дошла уже до Серпухова, так что русским царям было не очень трудно навестить штаб-квартиру Ост-Австралийской компании. Я поглядел на очередного внука Ильи, передал на оружейный завод документацию по производству магазинных пулеметов, сгрузил пятнадцать тонн бездымного пороха, про который в Европе все еще думали, что это механическая смесь наподобие дымного, и сыграл с Петром несколько партий в шахматы. Причем, что интересно, одну он свел вничью, а одну я вообще проиграл! Совершенно не поддаваясь при этом. Из Светы получился отличный тренер. Сама она играла не очень сильно, потому что ей требовалось слишком уж много времени на обдумывание каждого хода, но у ее мужа был совершенно другой склад ума. После чего царская черта была поздравлена с окончанием первой Северной войны, по результатам которой к России отошла Ингрия, западная Карелия и вся Эстляндия, и предупреждена, что, наверное, скоро будет вторая, потому как шведы этого так не оставят. И дело тут не только в Карле, у которого после ранения под Нарвой практически отнялись ноги, а в экономике.

Основной статьей дохода Швеции был балтийский транзит, что позволяло при небольшом населении содержать мощные армию и флот, а тут он одним махом как минимум ополовинивался! Никуда не денешься – надо либо воевать для восстановления статус-кво, либо искать иные источники дохода, либо утереться и отползти на третьи роли европейской политики. Поиск новых доходов пока имел немного сторонников, а третий вариант – еще меньше, так что от шведов следовало ждать именно продолжения войны. Вот только укрепят Стокгольм, чтобы исключить возможность нового ледяного рейда, по результатам которого был подписан мир, и снова начнут. Впрочем, Петр с Екатериной понимали это не хуже меня.

Далее "Врунгель" взял курс к Суэцкому каналу. Почему для путешествия в Европу был выбран он, а не "Верещагин", который, в отличие от "Сухова", практически не имел недоделок? У нас еще не было пунктов заправки нефтью, вот и приходилось использовать угольные корабли. Но это ненадолго, в Кувейте уже начали бурить первые скважины, а Суэцкий канал был близок к сдаче в эксплуатацию, его дирекция обещала, что "Врунгель" сможет пройти в Красное море.

Он действительно смог, хоть и с трудом – правда, мне пришлось ждать этого события почти три недели. Во время ожидания пришла радиограмма, что в Ильинске умер кот Ньютон. От старости, прожив в новом мире девятнадцать лет.

В одиннадцатом году началась подготовка к первому визиту в Австралию европейского монарха. И не какого-нибудь занюханного германского курфюрста, а целой британской королевы! Анна созрела для визита на другой край земли, чему в немалой степени способствовало состояние ее здоровья. Подготовка продолжалась почти два года и лично мне больше всего напоминала панику в каком-нибудь Мухосранске перед визитом туда президента. Впрочем, она явно пошла на пользу Ильинску – было построено много новых зданий, заасфальтированы все девять улиц, а на центральном проспекте даже появился трехкилометровый трамвайный маршрут.

Естественно, Анна отправилась в путь на английском корабле – самом мощном линкоре "Роял Соверен", после модернизации в восьмом году заполучившем в дополнение к парусам две паровые турбины общей мощностью в сто двадцать лошадей. Мы не предлагали ей плыть на австралийском крейсере – понятно, что монарх морской державы может использовать корабль только отечественного производства. Более того, англичане заранее переправили в Ильинск две кареты с несколькими комплектами лошадей. Даже в чужой столице королева считала неприличным ездить на чем-нибудь ином, в отличие от некоторых лидеров более позднего времени. Которые не стеснялись раскатывать на "мерсах" по столице имеющей свою автопромышленность страны.

Анна прибыла к берегам Австралии в январе тринадцатого года, а покинула их в феврале четырнадцатого. Визит прошел очень плодотворно. Начался он с торжественной отмены моратория на пересечение границ нашей империи, так что теперь любой мог посетить Ильинск, а через неделю отбывать, куда ему надо. Любой, имеющий визу, естественно, а мы их так просто не давали. Всем остальным по-прежнему можно было невозбранно высаживаться только на острове Свободы. Затем были ратифицированы старые торговые соглашения и подписаны новые, после чего начались переговоры о реструктуризации английских долгов. Анна в них не участвовала, она лечилась в Центральной клинической больнице Ильинска.

Насколько я понял, в Австралии на нее произвели впечатление всего два события. Первое – это то, что ей все-таки помогло наше лечение от артрита. Вторым стала встреча с владыкой Австралии, колоний и поселений. Вот уж не знаю, какие тайные струны в ее душе зазвенели при виде нашего могучего императора, но, будь королева моложе лет хотя бы на двадцать, Илье наверняка пришлось бы увеличить количество своих жен до пяти. Ну а так дело ограничилось неоднократными ужинами при свечах и обещаниями регулярно писать друг другу при расставании. А вот ни трамвай, ни автомобили, которых в тому времени в

Ильинске было целых три, ни даже пятнадцатитонный дирижабль королеву совершенно не заинтересовали.

Хотя нет, было еще одно незначительное событие, по поводу которого я удостоился беседы с ее величеством. Оно состояло в том, что две дамы из ее свиты вдруг начали проявлять ко мне неумеренное внимание, явно имея достаточно серьезные намерения. Проще говоря, их загрызла зависть к Элли, имевшей потрясающий успех на балу по случаю прибытия высокой гостьи.

Даже без учета внешних данных претенденток их дело было дохлым, ибо мне вполне хватало имеющегося количества жен, а уж учитывая, что одна из англичанок походила на селедку, вторая – на медузу, и обе были тупы как пробки, то и тем более. Однако Элли сочла нужным прореагировать. Она не стала унижаться до ревности или попыток расцарапать рожи конкуренткам, а написала им вежливое письмо. Где предупредила, что в случае продолжения их несуразных поползновений вынуждена будет вызвать нахалок на дуэль, причем для экономии времени обеих сразу. И, естественно, превратить их в решето – каждую.

Так вот, королеву заинтересовало, насколько серьезна была моя супруга. Я ответил, что на сто процентов, потому как в нашем дуэльном кодексе нет ни одного упоминания про пол участников, а в конституции прямо записано полное равноправие женщин. Стреляет же герцогиня отлично, причем с обеих рук.

Тут я ничуть не покривил душой. Зря, что ли, Элли полтора года подряд брала уроки у самого мастера Минина, под коим именем в Ильинске фигурировал дон Менендес?

Не знаю, что по этому поводу подумала королева, но чрезмерно инициативные дамы исчезли, а преподнесенный мной маленький дамский револьвер был принят весьма благосклонно. Однако от предложения покататься на дирижабле Анна отказалась. Каково же было мое удивление, когда, получив аналогичное предложение от Ильи, королева согласилась, причем, как мне доложили, без всяких колебаний! Я даже намекнул императору – может, ему стоит проявить чуть больше настойчивости? Не такая уж она и старая, всего сорок восемь лет. Та же Екатерина Вторая в этом возрасте была еще о-го-го! Не у всякого гвардейца получалось удовлетворить. В ответ моя светлость услышала, что поспешность нужна только при ловле блох. Сначала надо посмотреть, на самом ли деле помогло наше лечение, либо его эффект был чисто косметическим. До августа четырнадцатого года совсем немного, а роман в письмах только добавит возвышенности чувствам. И если королева действительно не помрет, то почему бы и нет? Он, Илья, вовсе не исключает озвученной мной возможности. Но в любом случае к столь серьезному делу следует подходить творчески. Вряд ли Анна настолько потеряет голову, что решит переселиться в Австралию. А главное, нам-то это на кой хрен нужно? Пусть сидит на своем троне, ей там самое место. И время от времени встречается с галантом или даже законным мужем, это уж как сложится. Но не заставляя же бедную девушку всякий раз плавать в Австралию на ее тихоходном деревянном корыте? Значит, требуется какое-то место примерно посередине пути, где и будут происходить англо-австралийские встречи на высшем уровне.

– Ага, – с ходу въехал в ситуацию я, – причем не на пути через Суэц. Он хоть и короче, но пока заметно опаснее, все-таки обстановка там еще далека от нормальной. И ты, значит, никоим образом не захочешь подвергать любимую каким-либо опасностям. Ибо в том районе все, что нам интересно, уже и так наше. Значит, остается Южная Африка. Знаешь, а пойду-ка я да посмотрю повнимательнее карты с полезными ископаемыми. Дворец для встреч руководителей двух держав не следует располагать абы где. Интересно, получится сделать так, чтобы в пределы поместья попали сразу и золотые, и алмазные россыпи? Хотя это зависит только от его размеров.

– Вот-вот, – кивнул император, – что-то подобное и имелось в виду. Кстати, у тебя не найдется чего-нибудь почитать про возвышенную любовь? А то я, честно говоря, уже основательно подзабыл применяемую в этом случае терминологию.

– Есть распечатка "Красного и черного", в самый раз будет, – успокоил я друга. – Плюс

письма Петрарки, тоже сойдет на цитаты в подходящих ситуациях. Ну и, естественно, классика на все времена – "Повесть о Ходже Насреддине".

– Там что, тоже есть? – удивился император.

– Еще как! Вот, слушай, цитирую на память, как раз недавно перечитывал:

"Вижу, вижу – могучее солнце и прекрасная луна любят друг друга. В сердцах кипит взаимная страсть. Они горят, они устремлены друг к другу, забывают об осторожности, пылкие взоры выдают их, кровь, прихлынувшая к лицам, изобличает их. Сладостная тайна обнажается, покровы падают...".

Или на тебе еще, если этого мало:

"О цветущая роза моих самых сокровенных помыслов! Неужели я слеп и не вижу ваших совершенств, неужели я мог бы сменить вас на какую-то другую женщину?".

– М-мм, – сомнением протянул Илья, – ладно, давай, попробую почитать.

Как уже говорилось, в феврале четырнадцатого года Анна отплыла домой, в Англию. А в апреле император предложил отметить пятидесятилетие Виктора в узком кругу, в малом императорском дворце.

Наверняка что-то надо утвердить, подумал я и не ошибся. Причем Илья не сразу перешел к делу, что в общем-то было для него не характерно, а начал со вступления:

– Друзья! Мы неплохо поработали, для того, чтобы в этом убедиться, достаточно выглянуть в окно. И сейчас, как мне кажется, каждый из нас заслужил какую-то награду. Так вот, прошу вас о таковой для себя, ведь по конституции сам я таких вопросов решать не могу.

– Можешь, – возразил я, – там черным по белому написано, что ты самодержавный монарх. А дальше идет перечень действий, от которых ваше величество должно по возможности воздерживаться. Но дело-то в чем, чего тебе не хватает?

– Времени. Я ведь не только император, но еще и ученый, и просто не могу долго существовать без своей работы. Тебе, Леша, проще, ты инженер. То есть специалист по решению технических проблем применительно к имеющимся возможностям, чем в основном и приходится заниматься. А мне, честно говоря, иногда становится просто тоскливо писать учебники, где законы Ньютона называются просто основными, и так далее. Кстати, ты мне подборку биографий по электрикам написал? А то ведь все чаще спрашивают, в честь кого названы вольты, амперы и омы.

– Как же! Знаменитые австралийские ученые Егорий Омов, Александр Вольтанутый и Эдуард Амперян отображены там во всем величии. Вот на днях с Колей Тесленко закончу, и можно будет приступить к обнародованию.

– А Джоуль?

– Так это кот Амперяна, про него во второй главе.

– Значит, – продолжил Илья, – мне надоело рассказывать, как именно кто-то раскрыл какую-то очередную тайну природы. В конце концов, я это тоже умею. И прошу у вас разрешения основать Императорскую академию наук с бюджетом примерно в пять процентов нашего годового, где я буду работать порядка десяти часов в неделю. И примерно половину того, что осталось от захваченных из будущего радиодеталей, вот список.

Нужно ли говорить, что первый министр с пастырем единогласно высказались за удовлетворение просьбы императора?

Глава 31

Третьего марта одна тысяча семьсот тридцать второго года небольшой самолет-амфибия "Пеликан" заходил на посадку в только что построенный аэропорт "Племянниково", расположенный почти сразу за Зеленоградом. За штурвалом сидел я, рядом Элли, сзади его величество Михаил Первый и его святость Викторий Второй. Остальные два места были пусты. Мы только что проводили Илью, Колю Барина, бывшую английскую

королеву Анну и еще полтора десятка давно знакомых нам людей. Куда? Никто в мире не мог этого сказать точно, и неизвестно, сможет ли когда-нибудь.

Как целую жизнь назад на Байкале на моих глазах исчезла лодка с бело-синим парусом, так и сейчас в Бассовом проливе покинул этот мир маленький, всего сто тонн водоизмещением, но великолепно оснащенный кораблик "Арго" с Ильей и прочими на борту.

Первый шаг на этом пути был сделан восемнадцать лет назад, когда Илья сообщил нам с Виктором, что хочет продолжить свои исследования, начатые в двадцатом веке.

– Хочешь еще раз убедиться, что нам можно не опасаться гостей из будущего? – спросил я тогда.

– Нет, – покачал головой Илья, – это и так ясно. Путешествие в параллельный мир невозможно, по крайней мере в рамках моей теории. Допускается исключительно перенос в прошлое своего же мира. Причем точно в тот момент, когда от него только-только начинает отпочковываться еще один вероятный вариант. Наш новый мир по отношению к тому, откуда мы родом, прошлым уже давно не является. Своего же будущего у него пока нет, мы, собственно, его и создаем. А вот прошлое – есть, и тут, кажется, возможны интересные варианты.

Больше Илья на эту тему не говорил, из чего я сделал вывод, что у него ничего не получается – как потом выяснилось, ошибочный. Но Академия и без исследований свойств времени выдавала неплохие результаты, так что Илья явно работал не зря. Однако два года назад он позвал меня в гости, сказав, что есть тема для серьезной беседы.

– Посмотри на меня, – предложил друг, – и прикинь, какому году двадцатого века соответствует мой вид.

– Примерно восемьдесят восьмому, – вынужден был признать я.

Да, за последние десять лет Илья здорово сдал. Он ведь появился тут на двадцать лет раньше нас с Виктором, да и в прошлой жизни начал стареть раньше меня.

– Никакой лейкемии у меня вроде нет, но это дело такое... даже если ее не будет, еще что-нибудь образуется. В общем, мой здешний путь явно подходит к концу. Советую обратить особое внимание именно на слово "здешний".

– Получилось? – ахнул я.

– Да. Вчера был первый успешный заброс крысы. Сразу после него ее удалось вернуть, и к вечеру она сдохла от старости – точно как в тот раз.

– И куда сейчас получилось?

– Примерно на двадцать тысяч лет назад.

– Ого!

– Мне тоже так кажется, но в истории нет точки ближе.

– Там же питекантропы!

– Сам ты питекантроп, там уже давно кроманьонцы. Но, возможно, где-то еще сохранились неандертальцы.

– А это еще кто такие?

– Люди, у которых объем головного мозга больше, чем у современного человека, но они почему-то исчезли. Если верить антропологам, внешне довольно похожие на меня.

Илья помолчал и закончил:

– Разумеется, тут еще много неясностей, но, по предварительным прикидкам, для их преодоления потребуется не больше полутора лет. Так что подумай, хочешь ли ты идти со мной. Виктору уже предлагалось, он отказался.

М-да... Если бы подобный выбор встал, когда мне останется всего ничего от жизни, как Илье, может, я и согласился бы. А может, и нет. Но сейчас...

Бросать детей, страну и дело всей своей второй жизни ради того, чтобы начать третью?

Я открыл было рот, чтобы последовать примеру пастыря, но вовремя заткнулся. Ладно, мне уже никуда не надо, хватит того остатка, что доживу тут, тем более что дел неуворот, а осталось мне никак не меньше двадцати лет. Но Элли-то зачем лишать шанса? Без меня она

никуда не отправится, тут и думать не о чем.

Когда я рассказал жене про предложение Ильи, она растерянно сказала, что, конечно, пойдет со мной куда угодно. Но я достаточно хорошо знал свою половину, чтобы заподозрить полное отсутствие энтузиазма по данному поводу. И вскоре выяснилось – она готова отправиться в неизвестность только для того, чтобы не расставаться со мной, а вообще-то ее эта идея не прельщает.

– Но у меня-то было уже две жизни, а у тебя...

– Тоже две! Одна до встречи с тобой, вторая после. Ничуть не хуже, чем две твоих! У меня тут дети, внуки, ателье, киностудия... Куда мне от них? Или ты считаешь, что я у тебя уже старая?

– Окстись, родная, – с чистым сердцем сказал я. Действительно, в свои пятьдесят с небольшим лет Элли выглядела потрясающе. Когда она появлялась с сыном, те, кто не в курсе, думали, что это его девушка.

Под конец Элли немного поплакала у меня на груди, а с утра я пошел к Илье.

– Так и думал, – кивнул он. – Тогда у меня к тебе будет просьба. Есть человек, который уже согласился последовать со мной. Но просто так покинуть свое место он не может. Догадываешься, о ком я?

– Анна решила отправиться к кроманьонцам?

– Да. И от тебя требуется так обставить ее исчезновение, чтобы ни у кого не возникло никаких вопросов.

– Сделаем, – пообещал я. И улыбнулся, вспомнив самое начало их странного романа.

Илья тогда часто писал ей послания, но однажды сломал правую руку и попросил, чтобы очередное я отстучал лично.

– Перед ребятами-радистами неудобно – признался император. – А в посольстве отец Юрий, он все понимает.

И вскоре я, стараясь не ржать в голос, морзил:

"О цветущая роза моих самых сокровенных помыслов..."

Но лет семь назад Анна была поставлена в известность о существовании радио, за полгода выучила азбуку Морзе, и теперь для беседы с Илеей тет-а-тет ей достаточно было зайти в наше лондонское посольство.

Вот так и получилось, что одним прекрасным утром королева Анна решила посетить заново отстроенный флигель Виндзорского замка, где продолжались попытки получения бездымного пороха. Произошедший сразу после этого взрыв был даже сильнее, чем в прошлый раз. На английский трон сел Георг Первый, а через два месяца в Ильинск прибыла небольшая быстроходная яхта с двумя пожилыми пассажирами на борту. Кроме Анны, в неизвестность пожелал отправиться и семидесятипятилетний мистер Мосли.

И вот, наконец, вчера утром Илья объявил, что удаляется от дел, торжественно вручил корону Михаилу, а сегодня попрощался с народом и взошел на борт "Арго". Через час после выхода из бухты произошел перенос, и теперь провожающие возвращались домой.

Илья предупредил – из-за того, что этот заброс будет в очень глубокое прошлое, возможность передать оттуда сигнал если и представится, то только один раз. Да и то не сразу, это чтобы мы зря не волновались. Но все-таки этот сигнал пришел довольно быстро, я только и успел, что приготовить документы о координатах древней столицы Австралии, города Метрополия.

Они были взяты отнюдь не с потолка. Еще в советские времена у меня был один знакомый, часто работавший в антарктических экспедициях. И, выйдя на пенсию, он как-то раз рассказал мне о странной находке, сделанной во время бурения глубокой скважины во льду. Но потом началась перестройка, а вскоре знакомый умер. Никаких сведений о той находке в открытых источниках не появлялось, а это могло означать две вещи.

Или историю очень сильно засекретили.

Или про нее просто забыли, потому как начальству стало не до какой-то там

Антарктиды.

И, значит, пусть теперь наши потомки ищут древнюю столицу великой империи. Интересно, что они там найдут?

Так вот, не успел я поставить последнюю точку в документе с координатами, как на панели оставленного Ильей пульта запищал регистратор и зажегся светодиод. Он горел двадцать две секунды, что означало – все в порядке, мы в минус двадцать втором тысячелетии...

После чего погас и больше никогда не загорался.

Эпилог

Василий Германович Пинтаев смотрел в иллюминатор на все увеличивающуюся в размерах железную дорогу, вдоль которой летел трансконтинентальный лайнер "Це-430", уменьшивший высоту с девяти километров до трех и продолжающий снижаться. До конца полета оставалось минут десять. Скоро внизу покажется водохранилище, затем будет виден самый край пригородов Зеленограда, где лайнер повернет вправо и начнет заход на посадку в международный аэропорт Племянниково.

Как ни странно, но, будучи коренным ильинчанином, Василий не был там ни разу. До сих пор он летал либо местными рейсами из Потогонки, либо на военных бортах из Жуковского, а Племянниково видел только на фотографиях. Жалко, что сейчас не выйдет вдоволь полюбоваться архитектурными красотами, ведь после завершившейся три года назад реконструкции Племянниково стало настоящим чудом света, но времени как следует рассмотреть его не будет. Хотя...

Василий глянул на крыло, где элерон явно сдвинулся чуть вверх, и лайнер, немного накренившись, начал поворот. А это означало, что посадку с хода ему не дали, диспетчер направил воздушный корабль в зону ожидания. Ничего необычного в этом не было – более того, в рекламном буклете "Австралийских авиалиний" в случае ухода в зону советовали обратить внимание на панораму международного аэропорта, которая первую половину круга будет видна справа, а вторую – слева, хоть и с несколько большего расстояния.

Да, вскоре признал Пинтаев, с воздуха главное здание смотрится потрясающе. Причем, несмотря на его огромные размеры, понятно, что это всего лишь постамент для небольшого по сравнению с ним, примерно тридцати метров в высоту, памятника Великой Тройке.

Мальчиком Василий часто бывал в гостях у бабушки с дедушкой, где видел самые первые эскизы и модели этого выдающегося произведения монументального искусства. Дед был скульптором и всю жизнь готовился к тому, что когда-нибудь он сможет изваять памятник, достойный этих столь много сделавших не только для страны, но и для всего мира людей.

– Понимаешь, Вася, – не раз говорил он внуку, – мы понаставили им немало монументов. Но каких? Парадных, неживых, якобы подчеркивающих таким образом незыблемую мощь нашей державы. Но кому это нужно, подчеркивать? И без того в мире не найти человека, не знающего, что такое древняя, великая и могучая Австралийская империя. А беспримерные свершения этих людей достойны того, чтобы потомки видели их живыми. Такими, какими они и были во времена своих великих дел.

После чего обычно извлекался какой-нибудь фотоальбом.

Род деда был не очень древним, сведения о первом Пинтаеве относились к началу восемнадцатого века. Разумеется, снимков основателя рода сохранилось много, но Васе больше всего нравился самый ранний, еще черно-белый. Но все равно очень качественный. Предок стоит на высокой горе, окруженной морем, у мачты с австралийским флагом – молодой, улыбающийся, всего с одной шпалой в каждой петлице парадной рясы. Внизу подпись – "штурмбанпастыр отец Александр. Гибралтарское графство, май 1713".

Родители хотели, чтобы Василий пошел по духовной линии, и он, в принципе ничего против не имея, с детства зачитывался книгами про духовных лиц – настоящих австралийцев

в черных мундирах. Разведчиков, дипломатов, миссионеров, прогрессоров...

Правда, потом он заинтересовался техникой и, убедив в своей правоте отца, стал тем, кем он и остается сейчас – одним из лучших буровых мастеров, последние три года проработавшим на ледяном континенте метрополии. Но это было потом, а тогда...

Маленький Вася рассматривал фотографии из дедовских альбомов. Да, Трое были там совсем не такими, как на иллюстрациях в учебниках истории. Поначалу даже мелькали казавшиеся кощунственными мысли – да ведь Илья Основатель здорово смахивает на какого-то питекантропа! Только что очень большого. Но потом, присмотревшись, мальчик понял, насколько ошибочным получилось первое впечатление. Особенно хорошо это было видно на снимках, запечатлевших императора среди студентов – такое спокойное, мудрое, понимающее выражение лица увидишь не часто.

И герцог Алекс вовсе не был писанным красавцем, особенно в молодые годы. Высокий, мосластый, с довольно длинным носом на лошадиной физиономии, он весело скалился с борта маленькой деревянной "Победы" или из открытой гондолы дирижабля.

Пастырь тоже сильно отличался от своих официальных изображений. Там в основном был принят образ мудрого старца, а с фотографий в дедовском альбоме смотрел искренне удивленный окружающим миром нескладный молодой человек.

Но ведь Тройка была именно такой, когда начинала свой беспримерный путь! И дед всю жизнь постоянно возвращался к идее соответствующего монумента.

Он не дожил до того момента, когда со скульптурной группы на крыше главного здания аэропорта было сдернуто покрывало. Но результат его трудов теперь известен всему миру.

В аэропорту Василия уже ждали двое в форме императорских курьеров. Получение багажа не заняло много времени, и вскоре Пинтаев со своим чемоданом садился в "Рыдван-303" – машину с виду довольно скромную, но очень качественную. С незапамятных времен австралийские императоры не признавали показной роскоши. Зато часто вникали в дела, которые с первого взгляда можно было посчитать незначительными. Вроде того, по которому Василий и был приглашен к его величеству прямо с семьдесят пятой параллели ледяного континента. Впрочем, вот он-то сделанное там открытие никак не мог отнести к третьестепенным.

Василий всегда интересовался не только техникой, но и историей. Его детство совпало с появлением в Североамериканских Соединенных Штатах теории, вскоре приобретшей сторонников даже в Австралии – правда, немногих и ненадолго, больно уж сильно эта теория противоречила многим бесспорным фактам. Да и родилась она явно из чувства собственной ущербности, потому как истории государства САСШ было чуть более двух веков. Вот там и нашлись умники, утверждающие, что Австралия всего на полвека старше!

Вася долго смеялся, когда впервые услышал такое. Тогда он в очередной раз гостил у деда. Бабушка же была урожденной баронессой Суньелдуевой, и в их роду всегда очень трепетно относились к собственной родословной. Чтобы сделать ей приятное, да и из интереса, Вася к тому времени почти наизусть знал длиннющий список баронов и их деяний, начиная с первой половины тринадцатого века. Да там одни только фотографии занимали три больших альбома!

Впрочем, в Австралии данная теория приобрела популярность не совсем по тем причинам, что в Штатах. Ведь если признать ее правильной, величие подвига Тройки вообще переходило все мыслимые границы! Явиться непонятно откуда и на пустом месте за считанные годы создать могучую империю... Лестно, конечно, считать себя потомками таких титанов, но все же следует обращать внимание и на факты.

Любой желающий может посетить большой императорский музей и сколько душе угодно смотреть на предметы и устройства времен до Великой войны, некоторые из которых невозможно воспроизвести даже сейчас, хотя недавно двадцатый век перевалил за половину.

Да, в истории Австралии много белых пятен, но ее основная линия сомнений не вызывает.

Начало последней эпохи изоляционизма совпало с очередным периодом похолодания. Первое время австралийцы не беспокоились, ибо могучая техника позволяла им не зависеть от капризов природы. Но потихоньку становилось ясно, что человек проигрывает эту битву. Население неуклонно сокращалось, потому что люди в массе своей не желали поступиться привычным комфортом. К середине семнадцатого века число бездетных семей превысило число однопородных, а два ребенка были исключительной редкостью. И это при населении около миллиона человек! Умные люди уже тогда поняли, что это катастрофа, но до начала активных действий прошло еще сорок лет, за которые ситуация только ухудшилась.

Но, наконец, на престол вззошел император Илья Первый. Все его царствование было посвящено спасению великой империи, причем работы шли сразу по двум направлениям.

Первым из них было – покинуть этот мир и уйти в другой, необитаемый и более теплый. Где не пришлось бы ни с кем воевать за место под солнцем, чего совершенно не желало большинство австралийцев. Теоретически такая возможность имела, но когда теория воплотится в практику, не мог сказать никто. То есть наличествовала немалая вероятность просто не успеть.

Второй путь был задуман как резервный именно на этот случай. Основать колонию на большом и почти безлюдном материке, чтобы иметь возможность хоть куда-то эвакуировать остатки населения в случае провала первого проекта.

Первый проект координировала группа ученых. Второй взял на себя император Илья с двумя своими верными соратниками.

Обе задачи серьезно усложнялись тем, что основная масса населения ничем не желала жертвовать ради своих потомков. С большим трудом удавалось найти средства на продвижение первого проекта, а на второй не оставалось почти ничего. Но даже в этих условиях Илья, Алекс и Викторий с блеском выполнили взятую на себя задачу. К двадцатым годам восемнадцатого века колония на материке Новая Австралия стала самостоятельной. С тех пор Илья, не отрываясь от управления ей, уделял все больше внимания первому проекту, перенеся часть исследований в Ильинск.

Судя по всему, именно там были достигнуты решающие результаты. Во всяком случае, именно оттуда в тридцать втором году отплыл небольшой, но великолепно оснащенный корабль "Арго". Илья Основатель передал власть наследнику, попрощался с народом и отбыл руководить переселением оставшихся на ледяном материке в новый мир. Ведь он был императором всей Австралии и не мог передать кому-либо ответственность за большую часть ее коренного населения. Герцог и пастырь остались в созданной их усилиями стране, где было еще очень много работы.

Вскоре пришло сообщение, что переброс успешно завершен. И с того момента Новая Австралия лишилась первого слова в своем названии, став единственной. Отныне она могла рассчитывать только на свои силы, но благодаря неустанным трудам Тройки они были уже вполне достаточны для успешного преодоления любых трудностей.

После исхода императора пастырь Викторий Второй прожил еще двадцать лет, а герцог Алекс де Ленпроспекто – двадцать девять. И вот уже около двух веков они, как и их деяния, принадлежали вечности.

Разумеется, в австралийской истории немало неясностей и даже противоречий. Просто потому, что она была куда длиннее, чем у любой другой страны, и содержала много больше драматических моментов. Но все-таки кое-что потихоньку проясняется. Например, не так давно на основании длительных исследований была воссоздана биография выдающегося путешественника времен шестой династии капитана Врунгеля. А то ведь доходило до смешного – один из самых мощных крейсеров австралийского флота почти всегда имел это имя, но даже среди команды мало кто представлял себе, что именно совершил когда-то

носивший его человек.

Правда, с жизнеописанием товарища Сухова ясности пока не имелось, к настоящему времени не удалось даже установить его полное имя. Однако корабли с таким названием все равно бороздили океаны уже больше двухсот лет.

Имела хождение гипотеза, что Сухов участвовал в обеспечении безопасности постройки Суэцкого канала, но основана она была на весьма шатком основании – одному из систершипов "Товарища Сухова" с самой первой серии присваивалось имя "Абдулла". Предполагалось, что имеется в виду капитан Абдулла Аль-Хабиб, довольно известный тунисский корсар на австралийской службе. Но мать Василия, преподаватель истории в Ильинском университете, эту версию не признавала. Ведь о том времени сохранилось много документов, но ни в одном из них не фигурировал ни Сухов, ни Верещагин. Но зато имелось свидетельство, что герцог Алекс как-то раз уточнил – до встречи с Суховым Верещагин был таможенником, автором известного афоризма "я мзду не беру, мне за державу обидно". А, значит, он никак не мог жить позднее пятого века нашей эры, в конце которого таможенная служба была заменена пограничной стражей. Скорее всего, эти люди прославились во время борьбы с алжирскими пиратами и контрабандистами, приобретшей наибольший накал на рубеже третьего и четвертого веков. Мать считала, что именно тогда проявил себя товарищ Сухов. Со своими соратниками Верещагиным, Абдуллой и Гюльчатаем.

Она даже написала о них книгу, но не научную, на нее все-таки не хватало материала, а художественную. Роман имел успех, в прошлом году по нему даже начали снимать фильм. Василий тоже приложил руки к его созданию – ведь мать никогда не покидала юга Австралии, а сын как раз тогда вернулся из Алжира, где бурил нефтяные скважины, поэтому смог хорошо рассказать про те места. Он же предложил название – "Белое солнце пустыни".

Почти сразу после алжирских песков Пинтаев оказался в ледяных просторах бывшей метрополии. Где он впервые искал не воду, нефть или газ.

Еще лет двадцать назад историки смогли достаточно точно вычислить расположение Метрополя, древней столицы Австралии. Но теперь над этим местом было два километра льда. И, наконец, недавно удалось добиться выделения средств на глубокое, то есть до поверхности материка, бурение в этом месте.

Первые две скважины не дали ничего. Уже раздавались голоса, что ни к чему тратить ресурсы и силы на доведение до конца третьей, как металлоискатель, погруженный на глубину тысяча семьсот метров, показал, что внизу, у самого базальта, есть какие-то металлические тела.

Василий тогда убедил начальство продолжать бурение, не дожидаясь реакции сверху. Потому что он чувствовал – там, внизу, может быть ответ на самый, как он считал, важный вопрос истории.

Откуда на Земле взялись австралийцы?

Вообще-то ответы уже имелись, но целых три. Истинным же среди них мог быть только один.

Далеким предкам могли быть коренными жителями нашей планеты.

Они могли явиться на нее из какого-то другого мира, как двести лет назад куда-то пришли остатки населения метрополии под руководством Ильи Основателя.

И, наконец, они могли быть космическими путешественниками.

Кусок металла, извлеченный из толщи вечных льдов, не давал прямого ответа на эти вопросы. Строго говоря, его и к металлам-то отнесли только из-за блеска и феноменальной прочности, по удельному сопротивлению же он больше напоминал полупроводник. Судя по всему, это был элемент обшивки какого-то устройства. Причем явно оплавленный! А в лаборатории на месте бурения смогли установить только то, что его температура плавления превышает семь тысяч градусов. Сейчас, в середине двадцатого века, Австралия не могла производить ничего подобного.

Что это – элемент конструкции потерпевшего крушение космического корабля или кусок брони, оплавленный близким ядерным взрывом во время бомбардировок Метрополя атлантами? Пока этого не мог сказать никто. Но Василий не сомневался – открытие, к которому и он приложил руку, ускорит движение его родины по пути, начертанному Тройкой. Пути, который дает людям надежду, что история не кончится на их сыновьях или внуках. А то ведь до чего дошло – уже раздаются голоса, что лунная программа, пока еще находящаяся в стадии подготовки, слишком затратная и не сулит скорой отдачи! Как будто освоение нового материка, начатое Ильей, Алексом и Викторием, обещало немедленные дивиденды. Но благодаря ему живут все нынешние австралийцы, да и не только они.

Василий не знал, с чем связан срочный вызов на аудиенцию к его величеству Михаилу Второму – только с находкой или все-таки еще и с докладной запиской, где он обосновывал необходимость заранее разработать компактную буровую для использования на Луне. Потому как ее недра могут скрывать много интересного. В свое время, правда, без особой надежды, Пинтаев даже подал заявление о приеме в отряд космонавтов. Хотя, судя по открытым публикациям, туда брали только летчиков и авиационных инженеров. Но как хотелось бы оказаться среди тех, кто проложит новый путь, по которому рано или поздно пойдет все человечество!

Тем временем шоссе вышло на берег залива Порт-Филипп, то есть до императорской резиденции оставалось три километра.

Молчащий всю дорогу сопровождающий вдруг улыбнулся и заметил:

– Кажется, я понимаю, о чем вы думаете. Подождите, осталось совсем немного, и вы услышите ответы из уст его величества. Впрочем, позвольте в качестве намека задать один вопрос. У вас по-прежнему идеальное здоровье?

Не дожидаясь ответа, он добавил:

– После аудиенции вы сможете увидеться с братом. Четвертый флот сегодня вернулся с совместных австрало-российских учений. Да вот, смотрите!

Хотя до огромного корабля было не меньше двух километров, не узнать его все равно не получилось бы. К рейду Ильинска держал курс один из четырех самых больших и мощных боевых кораблей мира – атомный авианосец "Гюльчатай".